

Вадим Абрамов
Контрразведка
Щит и меч. против Абвера и ЦРУ

*Автор выражает глубокую благодарность
писателю и историку Теодору Кирилловичу Гладкову,
взявшему на себя нелегкий труд редактора этой книги.*

РОССИЙСКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА МЕЖДУ ВОЙНАМИ И РЕВОЛЮЦИЯМИ

Современные историки Федеральной службы безопасности России ведут историю российской контрразведки с 1903 г., т. е. со времени организации «разведочного отделения при Главном штабе». Из этого факта, однако, не следует, что до начала XX века в России не было учреждений, выполнявших контрразведывательные функции. Этим в большей или меньшей степени занимались все российские спецслужбы, начиная с Приказа тайных дел в XVII веке и до Департамента полиции, одно из подразделений которого (Особый отдел) и осуществляло функции борьбы со шпионажем (как говорили в то время, «шпионством»). Контрразведкой также занимались военное ведомство (Военно-ученый комитет Главного штаба), Отдельный корпус пограничной стражи и таможенный департамент Министерства финансов, Министерство иностранных дел. В июле 1882 г. на совещании в Главном штабе с участием представителей МВД, МИД и Министерства финансов было признано необходимым «учредить постоянный полицейский надзор за военными и консульскими агентами с целью выяснения лиц, с которыми они находятся в постоянных сношениях, и мер, ими принимаемых для сбора секретных сведений». Но такие меры приняты не были.

В июне 1903 г. — в структуре Главного управления Главного штаба российской армии, по предложению военного министра генерала от инфантерии Алексея Николаевича Куропаткина, высказанного в докладе императору Николаю II, был создан специальный орган контрразведки — разведочное отделение ГУ ГШ. Начальником был назначен ротмистр Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) Владимир Николаевич Лавров, возглавлявший ранее охранное отделение в Тифлисе. Сотрудники разведочного отделения ГУ ГШ установили слежку за военными атташе в Петербурге: Австро-Венгрии — князем Гогенлоэ-Шиллингфюрстом, Германии — Лютвицем, Японии — Акаши, и их информаторами — чиновником Департамента торговли Васильевым и двумя военными интендантами — действительным статским советником Есиповым и ротмистром Ивковым. Во время войны с Японией сотрудники Лаврова в ходе наблюдения за английским военным агентом полковником Непиром установили его связи со служащими морского ведомства, передававшими английской разведке военные сведения (а о японском шпионаже читатели тогда же узнали из рассказа А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников»). В 1910 г. в результате проведенной операции был выслан из России военный агент Австро-Венгрии Спанноки.

Отделение было засекреченным, и о его работе мало кому было известно. В дальнейшем оно было преобразовано в Санкт-Петербургское городское контрразведывательное отделение во главе с полковником ОКЖ Василием Андреевичем Ерандаковым, который сменил полковника Лаврова в 1910 г. (с 1911 г. Лавров, выйдя в отставку и поселившись во Франции, руководил первой организацией агентурной разведки в Западной Европе — т. н. «организацией № 30», действовавшей против Германии. Аналогичной резидентурой — «организацией № 31», действовавшей против Австро-Венгрии с территории Швейцарии, руководил другой жандармский полковник Михаил Фридрихович фон Коттен. В 1917 г. уже в чине генерал-майора его убили революционные матросы в Кронштадте, где он был начальником штаба крепости). В апреле 1914 г. Санкт-Петербургское КРО было реорганизовано в КРО Главного управления Генштаба.

Параллельно в Департаменте полиции с 1904 г. действовало специальное «отделение по

разведке военного шпионства» (начальник — жандармский ротмистр, впоследствии генерал-майор, Михаил Степанович Комиссаров), которое просуществовало до июня 1906 года. Комиссаров и его сотрудники, среди которых был чиновник по особым поручениям при директоре ДП Иван Федорович Манасевич-Мануйлов, также занимались вербовкой агентуры среди служащих иностранных миссий, конкурируя с разведочным отделением Лаврова и мешая друг другу.

Дальнейшие изменения в организационной структуре формировавшейся контрразведки выглядели следующим образом. В декабре 1908 г. по соглашению МВД с военным и морским министерствами была создана межведомственная комиссия по организации контрразведывательной службы. Первый ее председатель директор Департамента полиции Максимилиан Иванович Трусевич предлагал организовать контрразведку в системе МВД. Его поддержал министр внутренних дел и председатель правительства Петр Аркадьевич Столыпин. Но уже в июне 1910 г. новый глава комиссии — товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов предложил реорганизовать органы контрразведки, подчинив их военному ведомству. Этому предшествовало заседание комиссии, в котором участвовали исполняющий должность директора ДП С.П. Белецкий, исполняющий обязанности вице-директора ДП С.Е. Виссарионов, заведующий Особым отделом ДП полковник А.М. Еремин, начальник иностранной части Морского Генштаба старший лейтенант М.И. Дунин-Барковский, помощник начальника Штаба ОКЖ генерал-майор Залесский, начальник Киевского охранного отделения подполковник Н.Н. Кулябко, делопроизводитель разведывательного отделения ГУГШ полковник Н.А. Монкевиц и другие.

Сделав вывод, что «Департамент полиции не обладает специальными знаниями военной организации русской и иностранных армий...не может руководить контрразведочной службой», комиссия решила, что контрразведка должна быть «в ведении военного начальства». В июне 1911 г. в составе Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба создается Регистрационное отделение. Тогда же военный министр генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов утвердил «Положение о контрразведывательных отделениях» и «Инструкцию начальникам контрразведывательных отделений».

Для руководства созданными в крупных городах и военных округах контрразведывательными отделениями была учреждена должность помощника делопроизводителя Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера ГУ ГШ, на которую был назначен подполковник Отдельного корпуса жандармов Владимир Михайлович Якубов. К концу 1912 г. КРО были образованы в Петербургском, Московском, Виленском, Варшавском, Киевском, Одесском, Тифлисском, Иркутском и Хабаровском военных округах.

Уже в ходе Первой мировой войны, в июне 1915 г., Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич утвердил два документа: «Наставление по контрразведке в военное время» и «Инструкция наблюдательному агенту по контрразведке».

С начала Первой мировой войны в действующей армии в составе армий и фронтов действовали контрразведывательные отделения (КРО), которые подчинялись соответственно генерал-квартирмейстерам штабов армий и разведывательным отделам генерал-квартирмейстеров штабов фронтов. Высшей структурной единицей контрразведки в действующей армии являлось КРО Ставки Верховного Главнокомандующего, находившееся в ведении генерал-квартирмейстера штаба Главковерха, низшими — контрразведывательные пункты в дивизиях и корпусах.

В центральном аппарате военного ведомства в Петрограде действовало Центральное военно-регистрационное бюро Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба во главе с полковником князем Василием Георгиевичем Туркестановым. Также существовали контрразведывательные отделения в военных округах. Следует отметить, что по инициативе Туркестанова и Якубова были организованы т. н. «контрразведывательные

пункты» в Швеции, Дании, Голландии, Швейцарии, занимавшиеся наблюдением за резидентурами немецкой и австрийской разведок в этих странах, внедрением агентуры.

На флоте (в Российской империи военное и морское министерство были параллельными и независимыми друг от друга ведомствами) существовала еще более сложная система контрразведки. До начала войны, в мае 1914 г., из Статистической части Морского генштаба было выделено Особое делопроизводство во главе с капитаном 2 ранга М.И. Дуниным-Барковским, занимавшееся морской разведкой и контрразведкой. В марте 1916 г. были образованы подчинявшиеся Особому делопроизводству Центральная морская регистрационная служба, начальником которой стал капитан 2 ранга В.А. Виноградов (характерно, что его помощником был назначен сухопутный офицер — подполковник А.И. Левицкий) и Морское регистрационное бюро (начальник — старший лейтенант А.М. Сыробоярский; здесь необходимо отметить, что в то время на флоте это звание, предшествовавшее званию «капитан 2 ранга», соответствовало нынешнему «капитан 2 ранга»). Регистрационная служба являлась распорядительным и координирующим органом внутренней и внешней морской контрразведки, а Регистрационное бюро рабочим органом Регистрационной службы.

Этим структурам подчинялись Особые отделения штабов флотов, созданные во время войны. Первое из них появилось на Черноморском флоте в ноябре 1915 г., т. е. вскоре после вступления России в войну с Турцией. Позднее такие же органы были учреждены в штабах Балтийского флота, флотилии Северного Ледовитого океана, в Петрограде (Петроградское морское контрразведывательное отделение, подчиненное непосредственно центральным органам морской контрразведки), в морских крепостях (например, в Выборге и Свеаборге), укрепленных позициях (в частности, в Моонзундской) и контрразведывательные пункты, такие, как Особый Мурманский, образованный в январе 1917 г. (г. Романов-на-Мурмане был основан в 1916 г.).

Основную часть кадров контрразведывательных органов армии и флота составляли офицеры Отдельного корпуса жандармов. В самый канун войны, в июле 1914 г., в штабы армий на контрразведывательную работу был направлен 21 офицер ОКЖ; в первый год войны, до сентября 1915 г., в армейские штабы было откомандировано 19, а в штабы военных округов — 9 жандармских офицеров. Среди руководителей вышеназванных структур можно назвать начальника Центрального военно-регистрационного бюро Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба полковника князя В.Г. Туркестанова, начальника КРО штаба Петроградского военного округа полковника В.М. Якубова, начальника КРО штаба Западного фронта подполковника В.И. Сизых, начальника Петроградского морского КРО полковника И.С. Николаева, начальника КРО штаба Черноморского флота ротмистра А.П. Автономова, начальника Особого отделения штаба Балтфлота подполковника А.Н. Нордмана, начальника КРО штаба флотилии Северного Ледовитого океана подполковника П.В. Юдичева (в начале войны занимавшегося делами по шпионажу в Петроградском охранном отделении), начальника КРО штаба крепости и одновременно жандармской команды в Свеаборге подполковника Ф.Ф. Крушинского. В основном эти офицеры оставались в кадрах ОКЖ, хотя были случаи их перехода в военные структуры.

Контрразведывательными вопросами ведал также Департамент полиции, в частности, его Особый отдел, который во время войны возглавляли действительный статский советник М.Е. Броецкий и (с января 1917 г.) полковник И.П. Васильев, и с января 1916 г. — 9-е делопроизводство ДП (начальник — Н.В. Волчанинов), которое, кроме того, надзидало за военнопленными. Также существовала комиссия при штабе Северного фронта во главе с начальником его разведывательного отделения генерал-майором Генштаба Николаем Степановичем Батюшиным, которая в основном занималась борьбой с экономическими преступлениями в тылу, затрагивавшими интересы военного ведомства (дело банкира Д. Рубинштейна, сахарозаводчиков Бабушкина, Доброго и др.).

После Февральской революции судьба контрразведывательных структур сложилась

по-разному. Подразделения Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов, являвшиеся главными орудиями борьбы с революционным движением, были ликвидированы вместе с самими этими органами. КРО штаба Петроградского ВО было разгромлено революционными массами во время боев на улицах столицы, а его помещение занято караульными командами Военной комиссии Временного комитета Государственной думы (начальник КРО В.М. Якубов был арестован). На флоте, в крепостях, укрепленных районах и морских базах было арестовано несколько десятков сотрудников КРО, в основном жандармов (среди них начальник Особого отделения Штаба командующего флотом Балтийского моря подполковник Корпуса гидрографов, бывший жандармский офицер А. Н. Нордман). Однако часть офицеров ОКЖ, согласно принятому Временным правительством 4 марта 1917 г. постановлению, осталась служить в военной контрразведке, в том числе упоминавшиеся Туркестанов, Сизых и Юдичев.

Были случаи перехода бывших жандармских офицеров, ранее в контрразведке не работавших, в эти структуры (например, бывший начальник ликвидированного Минского губернского жандармского управления полковник Н.Ф. Бабчинский, ставший сотрудником КРО штаба Западного фронта; в конце апреля был арестован по решению Минского совета за отказ выдать списки секретных сотрудников охранки). Известны и случаи освобождения из-под ареста и восстановления в должности (А.Н. Нордман). Подобные факты имели место на начальном этапе революции. В конце марта 1917 г. чистка контрразведки от бывших жандармов усилилась, во многом по инициативе военного министра Временного правительства А.И. Гучкова. Были арестованы начальник КРО Отдела генерал-квартирмейстер Главного управления Генштаба полковник В.А. Ерандаков, подполковник П.В. Юдичев (в Архангельске), начальник КРО штаба 13-й армии полковник Б.В. Фок (в Риге), бывшие руководители контрразведки генерал-майор Н.С. Батюшин и помощник военного прокурора Петроградского военно-окружного суда полковник А.С. Резанов.

Контрразведывательные органы центрального аппарата военного ведомства разгрому не подверглись, поскольку их куратор генерал-квартирмейстер Генштаба генерал-майор М.И. Занкевич занял благожелательную позицию по отношению к Временному правительству. Создавались и новые органы контрразведки, например, КРО Военной комиссии Временного комитета Государственной думы (ВКГД). Контршпионажем занимались Комендантское управление и Высшая следственная комиссия ВКГД, военный комиссариат Петрограда, Министерство юстиции, а также возникавшие и столь же быстро исчезающие многочисленные органы, такие, как, например, «Отряд для борьбы с германским шпионажем, провокаторами и контрреволюционерами». Главную роль в вопросах контрразведки на данном этапе революции играла Военная комиссия ВКГД (в ее составе было много офицеров), сумевшая установить контроль над пограничными пунктами.

В середине марта 1917 г. возобновило работу КРО штаба Петроградского военного округа; начальник отделения судебный следователь М.Н. Лебедев и его помощники были избраны на общем собрании сотрудников. Но такой взлет демократии был лишь эпизодическим, т. к. руководство ВК ВКГД (офицеры Генштаба Якубович, Туманов, Барановский) сумело убедить командующего округом генерала Л.Г. Корнилова назначить начальником КРО штаба ПВО капитана Б.В. Никитина, произведенного в подполковники (звание капитана в старой русской армии соответствовало нынешнему званию майора). В марте же 1917 г. возобновили работу Петроградское морское КРО, Центральная морская регистрационная служба и Морское регистрационное бюро, при котором была образована оперативная служба — контрразведочная команда. Контрразведывательные органы создавались также при исполкомах местных советов; например, в Свеаборге при Совете депутатов армии, флота и рабочих порта действовала т. н. «Секция охраны народной свободы».

Временным правительством были приняты следующие нормативные акты о деятельности контрразведки: «Временное положение о контрразведывательной службе во

внутреннем районе» (23 апреля 1917 г.); «Временное положение о контрразведывательной службе на театре военных действий» (2 мая 1917 г.); «Инструкция по организации и осуществлению негласного наружного наблюдения за лицами, подозреваемыми в военном шпионстве» (5 мая 1917 г.); «Временное положение о правах и обязанностях чинов сухопутной и морской контрразведывательной службы по производству расследований» (17 июня 1917 г.).

Центральным органом контрразведки при Временном правительстве фактически был КРО штаба Петроградского военного округа во главе с ранее не служившим в контрразведке подполковником Борисом Владимировичем Никитиным (сыном бывшего коменданта Петропавловской крепости генерала от инфантерии В.Н. Никитина и братом фрейлины императрицы, входившей в ближайшее окружение Распутина), который вместе с подчиненными вскоре стал широко известен преследованиями большевиков и обвинениями их лидеров в шпионаже в пользу Германии. Таким образом, контрразведка выступала орудием власти в политической борьбе.

В этот период в штате КРО штаба ПВО числился 21 юрист, 180 агентов и служащих, в том числе 8 помощников начальника КРО, 6 столоначальников, шеф канцелярии и руководитель агентуры наружного наблюдения. Б.В. Никитин в начале июня был назначен генерал-квартирмейстером штаба ПВО (курировал разведку и контрразведку). В должности начальника КРО его сменил юрист А.М. Волькенштейн (июнь-июль 1917 г.), затем Н.Д. Миронов (июль-октябрь 1917 г.), эсер, возвратившийся из эмиграции и некоторое время руководивший контрразведывательной службой при Министерстве юстиции.

С 6 апреля 1917 г. также существовала созданная по предложению и.о. начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала В.Н. Клембовского контрразведывательная часть при Ставке во главе с полковником Н.В. Тереховым; его заместителем был прапорщик В.Г. Орлов, бывший судебный следователь, в послереволюционный период эмигрант, известный публикациями антисоветских фальшивок (его сложную биографию подробно описал в 1998 году исследователь истории российских спецслужб генерал А.А. Зданович).

С 4 октября 1917 г. 3-м обер-квартирмейстером (по контрразведке) Отдела 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ был полковник Генштаба М.Ф. Раевский.

В первые месяцы после Октября в органах военной контрразведки сосуществовали кадры прежнего режима и новые, большевистские. Комиссаром КРО штаба Петроградского военного округа был назначен поручик Николай Николаевич Асмус — большевик, в прошлом рабочий, участник трех революций, призванный в армию во время войны. Петроградские контрразведчики осуществляли наблюдение за посольствами «союзных» и нейтральных стран, сотрудники которых вели работу в пользу германской разведки (например, шведские и датские дипломаты), а также за членами совместной австро-германской и турецкой военных делегаций, прибывших в Петроград для предварительного обсуждения вопросов мирных переговоров, вскоре начавшихся в Брест-Литовске.

В штабе Московского военного округа после победы Советской власти в Москве работа по контршпионажу находилась под контролем специально созданного политотдела во главе с большевиком Александром Яковлевичем Аросевым, впоследствии известным советским дипломатом и писателем (отцом переводчицы Натальи Александровны и народной артистки СССР Ольги Александровны Аросевых). Московские контрразведчики раскрыли антибольшевистский заговор в корпусе легионеров (сформированном из поляков) генерала И.Р. Довбор-Мусницкого и в конце декабря 1917 г. произвели аресты ряда офицеров, но вооруженное антисоветское выступление корпуса предотвратить не удалось.

Предпринимались попытки создания контрразведки в системе формировавшихся органов ВЧК. В январе 1918 г. было образовано Контрразведывательное бюро ВЧК, которое возглавил бывший сотрудник царской контрразведки К.А. Шевара. В его штате насчитывалось около 35 человек. В марте 1918 г. Шевара был убит в Петрограде без суда

матросами из отряда ВЧК под командованием А. Полякова, и Контрразведывательное бюро, подчинявшееся лично председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому, прекратило существование (эту историю подробно описал исследователь истории российских спецслужб генерал А.А. Зданович).

В мае 1918 г. при Отделе по борьбе с контрреволюцией ВЧК было образовано отделение по борьбе со шпионажем во главе с левым эсером Яковом Григорьевичем Блюмкиным, расформированное незадолго до левозэсеровского мятежа 6 июля 1918 года.

Параллельно с чекистскими органами контрразведки с мая 1918 г. действовал Военный контроль при оперативном отделе народного комиссариата по военным и морским делам, в котором работало много бывших офицеров (начальником был эстонский большевик Макс Густавович Тракман). В сентябре 1918 г. при организации Реввоенсовета РСФСР и перестройке системы военного ведомства органы контрразведки, подчиненные Всероссийскому главному штабу и Высшему военному совету, перешли в ведение Военконтроля.

Чекисты довольно враждебно относились к военной контрразведке ввиду многочисленных случаев перехода к белогвардейцам сотрудников Военконтроля — бывших офицеров. В октябре 1918 г. в Петрограде чекистами была практически разгромлена военно-морская контрразведка, руководители которой — начальник Центральной морской регистрационной службы бывший подполковник А.И. Левицкий, его помощник старший лейтенант А.М. Сыробоарский, начальник Военно-морского контроля А.К. Абрамович были связаны с тайной организацией офицеров флотской разведки и контрразведки «ОК» (по фамилии ее руководителя лейтенанта Р. А. Окерлунда).

С 6 мая 1918 г. Окерлунд работал в контакте с британским военно-морским атташе в Петрограде капитаном (это звание соответствовало званию капитана 1 ранга в российском Военно-морском флоте) Ф. Кроми. По мнению следователя, прикомандированного к ВЧК члена ВЦИК эстонского коммуниста Виктора Эдуардовича Кингисеппа, «Регистрационная служба в совокупности с Морским контролем Генмора является филиальным отделением Английского Морского Генштаба». В докладе В. И. Ленину, Я. М. Свердлову, Л. Д. Троцкому и заместителю председателя ВЧК Я. Х. Петерсу Кингисепп утверждал, что «Морская контрразведка за весь 1918 год не произвела ни одного ареста ни одного шпиона, не дала никаких сведений о противнике...» По его предложению, морская контрразведка была передана в ведение образованного в январе 1919 г. Особого отдела ВЧК. По приговору Верховного ревтрибунала в апреле 1919 г. Окерлунд и Абрамович были расстреляны за шпионаж в пользу англичан; Левицкий и Сыробоарский были заключены в концентрационный лагерь до окончания Гражданской войны.

В годы Гражданской войны функции органа контрразведки выполнял с января 1919 г. Особый отдел ВЧК, возникший после долгих ведомственных споров между ВЧК и Реввоенсоветом Республики путем слияния органов Военного контроля и армейских ЧК. Особый отдел, обладая огромными полномочиями (его первым председателем был член коллегии ВЧК Михаил Сергеевич Кедров, а с августа 1919 г. — председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский, по совместительству), занимался всеми видами разведки и контрразведки, борьбой с контрреволюцией. Особый отдел стал основой созданного приказом ВЧК от 14 января 1921 г. Секретно-оперативного управления ВЧК, в состав которого вошли также Оперативный и Секретный отделы. Новое Управление возглавил по совместительству начальник Особого отдела (с июля 1920 г.) Вячеслав Рудольфович Менжинский.

На Особый отдел возлагалась контрразведка в Красной Армии и Рабоче-крестьянском красном флоте, оперативные действия против разведок зарубежных стран и политического бандитизма на территории Советской России. Отделом руководили: начальник — В.Р. Менжинский, заместитель — Генрих Григорьевич Ягода, помощник начальника — Артур Христианович Артузов; при Отделе состояли сотрудники для поручений Виктор Станиславович Кияковский, Игнатий Игнатьевич Сосновский, Карл Францевич Роллер;

Отдел включал спецотделения: 13-е (контрразведывательная работа против Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии, начальник П.В. Эйдукевич); 14-е — страны Востока (начальник М.Г. Калужский); 15-е — страны Антанты — борьба с английским, французским, американским шпионажем (начальник А.А. Щепкин), 16-е — контрразведка в Красной Армии (начальник Я. С. Агранов, впоследствии первый заместитель наркома внутренних дел СССР), 17-е — контрразведывательная работа против бывших офицеров (начальник Н.И. Калинин). Как видим, большая часть подразделений отдела была направлена на борьбу со шпионажем в чистом виде.

Коллегия ГПУ при СНК РСФСР при участии полномочных представителей ГПУ на местах на совещании 6–8 мая 1922 г. приняла решение о разделении особых отделов и образовании контрразведывательных подразделений ГПУ. 2 июля 1922 г. из Особого отдела СОУ ГПУ был выделен Контрразведывательный отдел. Впервые в истории спецслужб России контрразведка стала отдельным подразделением.

Задачами Контрразведывательного отдела являлись борьба с зарубежными разведками, белогвардейскими организациями и контрреволюционными партиями как за рубежом, так и на территории РСФСР — на промышленных предприятиях, транспорте, в государственных учреждениях, частях и соединениях армии и флота, борьба с заговорами, бандитизмом, а также незаконными переходами границы и контрабандой.

КРО возглавил Артур Артузов, успевший месяц поработать заместителем нового начальника Особого отдела ГПУ Генриха Ягоды.

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОЙ КОНТРАЗВЕДКИ. ПЕРИОД АРТУЗОВА

В истории спецслужб Артур Артузов (Фраучи) был и остается единственным человеком, по крайней мере в истории России, последовательно руководившим контрразведкой, внешней разведкой и военной разведкой, хотя его происхождение, воспитание и профессиональные склонности к этому не располагали.

Он родился 16 февраля 1891 года в селе Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье приехавшего из Швейцарии эмигранта Христиана Фраучи, служившего мастером-сыроваром в имении помещика Лихачева. Фраучи-отец оставался швейцарским подданным, гражданином Швейцарии формально был и Артур Фраучи (его паспорт использовали советские разведчики в 20-е-30-е годы). Мать, Августа Августовна Дидрикуль, латышского происхождения, обучила его французскому и немецкому языкам, потом он самостоятельно выучил английский. Спустя много лет, заполняя анкету, Артур Фраучи напишет в графе «национальность»: «Сын швейцарского эмигранта, мать латышка проживала все время в России. Я себя считаю русским». Дядя по матери, агроном, помог Артуру получить образование. Старший сын в многодетной семье (у Артура было 3 сестры и 2 брата) окончил с золотой медалью Новгородскую классическую гимназию и металлургическое отделение Петроградского Политехнического института, получив таким образом гуманитарное и техническое образование. Как и многие студенты всех времен и народов, Артур Фраучи подрабатывал репетиторством. Дипломный проект он защитил (за месяц до Февральской революции 1917 г.) с оставлением на кафедре металлургии стали, одновременно работал в Металлургическом бюро известного профессора-металлурга Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло. Но металлургом он так и не стал. Революция и родственные связи определили его судьбу.

Две родные сестры матери Артура Фраучи были замужем за известными впоследствии большевиками — будущим Наркомвоеном Николаем Ильичем Подвойским и Михаилом Сергеевичем Кедровым, который и сыграл в жизни племянника решающую роль.

Революционная деятельность будущего чекиста началась в 14 лет, в 1905-м, когда он участвовал в гимназических беспорядках. Гимназисты порвали портрет царя, несколько учащихся, по позднейшим воспоминаниям Артузова, были убиты местными черносотенцами, но для Артура все окончилось благополучно, он уехал в деревню к

родителям (гимназия была закрыта на год). В 16-летнем возрасте он помогал «дяде Мише» Кедрову в работе большевистского книгоиздательства «Зерно», находившегося на Невском проспекте (д.110), выполняя различные технические поручения — перевозка литературы, работа на складе и т. п. После закрытия издательства Кедров попал на 2 года в тюрьму, а затем был выслан за границу. Как писал позднее Артузов в автобиографии, «общая реакция и придавленность побудили меня отойти от участия в революционной работе, и я отдался исключительно техническому образованию, лишь изредка поддерживая связь с тов. Н.И. Подвойским, жившим тогда в Финляндии». Николай Ильич познакомил Артура с политеховскими большевиками (а там тогда учились такие будущие звезды партии, как Вячеслав Молотов, Сергей Сырцов, Алексей Стецкий, Федор Раскольников), но, по собственному признанию, «в работу Ячейки большевиков Политехникума я не был втянут, т. к. политической активности в то время не проявлял, если не считать участия в довольно редких массовых политических вспышках студенчества (Толстовские волнения, Ленские расстрелы)».

С весны 1917-го после возвращения из эмиграции Кедрова Артур, ранее поддерживавший группу «Единство» Г.В. Плеханова, постепенно переходит к большевикам. В Октябре он работал в Военной организации Петроградского комитета РСДРП(б), выполняя поручения Подвойского. Там он познакомился с будущими своими начальниками — Вячеславом Рудольфовичем Менжинским и Генрихом Григорьевичем Ягодой.

Следующие полтора года (с декабря 17-го до августа 19-го) Артур работал под непосредственным руководством Кедрова. Сперва в Петрограде — секретарем «Комиссариата по демобилизации армии» — (Демоб), тогда же вступил в партию, затем в Москве занимался организацией органов снабжения создаваемой Красной Армии, а весной 18-го «уехал с «Ревизией тов. Кедрова» осуществлять Октябрьскую Революцию на нашем Севере. (Арест «Архангельского правительства Гор. Думы», ликвидация волнений в разложенном соглашателями флоте (Целедфлот), перевыборы Арх. Совета (прежний состав еще не играл руководящей роли в политике Севера) и прочее.)

Далее участвовал в организации первых отрядов, оказавших сопротивление союзным отрядам на Севере (в Мурманске высадился английский десант, затем французы и американцы, и к началу июля здесь уже находилось до 17-и тысяч интервентов, которых поддерживали до 5-и тысяч белогвардейцев. -*Авт.*), был Начальником Подрывной Группы, а затем нач. Головного Ремонтного поезда, затем инспектором Снабжения наших отрядов, пока не была организована Армия (впоследствии шестая)...

Был участником ликвидации ряда предательских действий как отдельных командиров наших частей, так и целых отрядов. Участвовал в ликвидации к. — рев. организации полк. Куроченко, имевшей целью организацию предательства и измены наших частей в пользу союзников.

Это и было началом моей чекистской деятельности.

Возвратясь в Москву, организовал при Штабе тов. Муралова разведку в Московских резервных полках, для выявления измены спецов и нужд красноармейцев».

Там же, на севере, Артур Фраучи взял себе фамилию Артузов, под которой работал в дальнейшем, и в августе 18-го первый раз женился — на Лидии Слугиной.

Еще не будучи формально сотрудником ВЧК, Артузов на севере начинает свою службу в создававшейся с большим трудом советской контрразведке.

В Москве, проработав 2 месяца начальником Военно-осведомительного бюро МВО, на такой же срок становится начальником активной части отдела Военного контроля РВСР (под руководством «дяди Миши» Кедрова), а после передачи военной контрразведки в ВЧК — особоуполномоченным Особого отдела (Управления особого отдела) ВЧК под начальством сперва Кедрова, а затем Дзержинского.

В Особом отделе Артузов работал заведующим оперотделением, начальником 12-го спецотделения, в январе 1921 г. становится помощником, а в июле того же года — заместителем начальника Особого отдела ВЧК (как уже отмечалось, с июля 1920 г. на этом

посту Дзержинского сменил Вячеслав Рудольфович Менжинский). Как писал сам Артур Христианович в автобиографии, «с 1920 г. на правах члена Коллегии (по внутричекистским вопросам)». Он участвовал в ликвидации и следствии по делам известных контрреволюционных организаций «Национальный центр» и «Тактический центр», история эта неоднократно была описана в литературе. Летом 1920 г. Артузов ездил на Западный фронт с широкими полномочиями (право контроля работы особых отделов фронта и армий). Результатом поездки была ликвидация разведсети «Польской организации войсковой», действовавшей в тылу Красной Армии. Членам ПОВ удалось организовать ряд диверсий (взрывы военных складов в Хорошеве под Москвой и в Туле). Разведчиков ПОВ долго не удавалось брать в плен живыми, они успевали застрелиться. Игнатия Добржинского («Сверщ»), командира РККА и резидента ПОВ в Москве, сотрудник Особого отдела ВЧК Федор Карин в последний момент успел схватить за руку и выбить пистолет.

Добржинский стал первым из польских разведчиков, которых удалось перевербовать на идейной основе. Сосновский выдал всю сеть ПОВ чекистам, давшим ему обещание не расстреливать польских разведчиков, а отпускать их в Польшу под честное слово «не заниматься шпионажем». Обещание было выполнено. В итоге, были разгромлены ячейки ПОВ на Западном фронте и в Киеве. В дальнейшем такие диверсанты 1920 г., как Игнатий Добржинский («Сверщ», впоследствии под фамилией Сосновский — заместитель начальника Особого отдела ОГПУ, комиссар госбезопасности 3 ранга), Виктор Стецкевич (Кияковский) и другие работали в советских органах безопасности. Большое пропагандистское значение имело письмо Сосновского, Виктора Витковского-Марчевского, Виктора Стецкевича, Юны Сингер-Пшепелинской, Ирены Заборской, Карла Роллера, Марии Недзвяловской, Ежи Жарского, Вацлава Гурского-Табартовского членам ПОВ с призывом переходить на сторону большевиков, опубликованное в советских газетах в июле 1920 г.

В июле 1921 г. за эту операцию Артур Артузов был награжден орденом Красного Знамени.

Сам Артузов в той же автобиографии определял задачи своего подразделения как «обнимающего функции, организации и руководства в союзном масштабе органов борьбы со шпионажем иностранных государств с повстанческими, военными, контрреволюционными организациями, заговорами и политическим бандитизмом».

Заместителями начальника КРО стали известный чекист Роман Александрович Пилляр (двоюродный племянник Дзержинского барон Пилляр фон Пильхау, бывший ранее на подпольной работе в Литве, затем в Особом и Иностранном отделах ВЧК и вновь на подпольной работе — в Силезии) и Василий Васильевич Ульрих, впоследствии печально известный председатель Военной коллегии Верховного суда СССР в 1924–1948 гг., подписавший смертные приговоры десяткам тысяч людей, в том числе и своим бывшим сослуживцам по ЧК. Помощниками начальника КРО были назначены венгерский интернационалист Ференц Патаки (бывший начальник Отдела по борьбе с бандитизмом ВЧК и Управления войск ГПУ, в период Великой Отечественной войны направленный вместе с разведгруппой на подпольную работу в Венгрию и героически погибший в 1944 г.) и известные впоследствии чекисты Сергей Васильевич Пузицкий (потомственный дворянин, сын директора московской гимназии — действительного статского советника, подпоручик царской армии) и Эдуард Петрович Салынь.

Количество отделений в КРО неоднократно менялось. Отдел состоял из 10-й, затем 11-й, и с ноября 1922 г. — из 7-и отделений.

1-е отделение, образованное в ноябре 1922 г. на базе 10-го и 11-го отделений КРО, занималось осведомительской работой в иностранных представительствах. Его начальником (до января 1924 г.) был бывший руководитель 10-го и 11-го отделений Зельман Маркович Залин (Левин), ранее член еврейской социалистической партии «Поалей-Цион», работавший в виленском подполье в 1919 г. вместе с Пилляром и в Особом отделе Западного фронта в 1920 г. под общим руководством члена РВС фронта, в 1922 г. — зампреда ГПУ И.С. Уншлихта, а осенью 1920 г. — недолго бывший начальником Иностранного отделения

Особого отдела ВЧК.

После Залина 1-е отделение возглавил Александр Романович Формайстер, бывший член Польской социалистической партии (ППС) и Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), прошедший непростой путь от польского национализма к большевизму, также работавший в ЧК на Западном фронте.

2-е отделение КРО занималось контршпионажем против разведок прибалтийских и скандинавских стран. Его первым начальником был эстонский коммунист Йоханнес Кясперт, вскоре перешедший на работу в Коминтерн. Его сменил латвийский большевик Карл Карлович Сейсум-Миллер.

3-е отделение ведало борьбой против польской, румынской, венгерской, чешской, болгарской и югославской разведок. Из названных стран дипломатические отношения с СССР имели только Польша и Чехословакия (остальные признали Советский Союз только в 1934 г., а Югославия — в 1940 г.); работа против разведок этих государств велась с нелегальных позиций. Отделение возглавлял польский коммунист Юрий Игнатьевич Маковский, имевший опыт чекистской работы. В феврале 1923 г. его сменил Ян Каликстович Ольский, бывший председатель ГПУ при ЦИК Белорусской ССР; с мая того же года по совместительству он являлся помощником начальника КРО. В том же году отделение возглавил литовский коммунист Казимир Иосифович Науикокайтис.

В функции 4-го отделения входило противодействие шпионажу центрально — и западноевропейских стран, а также США, наблюдение за деятельностью организации «АРА», занимавшейся оказанием продовольственной помощи голодающим в России. Его начальником был Виктор Станиславович Кияковский (Стецкевич). Преемником этого бывшего офицера польской разведки стал Владимир Андреевич Стырне, ранее работавший в Туркестане и Особом отделе ВЧК в Москве.

5-е отделение занималось борьбой с контрабандой, надзором за пограничной и таможенной службами (начальник — В.А. Розанов).

6-е — действовало против белой эмиграции, ее вооруженных формирований (начальник — Игнатий Игнатьевич Сосновский (Добржинский), уже упоминавшийся бывший резидент польской военной разведки в России, ставший большевиком и чекистом).

7-е отделение сначала работало под руководством Ф.В. Патаки против бандитизма; в апреле 1923 г. было переориентировано против японских и китайских спецслужб, а также белой эмиграции на Дальнем Востоке, уже под началом сослуживца Артузова по Архангельску и Вологде в 1918 г. Иогана Фридриховича Тубала. Как видим, большинство руководителей советской контрразведки ранее служило на Западном фронте. Также примечательно, что многие из них были выходцами из стран, враждебно настроенных к СССР (Польша, Эстония, Венгрия), а двое — перевербованными разведчиками.

Позднее отделения КРО возглавляли Карл Роллер (2-е), Николай Демиденко (6-е), Федор Карин, Семен Гендин (оба -7-е), новое 8-е отделение (контрразведка против Германии) — бывшие офицеры австро-венгерской армии Михаил Розенфельд и Отто Штейнбрюк. Также на этих должностях работали и другие более или менее известные чекисты.

Такой интернациональный боевой коллектив под руководством Артузова спланировал и провел известные впоследствии операции, в том числе такие знаменитые, как «Трест», «Синдикат-2» и другие.

Прежде чем перейти к рассказу об этих операциях, предоставим слово документу — отчету начальника советской контрразведки Артура Артузова.

СОВ. СЕКРЕТНО

**Краткая справка о деятельности КРО ОГПУ за 1923-24 операционный год
I. Функции КРО**

1. Борьба с контрреволюционными военными организациями (повстанческими, заговорщицкими, бандитскими с политической окраской, кастовыми, террористическими).

Людской контингент, как объект исследования, бывший офицерский, жандармский корпус царской Армии и за последнее время унтер-офицеры царской службы.

2. Борьба со всякого рода шпионажем за исключением экономического (военный, политический, дипломатический, активновредительный — взрывы в тылу).

Объект исследования: все дипломатические представительства иностранных государств, иностранные колонии на территории СССР, кадры иностранных журналистов и прочих иностранцев (всевозможные концессионные и иные иностранные общества), штаты НКВД, НКВДТ, Почта и Телеграф, лица, переходящие нелегально границу (около 11 тысяч человек в месяц, в среднем), лица, оптирующие иностранное подданство, и лица, прибывающие из-за границы, как наши оптанты, репатрианты, беженцы и военнопленные, а также лица, поддерживающие письменную или живую связь с заграницей (легально уезжающие и приезжающие советские граждане).

3. Учет бывших белых офицеров и военных чиновников. Переписка и заключения по вопросу о снятии с учета бывших белых.

4. Контроль за использованием вооружения и боевого снаряжения всеми ведомствами СССР за исключением военного (выдача разрешений на получение взрывчатых веществ, оружия и патронов всем учреждениям и отдельным лицам и выдача разрешений на право ношения оружия). Наблюдение за составом вооруженных частей (лесная стража, промышленная милиция и прочее).

II.

Основным фактором политического значения, характеризующим деятельность КРО ОГПУ (первая функция) на территории СССР в 1923/24 операционном году, является значительное усиление активности кулацко-монархического движения.

Причины следующие:

а) восстановление крестьянского хозяйства в близких к прежним дореволюционным формам. Более быстрое восстановление кулацких хозяйств, недовольство кулаков прогрессивным налогом и отсутствием товаров на рынке;

б) слабость Советской власти (и партийных аппаратов) в деревне, полное отсутствие юридической помощи беднякам и органов пресечения и революционной расправы — отсюда засилие кулацкого элемента в деревне (и даже помещиков). Убийства селькоров в деревне свидетельствуют об отчаянном сопротивлении господствующего кулачества начинающему проникать туда партийно-советскому влиянию;

в) образование громадных кадров бывших людей, не имеющих средства к жизни и устремившихся в уезды и деревню, как результат:

1) произведенных сокращений штатов Советских Административных и Торгово-промышленных учреждений и предприятий;

2) закрытия и краха всевозможных спекулянтских торговых предприятий нездорового типа, вытесненных Кооперацией;

3) сокращение Армии и демобилизация наиболее реакционного Комсостава;

4) исключение значительного количества студенчества из ВУЗов;

5) возвращение из эмиграции значительных кадров обнищавшей белой эмиграции, не могущей найти применения в советских условиях (ожидается в ближайшем будущем прибытие до 3.000 одних офицеров из Китая, конечно, это очень хорошо отсортированная группа махровых белогвардейцев).

Таким образом, деревенское кулачество получает контрреволюционные организующие кадры, выброшенные экономическими и политическими условиями из города.

Одним из главных доказательств активности кулацких масс в нынешнее время является факт самопроизвольных возникновений в различных районах контрреволюционных

организаций.

Если в 1922-23 гг. мы почти не знали еще случаев существования организаций, не связанных с зарубежными контрреволюционными Центрами, то в 1923-24 гг. таких организаций мы нашли несколько. Отмечены случаи, когда связь с заграницей устанавливалась по инициативе самопроизвольно возникшей контрреволюционной группы, тогда как, обычно, ранее к нам приезжали гастролеры (с деньгами) из-за границы для создания антисоветских группировок. Конечно, последние не были особенно опасны, так как, зачастую, дело кончалось просто присвоением полученных средств и скромным поступлением на советскую службу.

Таким образом, если в 1922-23 гг. кулачество в главнейших районах сидело смирно (за исключением бандитских районов, переживших десятки оккупации, как Украина), а кадры бывших людей (офицерство) либо оставались еще на советской службе, либо ударялись в спекуляцию, то в 1923-24 гг. мы видим повсюду попытки белогвардейцев повести за собой крестьянство.

ПРИМЕРЫ: 1) Предотвращенное восстание в Крыму в мае 1924 года. Участники — частью кулаки-помещики татары (сохранившие привилегированное положение в силу особенностей национальной политики в Крыму), частью кулаки-русские (немцы колонисты, болгары, арендаторы-мельники и прочие). Среди руководителей — пристав полиции, бывшие белые (офицеры военного производства из унтер-офицеров кулаков), бывшие черносотенцы. К моменту раскрытия организация имела уже значительное влияние, Крым был полон слухами о скором прибытии десанта Врангеля, распространялись листовки Николая Николаевича. Расстреляно 132 человека организаторов. Население было терроризировано организацией и долгое время не выдавало организаторов.

ГПУ Крыма вследствие малочисленности и слабости состава, а также скудости денежных средств не сумело вовремя обнаружить организацию агентурным путем и дало ей возможность разрастись до серьезных размеров.

2) Аналогичные организации, раскрытые в более благоприятный для нас (подготовительный) период, в районах Одессчины (Приднепровские кулацкие поселки), Волыни и Гомельщины.

Здесь характерно отметить, что на Волыни зарегистрированы случаи, когда организация собирала среди крестьян петиции на имя в. кн. Николая Николаевича с тысячами подписей.

3) Не вполне предотвращенное восстание меньшевиков в Грузии, увлекших за собой часть кулацки настроенного крестьянства («Верхушка Нации»).

Из перечисленных примеров без труда можно видеть, что при слабости Советской власти в деревне элементарная задача ОГПУ — предотвращение восстаний на селе — не может быть выполнена без достаточной агентуры в наиболее опасных местах. При получаемых нами средствах по этой статье, к сожалению, мы имеем возможность нащупать движение обычно слишком поздно, когда на оперативные расходы всему Советскому аппарату уже приходится тратить несоразмерно более крупные средства.

ПРИМЕЧАНИЕ: *естественно, что в связи с усилением активности кулацкого слоя крестьянства, зарубежные контрреволюционные Центры почувствовали некоторую почву под ногами и весьма усилили активность, в нынешних условиях несравненно более опасную для нас. Участились случаи отправки к нам из-за границы активной агентуры, избегающей, обычно, крупные центры ввиду больших опасностей. Кроме монархистов замечается оживление деятельности лево-буржуазных элементов (Милюков) и всевозможных экстремистов.*

2. Отмечаем, как второй крупнейший фактор, значительное усиление стремлений гонимых, озлобленных кадров бывших людей к организованности и наиболее активных из них — к террору. Террористические настроения упорно появляются и местами переходят к организационно-подготовительной деятельности.

Характерно, опять-таки, отметить, что, обычно, эти стремления возникают

САМОПРОИЗВОЛЬНО без давления заграничных Центров, о террористических действиях которых — особо.

Зарегистрированы почти во всех крупных Центрах СССР террористические ячейки. По преимуществу это молодые безработные офицеры и исключенные студенты ВУЗов. Ячейки небольшие обособленные, что весьма затрудняет разработку и требует большой агентуры. Способы исполнения актов — весьма разнообразны. Есть случаи работы над применением газовых отравлений (Севастополь).

Примером организации кастовых групп с террористическими настроениями служат: группа офицеров гвардии в Ленинграде и в Москве (группа преображенцев, семеновцев, измайловцев), группа лицеистов, группа правоведов.

Характерно отметить, что, например, лицеисты имеют организацию, разделенную на отделы (Отдел Информационный, Отдел Организационный), есть попытки создать Отдел Пропаганды. Информационный Отдел, между прочим, собирает точнейшие сведения о связях лицеистов с коммунистами и с ГПУ, учитывают советский стаж, ненадежных заносят в проскрипционные списки и подвергают бойкоту. Средства, затрачиваемые нами на агентуру против террористов, несоразмерно малы по сравнению с кредитами царского правительства на это дело. Правда, нет еще такой централизованной организации, как партия эсеров против нас, но тем опаснее возникновение террористических групп, не связанных между собой и действующих самостоятельно.

Наша агентура в этой области в стадии зачаточной. В Москве по этим делам работают сотрудники КРО.

В 1924 г. была раскрыта организация полковника Хан-Тумурова, имевшая связи в Кремле и в МУРе. Хан-Тумуров готовил покушение на тов. Троцкого.

Заграничные центры (КРО известны три Центра) готовят террористические выступления. Немцы помогают техникой (транспорт приборов — посредством дипломатической почты и авиации, а также опыты с газами на средства русской белой организации).

3. Политический бандитизм (остатки открытой гражданской войны), в общем, идет на убыль.

Вот таблица:

Нашумевшим в 1924 г. делом, хотя и не требовавшим от нас затраты больших средств, вследствие своевременного удачного агентурного подхода, это было дело Савинкова. Организации, действовавшие из-за рубежа, требуют у нас более искусства, чем средств, пока мы имели там в большинстве случаев слабо законспирированные центры. В последнее время и там заметно улучшение конспирации.

III.

ШПИОНАЖ. За 1923-24 гг. КРО ОГПУ удалось поставить борьбу со шпионажем на такую степень, при которой главные Европейские Штабы (за исключением Английского) были снабжены на 95 % материалом, составленным по указанию НарКомВоен и НКВД, и имеют, таким образом, такое представление о нашей военной мощи, как этого желаем мы. Мы имеем из этих Штабов документальные доказательства справедливости такого нашего мнения. Остальные 5 % материалов просачиваются через заградительную сеть нашей контрразведки — по преимуществу из заграничной полосы и имеют, таким образом, местное значение, не могущее влиять на общую картину.

С приездом Французского Посольства и значительным увеличением сметы Английского Правительства на разведку в России (до 300.000 р.) мы стоим перед необходимостью увеличения средств на агентуру контршпионажа, если не хотим добровольно предоставить иностранцам возможность выяснить все наши подлинные

ресурсы.

За 1923-24 гг. прошло через наши аппараты более 1375 человек шпионов, не считая мелкого приграничного шпионажа, который в период мира не имеет существенного значения, а служит лишь подготовкой аппарата на случай войны.

При сем справка № 1 о шпионских делах за 1923–1924 гг.

IV.

Учет бывших белых (главным образом, возвращающихся репатриантов) в нынешнем году весьма осложнился вследствие закрытия Карантинных пунктов, на которые нам не отпущено средств. Прибывающих на Дальний Восток 3.000 белых офицеров, в Ленинград 1 500 репатриантов и на Юго-Востоке неизвестное число мы вынуждены будем рассеять без профилировки.

В заключении считаю необходимым отметить чрезвычайно опасное влияние, идущее, по сведениям КРО, из Английской Миссии в среду русского офицерства. Англичане рекомендуют офицерам поступать в органы ОГПУ и, работая на две стороны, изолировать ОГПУ таким образом от действительной контрреволюционной жизни.

Около десятка подобного рода двойников было разоблачено Центральным аппаратом КРО ОГПУ в 1923-24 гг. с помощью сложных приемов, требующих средств.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Справка № 1 (по шпионажу)

Настоящая справка касается дипломатического, политического и активного (вредительского) шпионажа иностранных государств против СССР. Борьбу с экономическим шпионажем КРО ОГПУ не ведет.

Все перечисленные выше виды шпионажа ведут против СССР следующие государства: Англия, Германия, Франция, Америка, Япония и Китай, а также Чехословакия, Румыния, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Скандинавские страны, не считая Восточных государств, борьбу со шпионажем которых ведет Восточный Отдел.

Иностранные государства ведут энергичную разведку либо через свои официальные учреждения, находящиеся на территории нашего Союза и пользующиеся правом экстерриториальности (таких учреждений в одной Москве насчитывается 25; кроме того, имеется кадр иностранных корреспондентов, в число которых входят 27 американских корреспондентов, занятых исключительно разведывательной работой), либо путем организации резидентур разведывательных отделов своих генштабов вне миссий (немцы практикуют для данной цели организацию специальных коммерческих предприятий, например: виноторговля «Конкордия», оптические магазины, через духовенство и через широкую сеть, организованную в крупнейших немецких колониях; поляки — через католическое духовенство, организацию книжных магазинов, через торговые фирмы; финны — почти исключительно путем посылки в СССР отдельных частных лиц, вербуемых из числа эмигрантов белогвардейцев; китайцы — путем организации различных объединений, как, например, «Союз китайских рабочих», китайские курильни опиума; эстонцы и латыши — путем организации в разных местах меняльных лавок, книжных магазинов, антикварных лавок). Существеннейшую пользу в деле организации разведывательной сети штабам иностранных государств приносят всевозможные смешанные торговые общества и концессионные предприятия («Юнкерс», «Дерлюфт», «Телеграфен-Унион», «Нунция»).

Деятельность иностранных разведок, как было уже сказано выше, осуществляется через указанные организации и учреждения, но характерной особенностью этой деятельности является, во-первых, взаимный обмен получаемой информацией и документами (польский атташе обменивается материалами с турецким военным атташе,

эстонский резидент ведет обмен материалами с латышами, литовцами и т. д.), а также и то, что ряд иностранных лимитрофных государств работает не на себя, а на Англию или Францию, и следовательно, располагает для этой работы значительными средствами. Так, например, специально и исключительно для Англии работают разведки — эстонская, финская, латвийская и литовская и, в известной доле, — польская, за последнее время — шведы и норвежцы. На французов работают — поляки и румыны; немцы пока работают в одиночку.

Помимо разведки в центре, иностранные государства организуют широкий приграничный шпионаж, главным образом — Польша, Румыния, Эстония, Латвия и Финляндия. В приграничную полосу Западного Военного округа, по точным сведениям, 11-й Отдел Польского Генштаба и ряд его экспозитур направил на работу 490 агентов, из них квалифицированных 194, остальные — случайные; Румынский штаб для этой же цели отправил 136 агентов, из них случайных — 80; Чехословакия переправила на нашу территорию 13 агентов-одиночек; на границе Латвии и СССР, на территории Латвии существует 35 меняльных пунктов. Фактически эти лавки являются переправочными пунктами латвийских разведчиков и контрразведчиков, а также монархистов. На границе же существует 5 переправочных пунктов для переправки разведчиков, контрразведчиков и агентов контрреволюционных организаций. Пограничная полоса переполнена контрабандистами и шпионами, которые организуют переходные пункты на сторону СССР. В октябре была переправлена организованная банда в 10 человек, которая имела своей задачей разрушить железнодорожный путь и произвести нападения на поезд, а также ограбить кооперативы и государственные учреждения, 2 участника банды арестованы. На сторону СССР переброшено 120 агентов, из них выявлено 16, с задачами военного и политического характера.

На эстонской территории и пограничной полосе тоже существуют меняльные лавки, которые развивают также разведывательную работу. За 1924 год на нашу сторону переброшено 35 человек шпионов и на сторону Эстонии 28 человек. Шпионаж прикрывается контрабандными действиями перешедших границу.

Со стороны Финляндии переброшено 175 агентов, преимущественно в Карелию.

Англичане через «Бюро паспорт-контроль», находящееся в Ревеле, Риге, Гельсингфорсе, а также в Стокгольме, постоянно направляют в СССР отдельных разведчиков со специальными заданиями. Общий принцип английской разведки — разведка на данную сторону производится из соседней страны.

Деятельность иностранных шпионов чрезвычайно разносторонняя, помимо обязательной работы по получению сведений военных, общеполитического и дипломатического характера, ряд иностранных разведок, главным образом английская и лимитрофных стран, которые работают на англичан, специально занят вопросами получения сведений о внутрипартийном положении и деятельности Коминтерна, особо следует остановиться на вредительском характере ряда иностранных разведок, как, например, немецкой, английской и франко-польской.

Вообще следует указать на тот чрезвычайно разнообразный характер деятельности иностранных секретных агентур на территории СССР: через границу иностранные штабы связываются с резидентурой на нашей территории, перебрасывают всевозможных белогвардейцев, эсеров и террористов, здесь в центре, оказывая им поддержку и имея с ними постоянную связь, за что требуют с них информацию, через дипломатическую почту идет сношение с заграничными контрреволюционными организациями и монархическими центрами у находящихся на нашей территории организаций контрреволюционного характера и отдельных террористов, через эту же дипломатическую почту идет переправление литературы монархической, эсеровской, меньшевистской и др., а также снабжение контрреволюционных групп оружием и сильно действующими ядами для террористических актов. Документально и фактически установлена такого рода деятельность польской, эстонской, латвийской, финской и, в меньшей степени (только переписка), английской

миссии, так же, как их консульств в Ленинграде, Минске, Харькове и Тифлисе. Кроме того, ряд дипломатических представительств занимается и вредительской политической деятельностью: немцы распространяют антисоветскую националистическую литературу среди немцев Поволжья, колонистов Юго-Востока и Закавказья, финская миссия работает в этом направлении в Карелии, польское консульство в Минске ведет аналогичную усиленную работу в Белоруссии, Румыния — на Юго-Западе, англичане — в Средней Азии, широко распространили свою работу (сведения о чем имеются в Восточном Отделе ОГПУ).

На основании имеющихся у нас данных приводим следующую справку о расходах иностранных разведок и контрразведок по работе против СССР на 3 месяца в первой четверти 1924 года (в рублях):

Примечание: последние расходы французов на данную работу нам совершенно неизвестны.

Необходимо отметить следующие весьма серьезные обстоятельства: интенсивность работы иностранных разведок против нас и, следовательно, средства, отпускаемые на эту работу за период 1923-24 гг., не только не уменьшились, но и значительно возросли за последние месяцы. Наблюдается особая активность английской и немецкой разведок. Между 9-м и 23-м августа текущего года в Ревеле английской агентурой ряду монархистов было сделано предложение срочно приступить к активной вредительской работе против СССР, некоторым из них предлагали весьма крупные суммы до 5.000 фунтов стерлингов за организацию взрывов мостов на любых линиях, порчи водопроводов, электрического освещения, трамваев, телефонов, телеграфов и т. п.; в октябре текущего года аналогичное предложение теми же англичанами таким же монархическим и террористическим группам было сделано уже на этот раз в Гельсингфорсе и в более побудительной форме. В это же время в Гельсингфорсе и в Польше различными группами предлагалось усилить работу в направлении получения подробных сведений за любое вознаграждение о Коминтерне (об ОМС (Отдел международной связи Исполкома Коминтерна. — *Авт.*), о заграничных центрах коммунистических партий, о курьерской связи, о явочных квартирах, о взаимоотношениях ИККИ со штабом РККА и ОГПУ, а также о политике на Востоке). Известно также, что с момента подписания расторгнутого ныне англо-советского договора, кредит на разведку в СССР и Прибалтийских государствах увеличен в три раза, а центр работы перенесен в Стокгольм.

Немецкая разведка значительно расширила свою деятельность и приняла тоже активно-вредительский характер: при помощи концессионных учреждений «Юнкерса» переправляются на нашу территорию воззвания кирилловцев группе Обера, в лице Гучкова, было сделано конкретное предложение заняться в России террористической деятельностью по отношению к крупнейшим советским деятелям, для чего «Юнкерс» представлял все имеющиеся у него средства сношения для переправы на нашу территорию всевозможных газов, ядов и т. п. для террористических актов. Наблюдается также саботаж в исполнении концессионного договора этой же фирмой «Юнкерс».

Немецкое смешанное общество «Конкордия» за последнее время значительно расширило свою активную разведывательную деятельность, главным образом военного характера в Тифлисе и Ростове, а политического — в Саратове и также Ростове.

Великому князю Николаю Николаевичу немецко-имперское правительство сделало вполне конкретное предложение пользоваться впредь их дипломатической почтой для связи Николая Николаевича с его организациями в Советской России. А также предлагало перебраться из Парижа в Германию.

Контрразведывательным отделом ОГПУ за 1923–1924 гг. проделана следующая работа в отношении борьбы с деятельностью иностранных разведок и предотвращения возможности использовать наши различные учреждения в смысле сведений и в смысле установления связи с антисоветскими элементами.

Ниже приводятся следующие данные об арестах и привлечении к ответственности за шпионаж в пользу иностранных государств:

За 10 месяцев с 1-го января по 1-е ноября 1924 г. арестовано иностранцев на территории Союза органами

Примечание: сведения относительно русских граждан, арестованных за сепял с иностранцами, неполные, так как по некоторым округам, (Сибирь, Туркестан и Закавказье), точные сведения еще до настоящего времени не установлены

Данные цифры показывают степень успешности в деле ликвидации шпионажа, но основная работа, проделанная КРО, заключается в следующем. Нам удалось поставить свою работу так, что в настоящее время главные штабы иностранных государств (относительно английского, ввиду непроверенности, утверждать мы не можем) снабжаются на 95 % материалом, который разрабатывается КРО ОГПУ совместно с Военным ведомством, по указанию Наркомвоена и НКВД. Таким образом, иностранные штабы имеют о Красной Армии, ее численности те сведения, которые желательны нам. Это утверждение основано на документальных данных. Кроме того, целый ряд иностранных разведок, как польской, эстонской и отчасти (работа только начинается) финской, находится всецело в наших руках и действует по нашим указаниям. За период 1923-24 гг. удалось окончательно разгромить эстонский и латвийский шпионаж в Ленинграде, в значительной мере подорвать шпионскую деятельность Польского штаба в Белоруссии, сосредоточить в своих руках итальянскую разведку. Нам удалось получить целый ряд шифров и кодов, на основании которых большинство телеграфных сношений иностранных государств нам известно. Нам удалось пресечь в корне и сосредоточить в своих руках сношения ряда монархических организаций, осуществлявшихся через некоторые иностранные миссии. Техническому отделу КРО удалось ряд миссий оборудовать специальными техническими приспособлениями. КРО ОГПУ перлюстрирует периодически ряд иностранных дипломатических почт, а также всю корреспонденцию отдельных иностранцев. Кроме того, проводится оперативная работа в заграничных вагонах.

КРО обслуживает и выявляет неблагонадежный элемент во всех учреждениях Наркоминдела, БИНТа (Бюро иностранной науки и техники ВСНХ в Берлине. -*Авт.*), Коминтерна, Профинтерна (Красный интернационал профсоюзов. -*Авт.*), Межрабпома (организация Международной рабочей помощи в Берлине-Лег.).

Всего в данной работе принимает участие 103 секретных агента. Израсходовано на данную работу за 1923-24 гг. — 139.462 р. 62 к.

А. Артузов

30 ноября 1924 г.

О некоторых (но не обо всех) проведенных Артузовым и его соратниками операциях стало известно через много десятилетий.

Одной из первых успешных операций, проведенных КРО, стало т. н. «Дело № 39». Вместе с украинскими чекистами московские контрразведчики сумели пресечь подрывную деятельность зарубежного петлюровского националистического центра. В то время на территории Польши действовал «Партизанско-повстанческий штаб» («ППШ»), возглавляемый генералом петлюровской «армии Украинской народной республики» Юрко (Юрием) Тютюнником. ППШ был спецслужбой польской разведки и проводил активную диверсионную, террористическую и шпионскую работу против Советской Украины. В

1920 г. Тютюнник был командиром наиболее боеспособной части петлюровской армии — 4-й киевской стрелковой дивизии, после ударов Красной Армии укывшейся в Польше. В начале ноября 1921 г. Тютюнник во главе отряда из 7000 человек совершил ряд рейдов на территории Украины, призывая крестьян к борьбе против «Советов». После разгрома отряда он вернулся в Польшу, где продолжил свою деятельность.

Чекисты разработали ряд агентурных мероприятий по выводу Тютюнника на советскую территорию. ГПУ УССР был завербован бывший петлюровский офицер Георгий Заярный (в «Деле № 39» выступал под псевдонимом «103»), направленный главой «ППШ» на Украину в качестве помощника полковника Мордалевича, командующего «северным повстанческим фронтом». Украинские чекисты легендировали существование и деятельность «Высшего военного совета» (ВВС), руководимого вымышленным атаманом Дорошенко.

В мае 1922 г. агент «103» встретился в Польше с Тютюнником и доложил ему о «Высшем военном совете». Генерал согласился считать данную организацию центром, координирующим «подрывную работу» на территории Украины. «Представители ВВС» — агенты ГПУ Георгий Заярный и Петр Погиба — установили связи с польской, румынской и французской разведками. Агент «103» был назначен руководителем франко-румынской разведслужбы в секторе Хотин-Могиляны. Под контроль чекистов была поставлена фактически вся деятельность данных разведок по использованию агентурных переправ через Днестр. С Тютюнником было оговорено его вхождение в руководство Высшего военного совета («Совет трех») и полное подчинение эмигрантской группы этой организации.

Результатом последовавших за этим мероприятий стал разрыв группы Тютюнника с Петлюрой. Тютюнника увлекла перспектива «всеобщего восстания» (при помощи «ВВС»), возглавить которое он намеревался. Заключительный этап операции разрабатывался начальником Секретно-оперативного управления ГПУ Менжинским, Артузовым, руководителями ГПУ Украины Василием Манцевым, Всеволодом Балицким и Ефимом Евдокимовым в контакте с ЦК КП(б) и Совнаркомом Украины.

17 июня 1923 г. Тютюнник и его помощники были выведены на территорию Украины и арестованы. После ареста бывший петлюровский генерал (амнистированный и получивший работу в кинематографии, где он играл самого себя в художественных фильмах) использовался в мероприятиях по разложению эмигрантских националистических кругов и компрометации Петлюры.

На последнем этапе «Дела № 39» было сорвано наметившееся объединение ультраправой националистической группировки «Украинская военная организация» (УВО) Евгена Коновальца (будущего агента спецслужб нацистской Германии, ликвидированного в 1938 г. в Амстердаме Павлом Судоплатовым, знаменитым советским разведчиком) с группой Тютюнника.

Судьбы героев «Дела № 39» сложились трагически. В 1929 г. был арестован и в следующем году расстрелян бывший атаман Тютюнник, вновь занявшийся антибольшевистской деятельностью. В 1939 г. также погибли бывшие петлюровцы, ставшие чекистами, Георгий Заярный и Петр Погиба. Были расстреляны и чекисты — руководители операции (Манцев, Балицкий, Евдокимов и Николай Николаев-Журид, прошедший от 1923 до 1938 г. карьерный путь от начальника контрразведывательного отдела полпредства ГПУ на правобережной Украине до руководителя всей контрразведки НКВД СССР и приложивший в этом качестве руку к гибели многих своих соратников по службе).

В тот же период началась продлившаяся гораздо дольше и более известная (благодаря книге Льва Никулина «Мертвая зыбь» и многосерийному художественному фильму Сергея Колосова) операция «Трест», первоначально именовавшаяся «Ярославцы». В результате этой оперативной игры чекистам удалось поставить под контроль антисоветское монархическое подполье, проникнуть в белогвардейские центры за рубежом и сдерживать их террористическую активность, обеспечить поставку дезинформации иностранным разведкам.

Каноническая версия начала операции звучит следующим образом. Осенью 1921 г. в руках чекистов оказалась копия письма белоэмигранта, бывшего корнета лейб-гвардии Конного полка Юрия Артамонова (переводчика английского паспортного бюро в Ревеле) князю Ширинскому-Шихматову, члену Высшего монархического совета в Берлине. В письме сообщалось о встрече Артамонова (выпускника Александровского лицея) с Александром Александровичем Якушевым, бывшим воспитателем Лицея, до революции — действительным статским советником и директором департамента Министерства путей сообщения.

Якушев, работавший в 1920 г. начальником Главного управления водного транспорта и помощником начальника Главного управления путей сообщения НКПС РСФСР, а с конца того же года — в Наркомате внешней торговли, рассказал Артамонову о подпольно работающих в Москве и Петрограде организациях, планирующих свержение советской власти. По мнению известного монархиста В.В. Шульгина, письмо в ВЧК попало через жену Артамонова.

Эта информация стала предметом специального обсуждения у председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, который в качестве наркома путей сообщения был лично знаком с Якушевым. В итоге чекисты арестовали Якушева по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре и шпионаже и провели с ним ряд бесед (сперва все отрицавший, Александр Александрович сознался после предъявления ему фотокопии письма Артамонова). С этого и началось планирование операции «Трест» под общим руководством начальника Особого отдела ВЧК В.Р. Менжинского.

В столицу Эстонии выехал сотрудник по особым поручениям Особого отдела ВЧК Виктор Станиславович Кияковский. Этот чекист (настоящая фамилия — Стецкевич) в 1920 г. был резидентом польской военной разведки в Петрограде (псевдоним «Вик»). Перешедший на сторону ВЧК другой польский резидент Игнатий Добржинский (Сосновский), освобожденный из тюрьмы, и польский коммунист Ежи (Юрий) Маковский убедили Стецкевича сдать ВЧК. Брат «Вика» был коммунистом и незадолго до этого погиб на фронте, сражаясь против белых в рядах Красной Армии. «Вик», сдавшийся чекистам, сам стал коммунистом и чекистом.

В Эстонию Кияковский поехал под видом монархиста «Колесникова», с письмом Артамонову от любовницы Якушева Варвары Страшкевич, написанным ею во Внутренней тюрьме ВЧК. В Ревеле Кияковский встретился с Артамоновым и представителем генерала Врангеля в Эстонии В.И. Щелгачевым. Так был установлен контакт «московских монархистов» с белоэмигрантами.

Кияковский, ставший вскоре начальником 4-го отделения КРО, предложил «смелый план организации крупной легенды, которая, подкупив штабы лимитрофных государств качеством сведений о Красной Армии, в последующем своем развитии при помощи штабов должна подмять под себя все зарубежные монархические центры и навязать им тактику, разработанную ГПУ, которая гарантирует им разложение от бездействия на корню».

Инициатор операции Кияковский вскоре отошел от участия в ней. После разрыва с женой он неудачно стрелялся. После лечения возглавлял резидентуру советской разведки в Финляндии, работал в полпредстве ОГПУ в Нижне-Волжском крае в Саратове и погиб в 1932 г. в Монголии на боевом посту главного инструктора ОГПУ при Государственной внутренней охране МНР.

В связи с этим куратором «Треста» стал помощник начальника КРО Владимир Андреевич Стырне.

Легендированная организация была создана в Москве сотрудниками ОГПУ и их агентами под названием «Монархическая организация Центральной России» (МОЦР). В действительности не существующая, она «включала» в свой политсовет видных деятелей царской России: одного из бывших руководителей военной разведки и контрразведки Генштаба генерал-лейтенанта Николая Михайловича Потапова (псевдоним «Волков»), нефтепромышленника Мирзоева, балтийского барона Остен-Сакена и других. Председателем

политсовета «был назначен» А.А. Якушев («Федоров»), а главой МОЦР — генерал от инфантерии царской армии, известный военный историк Андрей Медардович Зайончковский, также завербованный чекистами (осведомителем органов госбезопасности была также его дочь Ольга Попова-Зайончковская, «освещавшая» крупных военных деятелей, среди которых у нее были широкие связи). По мнению некоторых историков, «Трест» консультировал бывший товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант В.Ф. Джунковский, еще в 1918 г. привлеченный Дзержинским к сотрудничеству с ВЧК.

14 ноября 1922 г. по заданию Контрразведывательного отдела ГПУ Якушевым, уже освобожденным к тому времени из тюрьмы, был установлен контакт с руководителями Высшего монархического совета в Берлине. Этот орган действовал с 1921 г. во главе с бывшим крайне правым депутатом Государственной думы Н.Е. Марковым-2-м (его дочь, медик Лидия Шишелова, оставшаяся в России, стала сотрудницей Спецотдела ОГПУ). ВМС и действовавшие с ним в контакте части бывшей «белой армии», находившиеся в то время под командованием генерал-лейтенанта барона Петра Врангеля в Югославии, поддерживали в качестве претендента на российский престол великого князя Николая Николаевича, двоюродного дядю Николая II. Свержение советской власти, по убеждению лидеров монархистов, могло осуществиться только путем террора против активных большевиков.

Информация о дееспособности МОЦР и ее политической платформе, а также протокол якобы проведенного в РСФСР в марте 1922 г. «Съезда монархистов» позволили прийти к заключению соглашения о сотрудничестве деятелей эмиграции с монархическим подпольем в России. Были организованы представительства «Треста» в Париже, Ревеле, Варшаве, Кенигсберге. Якушев сообщил Маркову о сильных позициях МОЦР в Красной Армии («до 25 % в западных районах, от 15 до 18 % в Москве и Петрограде», в том числе такие известные военачальники, как С.С. Каменев, П.П. Лебедев, М.Н. Тухачевский, который «числился» в составе «Треста» до конца 1923 — начала 1924 гг., до получения указания высших советских руководителей о выводе последнего из операции, что и было сделано под предлогом осложнения его отношений с Зайончковским, «не допускавшим» его к «активной деятельности» в организации). Позднее, уже в марте 1927 г., перед концом операции, польской разведке был передан доклад Тухачевского, ставшего к этому времени начальником Штаба РККА, наркомвоенмору и председателю РВС СССР К.Е. Ворошилову, в котором, наряду с дезинформацией, для убедительности имелись и подлинные данные.

Контакты членов МОЦР с представителями ВМС приводили к выявлению сторонников свержения советской власти, пониманию их тактики и к пресечению террористической деятельности на территории СССР.

Этому способствовала программа МОЦР, сформулированная на Лубянке. Согласно ей, «будущий государственный строй России, основываясь на коренных русских началах: православии, народности и самодержавии, должен иметь соответствующие самобытные формы». Террор «следует признать... не достигающим своей цели, а поэтому недопустимым», интервенция допускалась «только при наличии...полной согласованности действий внутри страны и извне», «повстанческое движение и местные восстания способствуют распылению сил...следует отказаться от их применения и беречь силы для более серьезных организованных действий», «в отношении путей и способов добывания средств следует признать совершенно недопустимым экспроприации и грабежи».

Личные встречи сотрудников и агентов ОГПУ и переписка «представителей» из Советского Союза с известными деятелями эмиграции убеждали последних в надежности «Монархической организации Центральной России». Н.М. Потапов в октябре 1923 г. вместе с А.А. Якушевым установил связь с генштабом польской армии, эстонский дипломат, бывший штабс-капитан царской армии Роман Бирк (с апреля 1922 г. завербованный Кияковским и ставший секретным сотрудником КРО ГПУ под оперативным псевдонимом «Груша»); в июне 1923 г. установил связь с резидентом английской разведки в Ревеле Джоном Микли и его помощником белоэмигрантом Жидковым), сотрудник Оперативного

управления Штаба РККА Дмитрий Зуев (бывший полковник лейб-гвардии Преображенского полка) и другие налаживали отношения с лидерами белоэмигрантов: Н.Е. Марковым, генералами П.Н. Врангелем и А.П. Кутеповым, начальником врангелевской контрразведки (бывшим директором Департамента полиции царского МВД) генералом Е.К. Климовичем, «местоблюстителем русского престола» великим князем Николаем Николаевичем. Бывший полковник царской армии Александр Флейшер, также завербованный чекистами (после ареста в 1919 г. по известному делу «Национального центра»), в мае 1922 г. побывал в Эстонии, где установил контакт с белоэмигрантами и контрразведкой генштаба эстонской армии, начальнику которой полковнику Ф. Лаурицу он передал подготовленные чекистами сведения о структуре Штаба Красной Армии, Главного управления военно-учебных заведений РККА, штабов военных округов и характеристики советских военных руководителей, в частности Л.Д. Троцкого, Э.М. Склянского и С.С. Каменева.

Одной из целей операции планировалась дезорганизация совместной работы эмигрантских монархических организаций, их раскол. Для этого были использованы противоречия между Врангелем и его «Организацией русской армии» и главой ВМС Марковым-2-м. В 1923 г. Якушев встретился в Берлине с представителями Врангеля, заинтересованными в МОЦР. Марков расценил встречу как ориентирование МОЦР только на ОРА и ослабление ее контактов с ВМС. Парижские переговоры Якушева с руководителями «Организации русской армии» генералом Е.К. Миллером, Н.А. Монкевицем и И.А. Хольмсенем (начальником разведки монархистов — сторонников великого князя Николая Николаевича — «николаевцев») с подписанием соглашения о деятельности этого объединения на территории СССР усилили неприязнь ВМС к МОЦР. Кроме того, Миллеру и Хольмсену были показаны письма, содержащие сведения об интригах ВМС против Врангеля.

Проведение операции «Трест» осложнялось приездами в СССР представителей монархических организаций. Осенью 1923 г. руководители ОРА решили проверить действенность МОЦР. Сотрудники ОГПУ, ведшие наблюдение за полковником «Сидоровым»-Жуковским, которого направил в Петроград белоэмигрантский генерал И.А. Хольмсен, доложили о возможности создания монархических ячеек в подразделениях Красной Армии. Представители генерала Кутепова супруги Мария Захарченко-Шульц (о которой часто пишут, по-видимому ошибочно, как о племяннице Кутепова) и Георгий Радкевич (бывший белый офицер), неоднократно появлявшиеся в СССР, были взяты под особый контроль органов ОГПУ (прислугой на квартире, где они проживали, была родственница одного из руководителей операции «Трест», помощника Артузова Владимира Андреевича Стырне). Параллельно «Тресту» проводилось несколько операций, способствующих достижению целей ОГПУ.

«Трест» регулярно поставлял дезинформацию разведывательным службам Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Англии, которые передавали получаемые сведения разведкам Италии, США, Франции, Германии и Японии. По свидетельству В.А. Стырне (в служебной записке в декабре 1924 г.), «при этом мощь Красной Армии была показана значительно сильнее фактической». Еще в 1922 г. Бирк и ведавший в «Тресте» финансами, канцелярией и шифровальной работой бывший савинковец Эдуард Отгович Опперпут-Стауниц (также секретный сотрудник ОГПУ) по заданию ГПУ установили контакт с английскими дипломатами в Москве (вскоре во избежание провала по распоряжению Дзержинского и Менжинского связь с англичанами была прекращена) и с польским военным атташе в Ревеле Дриммером. Виктор Кияковский (в то время начальник отделения КРО ОГПУ) в конце 1926 г. в Ревеле неудачно пытался завербовать английского разведчика белоэмигранта Жидкова (имелись данные о планировавшемся англичанами увольнении Жидкова). После отказа Жидкова и предпринятой им «встречной вербовки» Кияковский спешно уехал из Эстонии.

ОГПУ располагало данными (полученными Иностранным отделом) о подготовке новой интервенции против Советского Союза. Потому в сведениях об обороноспособности СССР

сильно преувеличивался реальный потенциал технического оснащения Красной Армии. ОГПУ и Разведупр РККА передали иностранным разведкам «дезинформирующие» документы (подготовленные Дезинформационным бюро при Разведупре Штаба РККА во главе с Оскаром Стигга и Евгением Рея) о мобилизационной готовности армии, дислокации, численности, штатном составе и вооружению и воинских частей, персональные данные о командном составе корпусов и дивизий, техническую информацию о военных перевозках по железным дорогам, военной промышленности (в переданных в 1925 г. материалах данные по производству вооружения были завышены на 40-150 %) и т. д. Наряду с ложной информацией одновременно из опасения раскрытия настоящего характера операции передавались и подлинные военные документы. Стырне в своем обзоре операции «Трест» (1931) упоминал как «подлинные приказы или копии с них, поскольку таковые уже имелись у противников, или подлинные, передача которых вызывалась «тактическими» соображениями». Также практиковалась передача иностранным разведкам сфальсифицированных документов с подлинными подписями военных руководителей. Так, например, в конце 1923 г. польская разведка получила «доклад с подробными цифрами обеспечения техническим снабжением Красной Армии военного времени», подписанный главкомом РККА С.С. Каменевым, членом РВС СССР И.С. Уншлихтом и заместителем начальника Штаба РККА Б.М. Шапошниковым. По свидетельству того же Стырне, этот документ «имел не только в данный тревожный политический момент весьма большое значение, но и во всей нашей дальнейшей работе, поскольку эти цифровые данные... легли в основу последующих работ польского и французского генеральных штабов и специального совещания представителей французского и польского генеральных штабов осенью 1924 года».

В Красной Армии МОЦР планировала заняться «...упрочнением монархических и националистических идей в Красной Армии, завоеванием кадровым офицерством командных постов, борьбой с единоначалием в Красной Армии... упразднением комиссарского состава..., созданием организационных ячеек в частях, насаждением наших людей во все арсеналы и склады боевых припасов и снаряжения».

За такую «важную» для иностранных разведок работу члены МОЦР награждались и поощрялись. Восемь «трестовцев» (три сотрудника КРО ОГПУ и пять агентов) получили часы от эстонского военного атташе в Москве, а Якушев и Потапов — пистолеты-браунинги с золотыми монограммами от польской военной разведки.

Одним из результатов операции «Трест» явился арест хорошо известного чекистам (по «заговору послов» 1918 г.) отставного сотрудника английской разведки «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС) Сиднея Рейли. Этому предшествовало переданное Рейли через агента английской разведки в Финляндии белоэмигранта Н.Н. Бунакова (брат его, оставшийся в России, был секретным сотрудником ОГПУ, «по каналам "Треста"» братья встречались в Хельсинки) письмо Якушеву, с различными советами по борьбе с большевиками. Встретившись в Хельсинки с Рейли, Якушев и Мария Захарченко убедили его приехать в Москву. Здесь он, после встреч с руководителями «Треста», в том числе Потаповым и помощниками начальника КРО Стырне и Пузицким, и был арестован 27 сентября 1925 года. На Лубянке его допрашивали Артузов, Стырне, начальник отделения КРО В.А. Уколов (впоследствии сотрудник советского генерального консульства в Пекине, убит китайскими реакционерами вместе с другими советскими дипломатами в декабре 1927 г.), в некоторых допросах участвовали также зампред ОГПУ Г.Г. Ягода и начальник ИНО ОГПУ М.А. Трилиссер. Смертный приговор, вынесенный Верховным трибуналом еще в 1918 г., привели в исполнение 3 ноября 1925 года. Тело Рейли также секретно было захоронено во Внутреннем дворе ОГПУ.

Для обеспокоенных исчезновением Рейли лиц была выдумана легенда о несчастном случае на финской границе. Легенда подтверждалась статьей из петроградской «Красной газеты» и «комментариями очевидцев». Следственная комиссия «Треста», в которую вошел кутеповский представитель Радкевич, подтвердила факт гибели Рейли.

Сотрудникам советской разведки приходилось подкреплять пошатнувшуюся веру в существование МОЦР. ОГПУ организовало беспрепятственную поездку в СССР в декабре 1925 г. бывшему депутату Государственной думы, публицисту Василию Витальевичу Шульгину, убежденному монархисту, в прошлом крупному помещику, авторитетному в кругах белой эмиграции. Посетив под именем И.К. Шварца ряд городов, в том числе Киев, Москву и Ленинград (вместе с секретным сотрудником КРО — бывшим товарищем прокурора Киевского суда С.В. Дорожинским), Шульгин издал в 1926 г. книгу «Три столицы» об изменившейся в стране обстановке. Идея написания произведения принадлежала «членам МОЦР» (а им была подсказана В.Р. Менжинским). Перед публикацией книгу прочли чекисты.

Через «Трест» ОГПУ контролировало одно из течений белой эмиграции — евразийство. В «Тресте» руководителем евразийцев был секретный сотрудник КРО ОГПУ Александр Алексеевич Ланговой, сотрудник Разведупра Штаба Красной Армии и родной брат сотрудницы Наркоминдела Наталии Рославец (во время гражданской войны члена коллегии Московской и Всеукраинской ЧК, жены известного советского дипломата А.М. Устинова). Он неоднократно выезжал в Польшу и Германию на встречи с эмигрантами-евразийцами вместе со Стырне (действовавшим под псевдонимом «Козлов»). В 1926 г. «Трест» устроил «нелегальный» приезд в Москву лидера зарубежных евразийцев Юрия Арапова, которому была продемонстрирована «деятельность» МОЦР.

В 1927 г. сотрудники ОГПУ постарались предотвратить готовящиеся зарубежными монархическими организациями массовые отравления делегатов съезда Советов (Захарченко обсуждала с бывшим военным министром Временного правительства А.И. Гучковым план закупки в Германии отравляющих веществ) и захват Кремля отрядом из 200 офицеров-кутеповцев.

Сомнения Захарченко-Шульц в надежности Якушева и двойная игра (выявившаяся впоследствии) агента ОГПУ Опперпута создавали напряженную обстановку. В марте 1927 г. ОГПУ направило на переговоры с генералом Кутеповым Потапова и «военно-морского представителя МОЦР» Зиновьева, сотрудника Разведывательного управления Штаба Красной Армии. Предложение Кутепова о посылке в СССР группы террористов (20–30 человек) отклонить оказалось невозможно.

Ускоренному завершению операции «Трест» способствовало предательство и бегство в апреле 1927 г. в Финляндию Опперпута, сопровождавшего Захарченко-Шульц во время переправы через «окно» на границе. Опперпут и Захарченко сообщили финской и английской разведкам о созданной ОГПУ «Монархической организации Центральной России». В рижской газете «Сегодня» появилась статья Опперпута о «Тресте». После этого некоторые иностранные газеты опубликовали инспирированные ОГПУ сведения о работе Опперпута (уже после побега) на советскую разведку, что способствовало компрометации и подрыву доверия к нему. Также были предприняты меры, чтобы вызвать подозрения относительно Захарченко-Шульц. Стремясь реабилитировать себя, Опперпут и Захарченко решили нелегально пробраться на советскую территорию для организации терактов.

Э.О. Опперпут (Александр Упениньш), бывший штабс-капитан царской армии, служил в Красной Армии и к 1920 г. был помощником начальника штаба войск внутренней службы Западного фронта. Тогда же он вступил в савинковскую организацию «Народный союз защиты Родины и свободы» и познакомился с самим Савинковым. Уже будучи начальником Минского укрепрайона, Опперпут был арестован ЧК, и, находясь в тюрьме на Лубянке, начал сотрудничать с чекистами. Выдав личный состав организации, он написал разоблачающую Савинкова брошюру. После освобождения в 1922 г. жил в Москве, занимался коммерцией, и, став секретным сотрудником ГПУ под фамилией Стауниц, сообщал иностранным посольствам подготовленную чекистами дезинформацию. Опасаясь за свое будущее и не доверяя чекистам, Опперпут начал двойную игру. Этому способствовал слабый контроль и чрезмерное доверие к нему со стороны чекистов. В последнее время некоторые исследователи ставят под сомнение официальную версию измены Опперпута, но,

думается, стоит вспомнить принцип Оккама и не «умножать сущности». Старейший чекист Борис Игнатьевич Гудзь, работавший в КРО, летом того же года сидел в засаде на квартире Стырне на Кропоткинской улице — на случай появления Оперпута, знавшего адрес помощника Артузова.

В мае, июне и августе 1927 г. зарубежные монархисты проводников разведки Финляндии перебросили несколько агентов на территорию СССР, с задачей совершить ряд диверсий и террористических актов в отношении советских государственных деятелей. Опперпут, Захарченко и еще один «ровсомолец» Вознесенский (он же Петерс) в ночь на 3 июня 1927 г. пытались взорвать общежитие сотрудников ОГПУ на Малой Лубянке (взрывной снаряд английского производства и зажигательные бомбы были обезврежены после взрыва первой меленитовой шашки).

7 июня 1927 г. в Ленинграде в Центральном партийном клубе (набережная реки Мойки, д. 59) во время заседания семинара по историческому материализму философской секции научно-исследовательского института трое террористов (В.А. Ларионов, С.В. Соловьев, Д.С. Мономахов) бросили две бомбы, одна из которых взорвалась и ранила около 30 участников заседания, и смертельно ранили пытавшегося их задержать научного работника И.С. Ямпольского. Террористам удалось уйти в Финляндию.

В перестрелке с сотрудниками ОГПУ некоторые из контрреволюционеров были убиты (Опперпут, Захарченко и Вознесенский в июне 1927 г. в Смоленской губернии; А.А. Шарин и С.В. Соловьев на финской границе в августе того же года). Остальных террористов (А.А. Сольского, А.Б. Болмасова, Н.П. Строева, В.А. Самойлова и фон Адеркаса) Верховный суд СССР в сентябре 1927 г. приговорил к высшей мере наказания.

В июле 1928 г. белоэмигранты Радкевич (бывший муж Захарченко-Шульц) и Мономахов с помощью румынской разведки перебравшись через границу и в Москве бросили бомбу в здание бюро пропусков ОГПУ. Во время преследования в городе Подольске под Москвой опергруппой ОГПУ (во главе с начальником 2-го отделения Секретного отдела ОГПУ Петром Иосифовичем Колосовским-Ковшиком) Радкевич застрелился, Мономахов был захвачен и впоследствии расстрелян.

Один из главных героев «Треста» Якушев, работавший экономистом в лесозаготовительных организациях, был 14 декабря 1929 г. арестован сотрудниками ОГПУ (без санкции прокурора и без ордера на арест) по обвинению в том, что он «...состоя секретным сотрудником ОГПУ вошел в контрреволюционных целях в преступную связь с видными деятелями белой эмиграции». 5 апреля 1934 г. Коллегия ОГПУ СССР приговорила Якушева к 10 годам лишения свободы. Тяжело больной, он был отправлен в Соловецкий лагерь ОГПУ, где и умер в феврале 1937 года. Посмертно реабилитирован в 1957 году.

По мнению историка М.А. Тумшиса, «арест и долгое сидение Якушева в тюремных застенках было связано с попыткой компрометации председателя ОГПУ СССР В.Р. Менжинского. Якушев, как активнейший участник контрразведывательной операции «Трест», прямым куратором которой был сам Менжинский, мог при желании дать массу разнообразнейших подробностей о якобы вредительской линии поведения самого председателя ОГПУ. Интересно то, что в тюрьме Якушев просидел четыре года (с 1929 по 1934 год). Это время было для советских органов государственной безопасности периодом жесточайшей междоусобной войны нескольких чекистских «кланов». И если инициатором ареста Якушева выступил лишь «плохой» Ягода (как это подается сейчас рядом исследователей), то период с 1931 по 1933 гг., когда влияние Ягоды было ослаблено, ничто не мешало противникам последнего освободить Якушева. А в дальнейшем даже выставить этого бывшего секретного сотрудника ОГПУ жертвой интриг Генриха Григорьевича. Но Якушев так и не был освобожден. Не вышел он на свободу, вероятно, потому, что представители каждого чекистского клана желали держать в своих руках источник информации о секретных операциях ОГПУ 20-х годов, когда Менжинский еще руководил Секретно-оперативным управлением и выступал куратором всех наиболее серьезных и успешных операций советских органов госбезопасности». Никто из бывших начальников

Якушева в КРО, включая Артузова, не захотел (или не смог) помочь ему.

«Трест» был одной из первых, во многом типовой, операцией только зарождавшейся советской контрразведки. В ходе операции чекистам удалось достичь многих целей. В то же время такие «успехи» легендированного подполья ставили под удар внешнюю политику СССР, поскольку правительства недружественных капиталистических стран, получая от своих спецслужб соответствующие донесения, начинали считать советский режим слабым и неустойчивым, что в перспективе могло бы привести и к новой интервенции. Это понимали руководители партии и государства, начинали понимать и чекисты. Впоследствии, в 1930-х гг., в своих лекциях в Центральной школе ОГПУ такую опасность признавал и А.Х. Артузов, в частности, мотивировавший этим необходимость задержания Рейли, чтобы англичане слишком не доверяли «Тресту». В официальной чекистской историографии эта опасность обычно не акцентировалась. В целом операция «Трест», несколько затянувшаяся, была успешным и широкомасштабным дебютом советской контрразведки.

Параллельно «Тресту» по схожему сценарию была проведена операция ОГПУ «Синдикат-2» по поимке Б.В. Савинкова. Деятельность Бориса Викторовича Савинкова, бывшего в начале XX в. одним из руководителей партии эсеров, активным участником террористических актов против крупных царских чиновников, а с 1917 г. ставшего смертельным врагом большевиков, в начале 1920-х гг. заключалась в подготовке и совершении антисоветских заговоров и мятежей, террористических актов в отношении Ленина, Троцкого, Сталина, Каменева, Чичерина. Эти цели ставила перед собой созданная Савинковым весной 1921 г. организация «Народный союз защиты родины и свободы» (НСЗРиС), базировавшаяся в Польше и имевшая свои подпольные отделения на Западе и Северо-Западе РСФСР.

Савинков тесно сотрудничал с разведками и политическими лидерами государств, финансировавших его антибольшевистскую деятельность. Связи Савинкова с лидером фашизма в Италии Муссолини, бывшим военным министром Англии Черчиллем, бывшим французским послом в России Нулансом, президентом Чехословакии Масариком, сотрудниками английской разведки Рейли и Локкартом, представителями белоэмигрантского «Торгово-промышленного комитета» Нобелем и Эльвенгренем убеждали чекистов в серьезности и опасности этого человека.

Проведением оперативной игры по захвату Савинкова занимались Артузов, его заместитель Роман Александрович Пилляр и помощник Сергей Васильевич Пузицкий (он выступал в роли руководителя военного отдела легендированной организации «ЛД» («Либеральные демократы»)) профессора артиллерийской академии Новицкого), а также личный состав 6-го отделения КРО ГПУ: начальник отделения Игнатий Игнатьевич Сосновский, его помощник Николай Иванович Демиденко, старший оперуполномоченный Андрей Павлович Федоров, уполномоченные Григорий Сергеевич Сыроежкин, Семен Григорьевич Гендин, оперуполномоченный Полномочного представительства ОГПУ по Западному краю Иван Петрович Крикман. Общее руководство операцией осуществляли Феликс Эдмундович Дзержинский и Вячеслав Рудольфович Менжинский.

Операция началась летом 1922 г. с ареста одного из деятелей «НСЗРиС», адъютанта Савинкова, бывшего царского офицера Леонида Шешени. Шешеня перешел советско-польскую границу для связи с савинковскими агентами М.Н. Зекуновым и бывшим штабс-капитаном В.И. Герасимовым. На допросе в ГПУ он рассказал о деятельности «НСЗРиС» на советской территории. На основании показаний Шешени было ликвидировано несколько ячеек этой организации в Западном крае (Белорусская ССР, Смоленская, Брянская, Витебская, Гомельская губернии) и арестованы связники Савинкова. Герасимов был осужден, а Зекунов завербован ГПУ для проведения операции «Синдикат-2». Были присвоены псевдонимы новым агентам: Зекунову — «Михайловский», а Шешене — «Искра».

Следующим этапом оперативной игры стало легендирование антисоветской организации «Либеральные демократы» в Москве («ЛД»). Лидером «ЛД» был назначен

сотрудник КРО по закордонной работе А.П. Федоров (псевдоним «Петров-Мухин»), для контакта с «НСЗРиС» представляемый как белый офицер (этому способствовала предыдущая служба Федорова в царской армии).

Информация о составе и деятельности «ЛД» была предоставлена в письме, адресованном родственнику Шешени в Варшаве, члену «НСЗРиС» Ивану Фомичеву. Поездка Зекунова в декабре 1922 — январе 1923 гг. в Польшу дала следующие результаты: передача письма, содержащего дезинформацию о московской либерально-демократической группе, установление контакта с руководителями варшавского «НСЗРиС» И.Т. Фомичевым, Д.В. Философовым, бывшим членом Одесского военно-окружного суда Е.С. Шевченко и писателем, автором скандально известного эротического романа «Санин» М.П. Арцыбашевым. Также Зекуновым была возобновлена связь с польской разведкой (он передал ее представителям полученный от «Новицкого» — С.В. Пузицкого — «подлинный» приказ по артиллерии РККА об обследовании артскладов в Московском военном округе и копию докладной записки о создании при Штабе РККА отделения по изучению польской армии), частично выявлены планы ее подрывной работы против СССР и установлены агенты Савинкова на советской территории: Веселое, Горелов, Нагель-Нейман, Росселевич и другие (впоследствии арестованные). Также были арестованы и осуждены посланные Савинковым в СССР для организации терактов против советских руководителей бывшие офицеры В.И. Свежевский и М.Н. Гнилорыбов (находясь во Внутренней тюрьме на Лубянке, полковник Гнилорыбов, обезоружив охранника, чуть было не проник в кабинет Ф.Э. Дзержинского, но был схвачен чекистами Абрамом Беленьким и Борисом Алтайским).

Переговоры с варшавским, парижским центрами контрреволюционной организации и польской разведкой привели Савинкова к убеждению возглавить «ЛД». На встрече Фомичева с деятелями фиктивной советской группы в Москве (апрель 1923 г.) было принято решение создать «Московский комитет «НСЗРиС» и направить в Париж к Савинкову представителей «Либерально-демократической организации». Также Фомичев был снабжен военной дезинформацией для польской разведки. «Михайловский» (Зекунов) вместе с Федоровым («Мухин-Петров») по приезде в Польшу встретились с капитаном Секундой из экспозитуры (пограничного пункта) № 1, который согласился оплачивать информацию о Красной Армии и передал Шешене деньги для выполнения особого задания. Получив «разведывательные материалы», польские спецслужбы предложили Федорову сотрудничество.

Для закрепления связи чекистов и Шешени Зекунов привез из Польши в Москву жену последнего, Александру Зайченко. В июле 1923 г. состоялся ряд встреч Федорова (в ходе операции совершившего 10 поездок за границу) с Савинковым в Париже. Английская и польская разведки к тому времени резко сократили финансирование «НСЗРиС». Необходимость в «кадрах» вынуждала Савинкова уделить пристальное внимание «Либерально-демократической организации». Он представил «членов» этой группы бывшему агенту английской спецслужбы СИС Рейли и своему помощнику полковнику Сергею Павловскому. Лидеру «НСЗРиС» доложили о «назревании идеологического кризиса» в «ЛД» и высказали предложения по решению этого вопроса. Для проверки деятельности московской организации Савинков отправил в СССР Павловского, указав адрес «Искры» (Шешени). ГПУ было осведомлено о приезде члена «НСЗРиС». В сентябре 1923 г. Павловский был арестован в Москве на явочной квартире Шешени. По прошествии некоторого времени Павловский дал согласие на сотрудничество с ГПУ. Следующий этап операции «Синдикат-2» был отмечен активным привлечением к деятельности «ЛД» и заманиванием в СССР самого Савинкова. В Варшаву выезжал «курьер ЦК ЛД Серебряков» (сотрудник КРО Г.С. Сыроежкин), передавший капитану Секунде «разведанные», а Савинкову — докладную записку Шешени. Затем в Париже побывал сам Шешеня, также убеждавший Савинкова в необходимости приезда в Россию. В Ростове-на-Дону были организованы встречи Фомичева с «лидером антисоветской группы» Султан-Гиреем (сотрудником КРО Ибрагимом Абиссаловым), в Минеральных Водах — с руководителем

местной организации «ЛД» «Борисюком» (начальник 6-го отделения КРО Игнатий Сосновский). Встреча с Павловским, который «ввиду ранения при попытке вооруженного ограбления банка в Ростове не смог приехать в Париж», не состоялась, так как он «был вывезен в Москву» (откуда на самом деле не выезжал). По возвращении в Москву Фомичев встретился с Павловским (под негласным контролем чекистов). Павловский «настаивал» на приезде Савинкова в Советский Союз.

В июне 1924 г. в Париже состоялись решающие переговоры Федорова и Фомичева с Савинковым, результатом которых стало намерение последнего приехать в СССР с целью проведения террористических актов в отношении советских руководителей. Также Савинков планировал убийства находившегося в Италии в апреле 1924 г. председателя СНК СССР А.И. Рыкова (и был огорчен сообщением Федорова-«Мухина» о возвращении Рыкова в Москву) и полпреда СССР в Лондоне Х.Г. Раковского, надеясь, что этот теракт приведет к разрыву англо-советских отношений.

Операция «Синдикат-2» вступила в заключительную стадию. 15 августа 1924 г. лидер «НСЗРиС» со своими помощниками супругами Александром и Любовью Дикгоф-Дерентальями (последняя фактически уже давно была гражданской женой Савинкова), Фомичевым и «Мухиным» перешел польскую границу. С советской стороны переход обеспечивал сотрудник полпредства ОГПУ по Западному краю И.П. Крикман (по легенде — член «ЛД» пограничник Батов). «Гостей» на границе встречали чекисты Пузицкий и Демиденко. Фомичев был арестован в тот же день в гостинице (впоследствии освобожден, жил в деревне, уже будучи крестьянином-средняком, был арестован и расстрелян в 1929 г.). На следующий день сотрудники ОГПУ арестовали Савинкова и супругов Деренталь на заранее подготовленной конспиративной квартире в Минске (при участии Р.А. Пилляра и полпреда ОГПУ по Западному краю Ф.Д. Медведя). 27 августа 1924 г. Савинков предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР, которой и был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами заключения. Последующая история годичного пребывания Савинкова во Внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке и его самоубийства в мае 1925 г. хорошо известна, особенно благодаря опубликованным в последнее время документам.

Удар по савинковскому центру привел к разложению ряда антисоветских организаций за рубежом и в Советском Союзе. «Народный союз защиты родины и свободы» прекратил существование.

Постановлением Президиума ЦИК СССР 5 сентября 1924 г. В.Р. Менжинский, Р.А. Пилляр, С.В. Пузицкий, Н.И. Демиденко, А.П. Федоров, Г.С. Сыроежкин были награждены орденами Красного Знамени. А.Х. Артузов, И.И. Сосновский, С.Г. Гендин и И.П. Крикман были удостоены благодарности правительства СССР.

Вместе с Иностранным отделом КРО провел в 1924–1928 гг. операцию «Д-7» — оперативную игру с «Русским общевоинским союзом». Задачей операции являлось установление морским путем контакта с английской разведкой с последующим выявлением эмиссаров председателя РОВС генерала А. П. Кутепова.

Объектом «Д-7» стала группа бывших офицеров Преображенского полка, служивших в штабе Петроградского военного округа. Завербованные ОГПУ бывший офицер, сын царского генерала Д.Д. Зуев (псевдоним «Аккуратный») и Н.А. Муравьев («Биб») связались с эмиссаром Кутепова уже упоминавшимся полковником Жуковским, приехавшим весной 1924 г. из Парижа в Ленинград.

Летом 1926 г. через Латвию в СССР прибыли курьеры РОВС Майданович и Буров. Последнего сотрудники ОГПУ устроили матросом на пароход, совершавший заграничные рейды. Майдановича с письмом от «военной организации» отправили обратно в Париж. В ноябре кутеповского эмиссара арестовали советские пограничники при очередном прибытии в СССР. На допросе Майданович рассказал о своей деятельности по поручению латвийской разведки и генерала Монкевица, помощника председателя РОВС. Сотрудники ОГПУ отправили Майдановича в Латвию, где тот установил связь с бывшим офицером Полянским.

Полянский также являлся сообщником Кутепова и работал на латвийскую разведку. Его задержали в январе 1927 г. Полянский был завербован ОГПУ под псевдонимом «Андронов». Вскоре сотрудники советской разведки от имени «военной организации» скомпрометировали его перед председателем РОВС. В марте 1927 г. был задержан очередной эмиссар — Самойлов, направленный Кутеповым для продолжительной работы в СССР.

Лидеры белоэмигрантов подозревали своих курьеров в сотрудничестве с ОГПУ. Материалы суда над арестованными Самойловым и Буровым в Ленинграде были представлены Кутепову. Вина за провалы в подрывной работе против СССР возлагалась на его эмиссаров. Деятельность «военной организации», от которой были переданы материалы судебного процесса, продолжалась. В ноябре 1927 г. Кутепов намеревался отправить в Ленинград нового курьера, но ответ «сообщников» был отрицательным. В 1928 г. несколько представителей белоэмигрантов, прибывших в Советский Союз, были арестованы. ИНО ОГПУ рассчитывал на внедрение своих агентов в латвийскую разведку и РОВС. Осуществлению этого плана помешали сомнения Кутепова в отношении «Беба». «Аккуратный» сообщил председателю РОВС об оперативной игре советских контрразведчиков (это также было частью плана, об этом свидетельствует арест Зуева в 1930 г. с последующим освобождением в 1931 г.). Став бесперспективной, «Д-7» была прекращена по приказу руководства ОГПУ.

Также известны и описаны в литературе операции КРО по выводу на территорию СССР белогвардейского атамана Б. Анненкова, изготовителя антисоветских фальшивок С. Дружиловского и других. Успешно велась работа против разведок Англии, Франции, Германии и других государств. Велось наблюдение за неофициальным представителем немецкой военной разведки в СССР полковником О. фон Нидермайером, был раскрыт его осведомитель командир Красной Армии Готфрид. Были разоблачены в 1925 г. немецкие студенты, готовившие покушение на Л.Д. Троцкого. Советская контрразведка завербовала польского военного атташе в Москве Кобылянского.

Работа против иностранного шпионажа велась на основе советского законодательства. Еще в октябре 1921 г. СНК РСФСР издал декрет о проверке личного состава иностранных торговых судов, о пропусках для иностранных моряков в портовых городах. Задачи эти возлагались на органы ВЧК.

Приняв предложение «Американской администрации помощи» о завозе и распределении продовольствия в районах, охваченных голодом, Политбюро ЦК РКП(б) потребовало от чекистов не допустить развертывания работы американской разведки под прикрытием этой организации. Используя агентуру, наружную разведку и перлюстрацию корреспонденции, контрразведчики разоблачили нескольких американских разведчиков и завербованных ими агентов в Среднем Поволжье. Здесь следует отметить, что деятельность АРА в целом носила положительный характер, его сотрудники оказали большую помощь голодающим.

Контрразведывательная работа проводилась также в пограничных военных округах, на Украине, в Средней Азии. В 1921–1924 гг. были арестованы сотни агентов французской, английской, польской, турецкой и др. иностранных разведок, в том числе пытавшихся нелегально или по каналам репатриации проникнуть в СССР.

В 1924–1930 гг. была проведена операция «Синдикат-4» — (агентурное проникновение в английскую разведку под прикрытием легендированной организации «ВРИО»). «Синдикат-4», в отличие от «Треста», был ориентирован не против «николаевцев» — сторонников великого князя Николая Николаевича, а приверженцев другого претендента на престол, великого князя Кирилла Владимировича — «кирилловцев». В ходе операции по легенде, разработанной ОГПУ, в СССР якобы действовала мощная, разветвленная антисоветская организация — Внутренняя национальная российская организация. На территории страны чекистами было создано 46 «явок» для связи с зарубежьем — в Москве, Одессе, Ташкенте, Хабаровске, Харькове, Баку, Краснодаре, Киеве, Нахичевани,

Ростове-на-Дону, Ленинграде, Пскове и др., что позволило ОГПУ держать под контролем основные каналы проникновения эмиссаров эмигрантских центров.

Сотрудниками КРО были также выявлены и арестованы нелегально проникшие в СССР один из лидеров кадетской партии князь П.Д. Долгоруков, деятели РОВС штаб-ротмистр Г.Е. Эльвенгрэн, полковник И.М. Сусалин, бывший офицер армии Юденича В.И. Анненков («Махров», «Арсеньев»), расстрелянные по приговору Коллегии ОГПУ в июне 1927 г. (в качестве заложников после теракта 7 июня в Ленинграде).

Контрразведчикам приходилось также вести борьбу с бандитизмом, антисоветскими мятежами (например, в Якутии в 1927 г., при подавлении которого отличился помощник начальника КРО С.В. Пузицкий и известный по операции «Синдикат-2» Г.С. Сыроежкин).

С марта 1926 г. в ведение КРО из Восточного отдела ОГПУ была передана борьба с турецким, персидским и афганским шпионажем.

Резидентуры КРО действовали при дипломатических представительствах СССР за границей. Контрразведчики под видом дипломатов обеспечивали безопасность полпредств и консульств. В 1926 г. эти функции были переданы ИНО ОГПУ.

Сотрудники КРО работали за границей и нелегально. В 1924–1926 гг. под видом купца В.И. Шилова находился на работе по линии КРО в Харбине контрразведчик Василий Иванович Пудин, установивший обширные связи среди белогвардейцев, завербовавший ценную агентуру. Через агентов и лично путем негласных выемок Пудин добыл сотни секретных документов, в том числе около 20 японских и китайских шифров.

Артузов руководил контрразведкой в течение 5 лет. Летом 1927 г. Артузов был назначен по совместительству 2-м помощником начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Генриха Ягоды, а уже через 4 месяца, в ноябре, он был освобожден от работы в КРО, что, видимо, было связано с не совсем удачным завершением операции «Трест».

В январе 1930 г. Артузов, работавший все это время в СОУ ОГПУ, был назначен по совместительству заместителем начальника Иностранного отдела ОГПУ, которым с ноября 1929 г. был 2-й зампред ОГПУ Станислав Мессинг. В конце того же года он участвовал в следствии по делу «Промпартии», о котором через год, в декабре 1931 года, в личном письме Менжинскому скажет, «я всеми силами старался путем допросов вскрыть отдельные противоречия материалов следствия. По отдельным фактам у меня возникали сомнения». Далее там же он ставит себе в заслугу то, что «со своим сомнением» пошел только к Менжинскому и Ягоде. Видимо, ведомственная, чекистская мораль превалировала в сознании Артузова над партийной, иначе он пошел бы в ЦК партии. А может быть, он понимал причины готовившегося процесса, его социальный заказ.

После выступления Мессинга против Ягоды (в компании с другими руководителями ОГПУ) Артузов сменил его на посту начальника ИНО 1 августа 1931 года. За день до этого, 31 июля, Артузов был назначен членом Коллегии ОГПУ.

В ИНО заместителями Артузова были Абрам Слуцкий, сменивший его в 1935 г., и Михаил Горб, которого в 1933 г. заменил Валерий Горожанин (работавший до этого начальником Секретного отдела ГПУ Украины и заместителем начальника Секретно-политического отдела ОГПУ). Помощником Артузова с 1934 г. был Борис Берман, успешно работавший ранее резидентом в Берлине и Риме. Вместе с Артузовым пришли в ИНО ряд сотрудников КРО. Помощником начальника стал Сергей Пузицкий, начальниками отделений - Отто Штейнбрюк и Андрей Федоров, на заграничную работу были посланы Теодор Малли (нелегальный резидент в Лондоне), Георгий Косенко (позднее резидент в Париже), Натан Шнеерсон (заместитель резидента в Берлине, затем помощник начальника ИНО), Борис Гудзь (резидент в Токио). Основным содержанием работы Артузова в ИНО было проведение им в жизнь директивы Политбюро ЦК ВКП (б) (январь 1930) о переходе в разведке за границей преимущественно с нелегальных позиций. Именно этот период истории отечественных спецслужб и ветераны называют «эпохой великих нелегалов».

Артузов лично курировал работу таких известных сегодня разведчиков, как Дмитрий

Быстролетов (которого именно Артузов и помощник начальника ИНО Михаил Горб привлекли к работе в разведке в 1925 году), Александр Орлов-Никольский (именно в этот период, вместе с Арнольдом Дейчем, Теодором Малли и Игнатием Рейфом завербовавший знаменитую «кембриджскую пятерку»), Василий и Елизавета Зарубины (работавшие в Берлине с ценнейшим агентом Вилли Леманом, руководившим в гестапо подразделением контрразведки в военной промышленности) и другие. Была проведена в 1931 г. совместно с Экономическим управлением ОГПУ операция по проникновению в руководство нацистской партии, тогда еще не пришедшей к власти — секретный сотрудник ЭКУ инженер текстильного директората ВСНХ Александр Добров под видом руководителя легендарной антисоветской подпольной организации установил связь с соратником Гитлера Альфредом Розенбергом.

Резидент ИНО в Вене Игорь Лебединский через агента Г/42 внедрился в разведывательную организацию «Союз свободного хозяйства» (ССХ) бывшего шефа разведки Австро-Венгрии полковника Максимилиана Ронге, финансирующуюся Ватиканом и правыми кругами Англии, Германии и Польши.

Нелегальная группа № 1 Бертольда Илька («Беера»), которая из Германии вела разведку в странах Восточной Европы от Прибалтики до Балкан, была переориентирована на Англию и Францию. Уже к началу 1932 г. она имела во Франции шесть источников (в МИДе, Минобороны, телеграфном агентстве Гавас, сенатских кругах, в чехословацкой разведке и крупных европейских телеграфных агентствах). «Беер» ставил перед собой задачу проникновения в британскую разведку.

В странах Юго-Восточной Европы действовала резидентура Ивана Каминского («Монда»), которой отошла часть агентуры Беера.

Во Франции развернула работу нелегальная группа № 2 Федора Карина («Джека»), базировавшаяся в Берлине.

В Германии заместителю Карина Эриху Такке («Бому») были переданы от сотрудника «легальной» резидентуры Павла Корнеля (Михальского), их завербовавшего, два наиболее ценных источника по линии контрразведки — «Брайтенбах» и «Рауппе». Когда же Карин, ввиду опасности расшифровки, решил вывести из страны Такке, бывшего коминтерновца, его заменил Герман Клесмет. Он проработал с «Брайтенбахом» и другими ценными источниками до своего отъезда осенью 1933 года.

Во Франции резидентура Василия Зарубина наладила через Елизавету Зарубину получение секретных документов из посольства Германии в Париже.

Технической разведкой занимался Гайк Овакимян, аспирант МВТУ, с 1931 г. сотрудник ИНО, работавший в Берлине, где приобрел несколько ценных источников. Одним из них был талантливый ученый Ганс-Генрих Куммеров, получивший псевдоним «Фильтр». В фирме «Ауэр» Куммеров разрабатывал фильтры и поглотители ядовитых веществ, включая все известные боевые отравляющие вещества. Его противогаз был принят на вооружение рейхсвера. Сотрудничество с Куммеровым продолжалось до 1942 года.

Другой источник Герберт Муравкин (псевдоним «Атом») был разработчиком высоковольтных генераторов в лаборатории доктора Ланге в Физическом институте Берлинского университета, решавшей проблему расщепления атомного ядра. С помощью материалов, переданных Муравкиным, Харьковский физико-технический институт впервые в мире расщепил в 1932 году атом лития.

В Германии с начала 1930 г. находился нелегал Роман Бирк, бывший агент КРО, участвовавший в оперативных играх с разведками Германии, Италии, Чехословакии и Англии (СИС). В конце 1930 г. Бирк завербовал на «американский» флаг своего соученика по дипломатической академии в Вене Франца Талера, близкого к руководителю австрийского «хеймера» (полувоенной организации типа штурмовиков) князю Штарембергу.

Бирк также завербовал Хаймзота, близкого друга командира штурмовых отрядов и начальника гитлеровского штаба Эрнста Рема, на «финскую и эстонскую разведки». Весной

1933 г. Хаймзот был перевербован на советский флаг.

Недавно стало известно об операции «Тарантелла». Эта операция была проведена силами нескольких подразделений ОГПУ (Иностранный отдел, контрразведка, оперативно-технические подразделения, территориальные органы, пограничные отряды ОГПУ) в 1930-х гг. Цель ее заключалась в пресечении деятельности английской «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС) против СССР и в продвижении через подставленную агентуру направленной информации в британские руководящие круги. Операция носила долговременный и масштабный характер. Конечная задача состояла в содействии развитию экономических связей государств Запада с Советским Союзом и достижении договоренностей по проблемам коллективной безопасности.

Поводом для начала операции «Тарантелла» послужила ориентированная информация об агентурной деятельности по СССР Виктора Богомольца, помощника регионального резидента СИС Генри Гибсона. Многолетнее сотрудничество с румынской, польской и английской разведками характеризовало Богомольца как профессионала, человека с серьезными связями во влиятельных кругах ряда европейских стран. Пристальное внимание к его персоне позволило Артузову скоординировать действия по пресечению деятельности СИС против СССР.

Ключевой фигурой операции стал Борис Федорович Лаго-Колпаков, секретный сотрудник ИНО. Его жизнь в эмиграции была отмечена активным сотрудничеством с сигуранцей (тайной полицией Румынии), противниками большевиков (в частности, с бывшим народником, известным «охотником за провокаторами» В.Л. Бурцевым; известным дипломатом-невозвращенцем, бывшим украинским левым эсером Г. Беседовским), агентами «Интеллидженс сервис». Разведывательная деятельность Лаго осуществлялась в тесном контакте с ОГПУ.

Кроме агента А/243 (такой псевдоним среди прочих был у Лаго) в операции «Тарантелла» были задействованы и другие сотрудники внешней разведки СССР: Архаров, Бигорова, Вишневецкий, Калужский, Княжин, «Консул» (П.Ф. Калужный), Поповских, «Теплов», «Тамарин», «Флейта». ОГПУ наполняло эти каналы направленными сведениями и дезинформацией по государственным вопросам, предназначенными для СИС, в том числе и о золотом запасе и добыче золота в СССР, развитии оборонной промышленности, положении в высшем руководстве страны, внутривнутриполитических настроениях, советской авиации, обстановке в регионах Советского Союза и другом.

В свою очередь ОГПУ получало важную и достоверную информацию от своих зарубежных агентов, имевших контакты с «Сикрет интеллидженс сервис». Это позволяло укреплять безопасность СССР, не противореча при этом принципам безопасности других государств. Все это дало определенные результаты: раскрытие планов и практической деятельности В.Л. Бурцева, изъятие похищенных секретных документов советских государственных ведомств, предотвращение ареста работника Коминтерна во время его нелегального пребывания во Франции, ликвидация связников иностранных спецслужб при проведении агентурных мероприятий на советской территории, информирование о деятельности эмигрантских организаций (включая группу Беседовского), похищение председателя РОВС генерала Миллера.

По вопросам внешней политики были получены резюме доклада о тактике японского Генштаба на случай войны с СССР, отчет о франко-германских переговорах (о плебисците в Саарской области). Политическому руководству Советского Союза были представлены документы, добытые английской разведкой, которые содержали секретную информацию о мероприятиях по комплектованию рейхсвера и вспомогательных формирований как основы для развертывания вооруженных сил Германии по нормам военного времени.

Осведомленность британской службы «Интеллидженс сервис» об установлении дипломатических отношений (ноябрь 1933 г.) и последующем взаимовыгодном экономическом сотрудничестве между США и СССР также являлась крайне значимой информацией для ОГПУ. О некоторых специальных мероприятиях операции «Тарантелла»

докладывалось лично Сталину. Например, информация о совместной работе Великобритании и Польши против СССР: поддержке польским руководителем маршалом Пилсудским сепаратистских настроений среди русских эмигрантов, переговорах с одним генералом, авторитетным среди белоказачков, о создании независимого казачьего государства на юге Советского Союза, «Вольной Казакии» (путем расширения территории прежней Области войска Донского с присоединением к ней Калмыкии, Кубани и других соседних регионов), которое предполагалось осуществить при материальной поддержке Англии и Польши. Благодаря деятельности агентов ОГПУ и отказу казачьего генерала от работы в польском Генштабе данный проект не состоялся.

Важным моментом операции «Тарантелла» стала попытка завербовать В.В. Богомольца ИНО ОГПУ.

В марте 1934 г. с этой целью в Париж выезжал сотрудник ИНО Матвей Осипович Штейнберг (под псевдонимом «Макс»). Он сообщил Богомольцу все известные детали деятельности «Интеллидженс сервис», в течение нескольких лет предоставляемые органам госбезопасности СССР Лаго и другими агентами ОГПУ. Потрясенный осведомленностью советской разведки, Богомолец, тем не менее, отказал ей в своих услугах. «Интеллидженс сервис» незамедлительно узнала о дискредитации своего сотрудника и отстранила его от работы, занявшись выяснением утечки информации. Лаго и других агентов ОГПУ «вывело» из оперативной игры.

В операцию «Тарантелла» на разных этапах времени были вовлечены спецслужбы Австрии, Англии, Германии, Польши, Португалии, Румынии, Франции, Швейцарии. События, связанные непосредственно с судьбами ее участников, развернулись позднее в Китае и на Ближнем Востоке.

Именно в период руководства Артузова были внедрены агенты в Софийский отдел РОВС (Николай Абрамов, сын белого генерала, впоследствии кадровый сотрудник советской разведки, направленный во время Великой Отечественной войны на подпольную работу в Одессу и погибший там), создана знаменитая впоследствии организация немецких антифашистов «Красная капелла», завербованы ценные агенты в Германии (будущий руководитель «Красной капеллы» Арвид Харнак, барон Поссанер и Ганс Куммеров), в парижских белоэмигрантских организациях (бывший колчаковский министр Сергей Третьяков и генерал Николай Скоблин). Многие операции, ставшие классикой советской внешней разведки, начинались при Артузове.

25 мая 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о работе военной разведки (в связи с многочисленными провалами последнего времени) и приняло следующее постановление:

«1. Признать, что система построения агентсетей IV Управления, основанная на принципе объединения обслуживаемой ту или иную страну агентуры в крупные резидентуры, а также сосредоточения в одном пункте линий связи с целым рядом резидентур — неправильна и влечет за собой, в случае провала отдельного агента, провал всей резидентуры. Переброска расконспирированных в одной стране работников для работы в другую страну явилось грубейшим нарушением основных принципов конспирации и создавало предпосылки для провалов одновременно в ряде стран.

2. Имевшие место провалы показали недостаточно тщательный отбор агентработников и недостаточную их подготовку. Проверка отправляемых IV Управлением на заграничную работу сотрудников со стороны органов ОГПУ была недостаточна.

3. Агентурная работа IV Управления недостаточно увязана с работой Особого отдела и ИНО ОГПУ, вследствие чего возникают недоразумения между этими учреждениями и отдельными их работниками.

4. Руководство агентурной работой штабов приграничных округов децентрализовано и позволяет местному командованию несогласованно с центром ставить агентуре не только оперативные, но и организационные задания.

5. Установка в оперативной работе IV Управления на освещение агентурным путем почти всех, в том числе и не имеющих особого для нас значения, стран неправильна и ведет к распылению сил и средств.

6. Установка в информационной работе на удовлетворение всех запросов военных и военно-промышленных учреждений неправильна, ведет к разбрасыванию в работе, недостаточно тщательной отработке поступающих материалов, широкой издательской деятельности, параллелизму с военгизом.

7. Начальник IV Управления не уделил достаточного внимания агентурно-оперативной работе, что привело к ряду серьезных промахов.

Для устранения указанных недостатков:

1. Наркомвоенмору выделить IV Управление из системы Штаба РККА с непосредственным подчинением наркому. В составе Штаба РККА оставить только отдел, ведающий вопросами войсковой разведки, увязав его работу с работой IV Управления.

Во избежание загрузки IV Управления несущественными или маловажными заданиями установить порядок дачи заданий только через наркома или с его ведома и одобрения. По линии информации сократить издательскую деятельность, ограничившись выпуском только самых необходимых для РККА справочников и пособий.

Усилить руководство IV Управления 2–3 крупными военными работниками соответствующей квалификации. Для укомплектования разведорганов выделять наиболее стойких, проверенных, с хорошей подготовкой военных работников.

2. Руководство агентурной работой 4-х Отделов округов сосредоточить в руках IV Управления с оставлением права окружному командованию давать агентуре оперативные задания.

3. Обязать начальника IV Управления в кратчайший срок перестроить всю систему агентурной работы на основе создания небольших, совершенно самостоятельно работающих и не знающих друг друга, групп агентов. Работу внутри групп поставить так, чтобы один источник не знал другого.

4. В кратчайший срок создать специальную школу разведчиков, которую укомплектовать тщательно отобранными, проверенными через ОГПУ и парторганизации лицами командного и командно-политического состава. При отборе особое внимание обратить не только на соц. происхождение, но и на национальность, учтя, что националистические настроения могут быть источником измены и предательства. Школу организовать на 200 чел., учение вести раздельно группами в 10–15 человек.

5. Центр тяжести в работе военной разведки перенести на Польшу, Германию, Финляндию, Румынию, Англию, Японию, Маньчжурию, Китай. Изучение вооруженных сил остальных стран вести легальными путями через официальных военных представителей, стажеров, военных приемщиков и т. д.

6. Для большей увязки работы IV Управления с Особым Отделом и ИНО ОГПУ:

а) создать постоянную комиссию в составе начальников этих учреждений, поставив комиссии задачу: обсуждение и согласование общего плана разведработы за границей; взаимную информацию и предупреждение о возможных провалах; обмен опытом, тщательное изучение провалов и выработку мероприятий против провалов; тщательную проверку отправляемых на закордонную работу сотрудников, контроль и наблюдение за находящимися на закордонной работе работниками.

б) Назначить начальника ИНО ОГПУ т. Артузова заместителем начальника IV Управления, обязав его две трети своего рабочего времени отдавать IV Управлению.

Наркомвоенмору т. Ворошилову лично проверять осуществление указанных мероприятий».

Начальник ИНО ОГПУ Артур Христианович Артузов был тогда назначен по совместительству заместителем Яна Берзина, к тому времени уже 10 лет возглавлявшего Разведупр Штаба Красной Армии. Такое совмещение было и остается уникальным в истории

спецслужб.

21 мая 1935 г. Артузов был освобожден от обязанностей начальника ИНО ГУГБ НКВД и полностью сосредоточился на работе в военной разведке, которую с апреля 1935 г. возглавлял Семен Петрович Урицкий.

После введения осенью того же года персональных воинских званий в Красной Армии Артузову было присвоено звание «корпусный комиссар», соответствующее нынешнему званию генерал-лейтенанта.

С Артузовым в Разведупр РККА пришли разведчики из ИНО ГУГБ НКВД — Отто Штейнбрюк и Федор Карин, возглавившие соответственно Западный и Восточный отделы, Сергей Пузицкий и Лев Мейер-Захаров (работавший с Артузовым в Особом отделе ВЧК), назначенные помощниками начальника РУ, бывший резидент в Париже и Риме Аристарх Ригин, бывший резидент в Риме Борис Эльман, бывший резидент в Токио Борис Гудзь, бывший резидент в Вене Михаил Панкратов, сотрудники ИНО и КРО-ОО Александр Полуэктов-Прозоров, Данциг Балдаев, Павел Воропинов, Август Маншейт, Найдис, Онуфриев, Нефедов, Сиверцев, Букин и другие, примерно 20–30 человек.

Артузов проанализировал работу Разведупра и сделал ряд неутешительных выводов. По его мнению, изложенному в докладе Ворошилову и Сталину от 23 июня 1934 г., нелегальная агентурная военная разведка прекратила существование в Англии, Франции, Румынии, Финляндии, Латвии, Эстонии, США и Италии. Главными причинами он считал текучесть кадров, их слабую подготовку, связь с иностранными компартиями, что и приводило к провалам.

Ошибкой Артузова стала ликвидация 3-го (информационно-статистического) отдела Разведупра, которого не было также в ИНО. Предложенное Артузовым сокращение аппарата РУ с 301 до 245 человек привело затем к увеличению до 400 человек.

Но были и несомненные успехи. При Артузове пришли в военную разведку в 1935 г. Ян Черняк, который в течение двенадцати лет возглавлял крупнейшую агентурную сеть, охватывавшую несколько стран Европы, и впоследствии был удостоен звания Героя России, и Артур Адамс (также Герой РФ), известный картограф Шандор Радо. Как сам писал впоследствии Артузов в письме к Сталину, в это время были завербованы сотрудник немецкого посольства в Варшаве (Рудольф фон Шелиа), немецкий морской офицер и офицер мобилизационного подразделения немецких войск в Восточной Пруссии. В Берлине же были завербованы эстонский, латвийский и болгарский дипломаты, в Швейцарии — армейский генерал, в США — сотрудник госдепартамента.

В период работы Артузова в РУ началась гражданская война в Испании. Он руководил отправкой в Испанию кораблей с оружием (пушками, пулеметами и противогАЗами, этим занимался сотрудник Разведупра Борис Эльман, бывший чекист). В это же время военная разведка, как и другие советские спецслужбы, сотрудничала с разведкой Чехословакии (после заключения в мае 1935 г. советско-чехословацкого договора о взаимопомощи). «Дружили» разведки против немцев. В 1935 и 1936 гг. в Праге побывали группы сотрудников Разведупра во главе с Артузовым и вторым заместителем начальника Разведупра Александром Никоновым. В Праге в 1936–1938 гг. действовал совместный разведцентр «Вонапо», находившийся на вилле его руководителя майора К. Палечека. Центр имел 33 агента в Германии и Австрии. Летом и осенью 1936 г. чешская делегация побывала в Москве, где встречалась с Тухачевским, Урицким и Никоновым, а также посетила радиоразведывательную станцию в Ленинградской области. Чехи помогали переправлять в Испанию советских военных (по фальшивым документам). С советской стороны работой по этой линии руководили (до своего отъезда в Москву) военный атташе полковник Л.А. Шнитман и его заместитель военный инженер 1 ранга В.В. Ветвицкий, с чешской — полковники Дргач, Соукуп, Ф. Гаек и Ф. Моравец. С октября 1936 г. в Праге также действовала советская военная миссия во главе с полковником Порубовским. Кроме него в миссию входили 3 офицера, которых после их отъезда в 1937 г. заменили подполковник Климцов, майор Ляховский, капитаны Андреев и Смигельский. Это многообещающее

сотрудничество прекратилось после Мюнхена.

По некоторым данным, Артузов также побывал в Париже, где пытался способствовать заключению франко-советского договора о военном союзе. Но правительство радикал-социалистов, как и пришедший ему на смену Народный фронт, больше боялись коммунистов, чем немцев.

К сожалению, так же как в НКВД с Ягодой и Слуцким, у Артузова не сложились отношения с начальником Разведупра Урицким и наркомом обороны Ворошиловым, в чем сказалась ведомственная рознь.

26 сентября 1936 г. наркомом внутренних дел стал Николай Ежов, заменив на этом посту Генриха Ягodu. Отношения между военными и чекистами в Разведупре резко обострились, их стали именовать «людьми Ягоды». 11 января 1937 г. по предложению Ворошилова Политбюро приняло решение об освобождении Артузова (и Штейнбрюка) от работы в Разведупре и направлении его в НКВД, где он был назначен научным сотрудником 8-го (учетно-статистического) отдела ГУГБ, на правах помощника начальника отдела. Впрочем, снятие Артузова с работы было вызвано не только и не столько распрями с военными. В это время начиналась чистка НКВД, первыми жертвами которой стали поляки, работавшие вместе с Артузовым на Западном фронте в 1920 г. и в покровительстве которым его обвинял заместитель Ежова Михаил Фриновский. Артузов признавал свою вину и в то же время пытался оправдаться, писал письма Ежову и Сталину, продолжал работать в НКВД, занимаясь подготовкой истории ВЧК-НКВД к 20-летию юбилею (член коллегии в недавнем прошлом — не имел даже отдельного кабинета!). В марте он выступил на собрании актива НКВД, защищаясь от резкой критики своего преемника Слуцкого. Он взаимно раскритиковал Слуцкого, бывшего наркома, еще не арестованного Ягodu, которого назвал хорошим хозяйственником, оказавшимся не на своем месте, и работу руководства НКВД в целом.

В ночь с 12 на 13 мая 1937 г. Артур Христианович был арестован в своем кабинете в наркомате после выступления на активе Фриновского, обвинившего Артузова в шпионаже. Содержался он в Лефортовской тюрьме и через 2 недели признался в работе на немецкую разведку с 1925 года (завербован Штейнбрюком), а еще через 2 недели — в шпионаже в пользу Англии с 1913 (!) г., Франции с 1919 г., Польши с 1932 г. Понятно, какими методами вели следствие начальник Секретариата НКВД комиссар госбезопасности 3-го ранга Яков Дейч (арестован в 1938 г. и умер во время следствия) и лейтенант Виктор Аленцев (в 1955 г. — полковник, заместитель начальника УКГБ по Московской области). 21 августа того же года «тройка» в составе председателя Военной коллегии (бывшего заместителя Артузова по КРО ГПУ в 1922–1923 гг.) Василия Ульриха, заместителя наркома НКВД Льва Вельского и заместителя Прокурора СССР Григория Рогинского приговорила Артузова (Фраучи) Артура Христиановича и с ним еще 6 человек (в том числе Штейнбрюка, Карина, Горба, бывшего резидента ИНО в Берлине Бориса Гордона) в т. н. «особом порядке». т. е. даже без видимости суда, к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Реабилитировали Артура Артузова в феврале 1956-го, сразу после XX съезда КПСС.

ЯН ОЛЬСКИЙ И СОВЕТСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА НА РУБЕЖЕ 20-х-30-х

Преемник Артузова на посту начальника КРО Ян Каликстович Ольский, несмотря на свою молодость (29 лет), был уже известным чекистом.

Ян Куликовский родился 22 декабря 1898 года в местечке Бутримовичи Шальчининкского уезда Виленской губернии в семье обедневшего шляхтича, врача. Старший брат Яна — Леон Куликовский (р. 1883) был известным политическим деятелем Польской республики, депутатом Сейма от Польской социалистической партии (ППС), затем от Трудовой партии, умер в 1936 году.

В январе 1911–1917 гг. учился в гимназии в Вильно, а затем в Петрограде. В 1917 году

вступил в петроградский Союз социал-демократической польской молодежи, был членом редакционной коллегии печатного органа союза — газеты «Свободный голос». Впоследствии он писал в автобиографии: «В 1915–1916 годах... с группой товарищей — Корейво, Юхневич, Клыс и другие (сейчас все члены ВКП(б)) создали нелегальный кружок польской молодежи, который был после преобразован в Союз польской социалистической молодежи... и связан с социал-демократией Польши и Литвы (Лещинским-Ленским, Берковичем, Циховским и др.). В 1917 г., после Февральской революции, почти весь союз вступил в группу социал-демократов Польши и Литвы».

В июне того же года по рекомендации Дзержинского и Уншлихта Куликовский был выбран секретарем петроградской группы Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). В дни Октябрьской революции он участвовал в захвате почты и центрального телеграфа.

После победы революции с января по ноябрь 1918 г. Ян Куликовский возглавлял подотдел пропаганды, печати и издательств в Польском Комиссариате при Петроградском совете. В мае того же года Ян принял участие во II Конференции групп СДКПиЛ в России, которая прошла в Петрограде. Вскоре по мобилизации Петроградского комитета РКП(б) вступил в ряды Красной Армии, но уже в ноябре 1918 г., после Ноябрьской революции в Германии и начала ухода немецких оккупационных войск, был направлен на подпольную работу в Литву, под псевдонимом Ольский, ставшим его фамилией.

В декабре 1918 г. Ян Ольский вошел в состав Виленского комитета КПЛиБ. После взятия города Красной Армией, с января по апрель 1919 г. работал секретарем Президиума Виленского совета рабочих депутатов, а также секретарем Виленского комитета партии. После взятия Вильно поляками он переходит на военную работу. 17 апреля 1919 г. становится начальником почтово-телеграфного отдела Литовско-Белорусской армии, с мая по август того же года был уполномоченным Совета Труда и Оборона Литовско-Белорусской ССР.

В августе 1919 г. по рекомендации Уншлихта Ольский, проводивший ранее ревизию Минской губЧК, сам становится чекистом. Он писал в автобиографии: «...С августа 1919 г. работаю в органах ВЧК-ОГПУ. Был начальником особого отдела 16-й Армии, в 1920 г. назначен особоуполномоченным особого отдела Западного фронта... При формировании 1-й Польской Красной Армии мне была поручена организация ее особого отдела, а после я вновь назначен в 16-ю Армию». Можно добавить, что Ольский был также начальником оперативной части Особого отдела 16-й армии, начальником информационного отделения и уполномоченным ОО Западного фронта. В 16-й армии Ольский вновь возглавил Особый отдел. Также во время войны с Польшей в 1920 г. Ольский был членом Польского бюро РКП(б) в Смоленске и заместителем начальника Особого отдела при комендатуре Вильно Филиппа Медведя. Тогда же он был утвержден заместителем того же Медведя во «Всепольской ЧК», которую советские чекисты планировали создать после занятия Варшавы (до которой войска Западного фронта не дошли 70 км). Ольский должен был также возглавить Особый отдел Всепольской ЧК. Другими кандидатами на руководящие посты в новой ЧК планировались заместитель начальника ОО 3-й армии Иосиф Опанский, особоуполномоченный ВЧК на Западном фронте (затем председатель ЧК Белорусской ССР) Александр Роттенберг, особоуполномоченные ОО Западного фронта Роман Пилляр, Владимир Горев, Вильгельм Курц, Станислав Полицкевич, председатель Витебской губЧК Сергей Шварц, начальник оперотдела ЧК Белоруссии Корф. Чекист Михаил Шрейдер, рассказавший об этом эпизоде, оставил воспоминания об Ольском как о исключительно справедливом руководителе. Этот польский дворянин был непримирим к любым проявлениям национализма. Узнав о проступке сотрудника ЧК — поляка, оскорбившего своего сослуживца-еврея, Ольский вызвал своего соплеменника и, убедившись в правильности сведений, приказал выгнать его из ЧК и исключить из партии. Еще один штрих к портрету Ольского, сохраненный Шрейдером, подметившим его манеру речи: говорившего «скороговоркой, быстро-быстро, нанизывая слово за словом (он всегда так

говорил)» — вспоминал через 50 лет прошедший тюрьму, лагерь и фронт Шрейдер своего погибшего начальника и старшего товарища.

Возглавляя ОО 16-й армии, Ольский руководил раскрытием шпионской деятельности руководителя польской миссии связи при штабе 16-й армии (дело было в период мирных переговоров между РСФСР и Польшей) майора Равич-Мысловского и подхорунжего Езерского, имевших связь с существовавшей еще с 1918 г. польской шпионской организацией в Могилеве. По словам историка А.А. Здановича, «в той или иной степени на Равича работали 58 человек, среди которых были отдельные командиры и солдаты, железнодорожники, служащие органов снабжения армии и даже... несколько сотрудников особых отделов — поляков по национальности. Один из предателей вознамерился передать «дипломатам» шифр особого отделения первой дивизии, другой даже обратился с письмом к польским военным представителям с изложением перечня услуг, которые бы мог оказать в обмен на содействие после бегства в Польшу. Медлить было нельзя. Полностью раскрыв шпионскую деятельность Равича и имея в руках неопровержимые улики, особый отдел армии в начале января 1921 г. приступил к ликвидации разросшегося филиала польской разведки.

Итог пребывания Равича и Езерского в Могилеве был печальным: все завербованные ими агенты провалились, а сами они по возвращении в Польшу преданы военно-полевому суду как не обеспечившие выполнение важных заданий Генерального штаба. За операцией в Могилеве последовало раскрытие крупной шпионской организации в Витебске.

В июне 1921 г. Ольский был назначен председателем ЧК БССР, действовавшей в то время на правах губ. ЧК и подчинявшейся Полпредству ВЧК на Западном фронте, находящееся в Смоленске. Это совпало с развитием бандитизма в республике. После приезда в Минск комиссии во главе с зампредом ВЧК И.С. Уншлихтом и главкомом РККА С.С. Каменевым был создан Реввоенсовет Минского района, с чрезвычайными полномочиями по борьбе с бандитизмом. В его состав вошли командующий 16-й армии Иероним Уборевич, нарком по военным и внутренним делам Иосиф Адамович и председатель Белорусской ЧК Ян Ольский.

Белорусские чекисты разгромили в Шумянском уезде группу савинковского «Западного областного комитета».

16 декабря 1921 г., выступая на III Всебелорусском съезде Советов, председатель республиканской ЧК Ян Ольский заявил, что «бандитизм к данному моменту полностью ликвидирован».

С 1922 года после реорганизации ВЧК Ольский возглавил ГПУ при Президиуме ЦИК БССР. В 1923 г. Реввоенсовет РСФСР наградил Ольского орденом Красного Знамени. А.А. Зданович приводит характеристику комиссии по аттестации сотрудников ГПУ (1922): «Работоспособный, с широкой инициативой, безусловно, честный, усовершенствованно знакомый со всеми отраслями чекистской работы... Имеет колоссальные заслуги в области разработок разных контрреволюционных и шпионских организаций, известных ВЧК. Вполне соответствует своему назначению и, несмотря на молодость (родился в 1898 г.), способен занимать более высший пост».

В начале 1923 г. по предложению заместителя председателя ГПУ Уншлихта Ольского переводят на работу в Москву. С февраля 1923 г. он — начальник 3-го отделения (контрразведывательная работа против Польши, Румынии и балканских стран), помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ, с июля 1923 г. по совместительству начальник отдела погранохраны ОГПУ. Одновременно с октября 1923 г. главный инспектор Главной инспекции войск ОГПУ и начальник Высшей пограничной школы. С декабря 1925 г. одновременно заместитель начальника Особого отдела ОГПУ (с мая 1927 г. — первый помощник начальника ОО, фактически руководил им ввиду загруженности начальника отдела Г. Г. Ягоды) и КРО ОГПУ.

Он был награжден двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ОГПУ» (эта ведомственная награда, впоследствии именовавшаяся «Заслуженный работник НКВД» и

«Почетный сотрудник КГБ», в чекистской среде известна под названием «Почетный чекист»), а к десятилетию ВЧК-ОГПУ Коллегия ОГПУ наградила его почетным боевым оружием с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». Ольский во многом отличался от некоторых руководителей ОГПУ. По словам А.А.Здановича, «известны многочисленные факты, когда он жестко реагировал на нарушения законов со стороны работников ОГПУ. Даже судя по его кратким заметкам на полях документов и записок, адресованных Главному военному прокурору, можно судить, как далеко умел смотреть чекист, как стремился уберечь своих коллег и подчиненных от пренебрежения нормами закона при ведении следствия. Несмотря на крайнюю загруженность работой, он нашел время и совместно с работниками ГВП подготовил циркуляр, в котором категорически требовал от всех начальников особых отделов обеспечить соблюдение законности, устранить трения с военной прокуратурой».

В ноябре 1927 г. Ольский, как уже говорилось, возглавил КРО, оставаясь помощником начальника Особого отдела ОГПУ. Тогда же был создан единый секретариат обоих отделов. 26 октября 1929 г. Ольский был назначен начальником Особого отдела ОГПУ по совместительству с должностью начальника Контрразведывательного отдела (в ноябре он был назначен первым помощником начальника СОУ ОГПУ). Его помощниками (в 1927 г. в структуре центрального аппарата ОГПУ были упразднены должности заместителей) оставались Стырне и Пузицкий. Начальниками отделений были А. Формайстер (1-е — посольства), Роллер (2-е — англо-франко-итальянское), К. Науиокайтис (3-е — польское, затем- контрабанда, граница, таможня), В. Кияковский (4-е — Прибалтика и Скандинавия), И. Тубала (5-е — дальневосточные страны), Н.И. Демиденко (6-е — белая эмиграция), С. Гендин (7-е — Польша), выходец из Венгрии М.А. Розенфельд (8-е — немецкое, вместо перешедшего в ИНО О. Штейнбрюка).

Осенью 1930 года система контрразведки подверглась реорганизации. Приказом ОГПУ от 10 сентября 1930 г. для объединения борьбы с контршпионажем и «белогвардейско-кулацкой и повстанческой контрреволюцией», в т. ч. и в Красной Армии в состав Особого отдела были включены ранее упраздненные Контрразведывательный и Восточный отделы. 15 сентября была утверждена новая структура и штаты Особого отдела. Начальником был назначен Я.К. Ольский, его заместителем — Л.Б. (З.М.) Залин, переведенный с должности полномочного представителя ОГПУ по Западной области; помощниками начальника — С.В. Пузицкий (через месяц он был назначен заместителем Ольского), Н.Г. Николаев-Журид, бывший начальник КРО полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, В.А. Стырне, Т.М. Дьяков, бывший начальник Восточного отдела ОГПУ и Л.А. Иванов, бывший начальник Особой инспекции при Коллегии ОГПУ.

Структура Особого отдела была перестроена, вместо отделений были образованы отделы: 1-й отдел — контрразведка против разведок спецслужб западных стран, наблюдение за иностранными представительствами и колониями на территории СССР (начальник — В.А. Стырне); 2-й отдел — борьба с антисоветской деятельностью белогвардейских, крестьянских, молодежных групп и организаций и бандитизмом (Н.Г. Николаев-Журид); 3-й отдел — борьба с националистическими движениями и организациями, контрразведка против разведывательной деятельности со стороны государств Востока, наблюдение за представительствами и колониями этих стран на территории СССР (Т.М. Дьяков); 4-й отдел — оперативное обслуживание армии, флота, оборонного строительства и военно-учебных заведений (Л.А. Иванов). В марте 1931 г. отделы вновь были переименованы в отделения.

В июле 1931 г. решением Политбюро ЦК Ольский был снят с должности за выступление вместе с другими руководителями ОГПУ против Г.Г. Ягоды. В коллективном заявлении в ЦК ВКП (б) участвовали второй зампред ОГПУ и начальник ИНО С.А. Мессинг, начальник СОУ Е.Г. Евдокимов, начальник Административно-организационного управления (АОУ), Главного управления пограничной охраны и войск (ГУПОиВ) и Главной инспекции по милиции и уголовному розыску при ОГПУ И.А. Воронцов, полпред ОГПУ по

Московской области Л.Н. Вельский. Они выступили против первого зампреда Ягоды (в частности, они обвиняли его в фабрикации следственных дел на командиров Красной Армии — бывших офицеров царской армии).

Это дело под наименованием «Весна» было начато руководителями ГПУ Украины В.А. Балицким и И.М. Леплевским с санкции высшего руководства партии (опасавшегося заговора и вооруженного мятежа бывших офицеров в случае интервенции) при поддержке Ягоды. В числе арестованных (около 10 тыс. чел. оказались известные военные специалисты бывшие генералы А.И. Верховский (военный министр Временного правительства), С.Г. Лукирский, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, полковник Н.Е. Какурин и многие другие. По словам А.А. Здановича, «Ольский и его непосредственный начальник Евдокимов резко выступили против арестов, проводимых по делу «Весна». Они допросили многих содержащихся под стражей военных, изучили большое количество документов и утвердились в своих предположениях: дело «Весна» — «липа».

Ягода был очень встревожен таким поворотом событий, тем более что ему стало известно о намерении Ольского, Евдокимова и еще ряда крупных чекистов опротестовать не только дело «Весна», но и некоторые другие и довести до руководства страны, что ОГПУ сворачивает на путь чрезмерных репрессий».

Конфликт завершился поражением противников Ягоды. Его поддержал председатель ОГПУ В.Р. Менжинский, а затем и Сталин. Хотя сам Генрих Григорьевич в итоге переместился с поста первого заместителя на должность второго зампреда (первым замом стал Иван Алексеевич Акулов, старый партийный работник, в ЧК ранее не служивший, а третьим зампредом руководитель украинского ГПУ Всеволод Аполлонович Балицкий). Противники Ягоды пострадали гораздо серьезнее. По постановлению ЦК были уволены из ОГПУ Мессинг, Ольский, Воронцов и Вельский, Евдокимов переведен из Центра (сперва в Ленинград, затем в Среднюю Азию) за, как говорилось в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 6 августа, «совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ», распространение «совершенно несоответствующих действительности разлагающих слухов о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является "дутым делом"», расшатывание «железной дисциплины среди работников ОГПУ».

Ольский же с 1931 г. руководил Главным управлением столовых, кафе и ресторанов Наркомснаба-Наркомвнуторга СССР, с 1936 г. — член Совета при наркоме внутренней торговли СССР. На VII съезде Советов (март 1935 г.) избирался членом ЦИК СССР.

Был также членом Московского комитета ВКП(б) и Моссовета.

В сентябре 1935 г. член Политбюро и секретарь ЦК партии, нарком путей сообщения СССР Л.М. Каганович просил И. В. Сталина согласия на переход Я.К. Ольского в НКПС начальником отдела пассажирских перевозок. Сталин ответил ему в письме: «Ольский ведет большую и серьезную работу по народному питанию. Перевод его в НКПС означал бы серьезный урон для Нарпита... Я решительно против снятия Ольского с Нарпита». Тем не менее с конца 1936 г. в центральной печати развернулась кампания критики Ольского и возглавляемого им Главного управления.

В 1936 г. начались первые аресты чекистов польского происхождения. Историк органов госбезопасности полковник В.Н. Хаустов освещает историю вопроса:

«Первым звеном в цепи разоблачений польских «шпионов», внедрившихся в органы государственной безопасности, стало дело Маковского — заместителя начальника Особого отдела Управления НКВД Омской области, а до этого — резидента советской разведки, работавшего в Польше. Как и большинство других сотрудников-поляков, Ю.И. Маковский был принят на службу в органы по распоряжению Ф.Э. Дзержинского. Надо сказать, что значительную часть сотрудников контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД СССР, работавших по польской линии, составляли поляки (Сосновский И.И., Баранский К.С. и другие), некоторые из которых в прошлом были кадровыми сотрудниками спецслужб Польши. Маковского арестовали в феврале 1936 г. На конспиративной квартире за рубежом в его сейфе оказалось гораздо больше денег, чем он указал, и, кроме того, там хранились

письма от его сестры, жившей в Польше. В этих письмах, относящихся к 1926 г., среди знакомых упоминались видные государственные чиновники польского государства. Все это дало основания для подозрений.

Ягода в письме к Сталину, проявившему интерес к этому делу, попытался заступиться за Маковского, отмечая, что в период его деятельности не произошло провалов, хотя и случались некоторые нарушения конспирации. Ягода направил свое письмо 3 февраля, а 7 февраля Сталину по этому же вопросу пишет записку Ежов. Проявляя политическую бдительность, он фактически плетет интригу против Ягоды, неоднократно повторяя: «тов. Ягода не сообщает» и пытаясь внушить Сталину, что Маковский имел связи с польской разведкой. Понимая полную бездоказательность своих утверждений, он заявляет о «нецелесообразности ведения следствия в Особом отделе Главного управления государственной безопасности, где работал Ю. Маковский и где у него есть друзья». Нужно отдать должное личному мужеству Ю. Маковского, который в течение полутора лет отрицал все выдвинутые против него обвинения.

Ежов, заместивший в сентябре 1936 г. Ягodu на посту наркома внутренних дел, резко усилил кампанию борьбы с польским шпионажем. В ноябре-декабре 1936 года были арестованы еще один бывший резидент советской разведки в Польше В. Илинич и бывший заместитель начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР И.И. Сосновский. В процессе следствия к ним применялись методы физического воздействия, и в результате оба сознались, что принадлежали к ПОВ и выполняли задания разведорганов Польши. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. и Сталин и Ежов, сообщая о разоблачении работников Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, оказавшихся якобы польскими шпионами, назвали Маковского и Илинича.

Позже сотрудники Коминтерна и НКВД под пытками назовут сотни других поляков — «соучастников шпионской деятельности».

11 августа 1937 г. появилось закрытое письмо ГУГБ НКВД СССР «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной и террористической деятельности польской разведки в СССР», подписанное Ежовым и разосланное народным комиссарам внутренних дел союзных республик, начальникам Управлений НКВД автономных республик, областей и краев. В нем говорилось:

«НКВД Союза вскрыта и ликвидируется крупнейшая и, судя по всем данным, основная диверсионно-шпионская сеть польской разведки в СССР, существовавшая в виде так называемой "Польской организации войсковой"» <...>.

Активная антисоветская работа организации велась по следующим основным направлениям:

1. Подготовка, совместно с левыми эсерами и бухаринцами, свержения советского правительства, срыва Брестского мира, провоцирование войны РСФСР с Германией и сколачивание вооруженных отрядов интервенции (1918 г.).

2. Широкая всесторонняя подрывная работа на Западном и Юго-Западном фронтах во время советско-польской войны, с прямой целью поражения Красной Армии и отрыва УССР и БССР.

3. Массовая фашистско-националистическая работа среди польского населения СССР в целях подготовки базы и местных кадров для диверсионно-шпионских и повстанческих действий.

4. Квалифицированная шпионская работа в области военной, экономической и политической жизни СССР при наличии крупнейшей стратегической агентуры и широкой средней и низовой шпионской сети.

5. Диверсионно-вредительская работа в основных отраслях оборонной промышленности, в текущем и мобилизационном планировании, на транспорте, в сельском хозяйстве; создание мощной диверсионной сети на военное время как из числа поляков, так и, в значительной степени, за счет различных не польских элементов.

6. Контактное и объединение диверсионно-шпионских и иных активных

антисоветских действий с троцкистским центром и его периферией, с организацией правых предателей, с белорусскими и украинскими националистами на основе совместной подготовки свержения советской власти и расчленения СССР.

7. Прямой контакт и соглашение с руководителем военно-фашистского заговора предателем Тухачевским в целях срыва подготовки Красной Армии к войне и для открытия нашего фронта полякам во время войны.

8. Глубокое внедрение участников организации в компартию Польши, полный захват в свои руки руководящих органов партии и польской секции ИККИ, провокаторская работа по разложению и деморализации партии, срыв единого и народного фронта в Польше, использование партийных каналов для внедрения шпионов и диверсантов в СССР, работа, направленная к превращению компартии в придаток пилсудчины, с целью использования ее влияния для антисоветских действий во время военного нападения Польши на СССР

9. Полный захват и парализация всей нашей разведывательной работы против Польши и систематическое использование проникновения членов организации в ВЧК-ОГПУ-НКВД и Разведупр РККА для активной антисоветской работы.

Основной причиной безнаказанной антисоветской деятельности организации в течение почти 20-ти лет является то обстоятельство, что почти с самого момента возникновения на важнейших участках противопольской работы сидели проникшие в ВЧК крупные польские шпионы — Уншлихт, Мессинг, Пиляр, Медведь, Ольский, Сосновский, Маковский, Логановский, Баранский и ряд других, целиком захвативших в свои руки всю противопольскую разведывательную и контрразведывательную работу ВЧК-ОГПУ-НКВД <...>

Вредительство в советской разведывательной и контрразведывательной работе.

После окончания советско-польской войны основной кадр организации возвращается в Москву и, используя пребывание Уншлихта на должностях зампреда ВЧК-ОГПУ, а затем зампреда РВС, разворачивает работу по захвату под свое влияние решающих участков деятельности ВЧК-ОГПУ (Пиляр — нач. КРО ВЧК, Сосновский и его группа в КРО ВЧК, Медведь — председатель МЧК, позднее сменил Мессинга на посту ПП ОГПУ в ЛВО, Логановский, Баранский и ряд других в системе ИНО-ВЧК-ОГПУ-НКВД) и Разведупра РККА (Бортновский и др.)

Работа организации в системе ВЧК-ОГПУ-НКВД и Разведупра РККА в течение всех лет направлялась в основном по следующим линиям:

1. Полная парализация нашей контрразведывательной работы против Польши, обеспечение безнаказанной успешной работы польской разведки в СССР, облегчение проникновения и легализации польской агентуры на территорию СССР и различные участки народно-хозяйственной жизни страны.

Пиляр, Ольский, Сосновский и другие в Москве, Белоруссии, а Мессинг, Медведь, Янишевский, Сендзиковский и другие в Ленинграде — систематически срывали мероприятия наших органов против польской разведки, сохраняли от разгрома местные организации «ПОВ», предупреждая группы и отдельных членов «ПОВ» об имеющихся материалах, готовящихся операциях, консервировали и уничтожали поступающие от честных агентов сведения о деятельности «ПОВ», заполняли агентурно-осведомительную сеть двойниками, работавшими на поляков, не допускали арестов, прекращали дела.

2. Захват и парализация всей разведывательной работы НКВД и Разведупра РККА против Польши, широкое и планомерное дезинформирование нас и использование нашего разведывательного аппарата за границей для снабжения польской разведки нужными ей сведениями о других странах и для антисоветских действий на международной арене.

Так, член «ПОВ» Сташевский, назначенный Уншлихтом на закордонную работу, использовал свое пребывание в Берлине в 1923 г. для поддержки Брандлера в целях срыва и разгрома пролетарского восстания в Германии, действуя при этом по прямым директивам Уншлихта.

Член «ПОВ» Жбиковский, направленный Бронковским на закордонную работу

Разведупра РККА, вел провокационную работу в целях осложнения взаимоотношений СССР с Англией.

По директивам Уншлихта члены организации Логановский и Баранский использовали свое пребывание по линии ИНО в Варшаве в период отстранения Пилсудского от власти для организации под прикрытием имени ОГПУ диверсионных пилсудчиковских организаций, действовавших против тогдашнего правительства эндеков в Польше, и готовили от имени резидентуры ИНО провокационное покушение на французского маршала ФОША во время его приезда в Польшу, в целях срыва установления нормальных дипломатических отношений между Францией и СССР.

3. Использование положения членов «ПОВ» в ВЧК-ОГПУ-НКВД для глубокой антисоветской работы и вербовки шпионов.

Эмиссар Пилсудского и резидент 2-го отдела ПГШ (разведывательного отдела польского Генштаба) И.Сосновский широко использовал свое положение в органах для установления контакта с различными, преимущественно националистическими антисоветскими элементами и возглавил их подрывную деятельность в Закавказье, Средней Азии и других местах.

Однако едва ли не самый большой вред нанесла нам теория и практика пассивности в контрразведывательной работе, упорно и систематически проводившаяся польскими шпионами, проникшими в ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Пользуясь захватом в свои руки руководящих постов в нашем контрразведывательном аппарате, польские шпионы сводили всю работу к узко-оборонительным мероприятиям на нашей территории, не допускали работы по проникновению нашей разведывательной агентуры в центры иностранных разведок и других активно-наступательных контрразведывательных действий.

Срывая и не допуская основного метода контрразведывательной работы, заключающегося в перенесении нашей борьбы против иностранных разведок на их собственную территорию, польские шпионы в наших органах достигли такого положения, при котором советская контрразведка из органа, которому пролетарским государством поручена борьба против иностранных разведок и их деятельности в целом, была на ряд прошедших лет превращена в беспомощный аппарат, гонящийся за отдельными мелкими шпионами.

В тех же случаях, когда попытки контрразведывательного выхода за кордон делались, они использовались польской разведкой либо для внедрения своей крупной агентуры в СССР (дело Савинкова), либо для установления контакта с деятельностью антисоветских элементов и их активизации (дело Москвича-Боярова, проф. Исиченко и др.) <...>

30 мая 1937 г. Ольский был арестован. Следствием руководил начальник отделения 3-го отдела (КРО) ГУГБ НКВД Зельман Пассов ранее служивший под начальством Яна Каликстовича. От Ольского избиениями вымогали признания в шпионской работе на польскую разведку вместе с другими чекистами-поляками или уроженцами Польши (сообщниками Ольского были объявлены старейшие чекисты-поляки Бронислав Бортновский, Станислав Пинталь, Станислав Глинский, польские евреи Иосиф Уншлихт, Станислав Мессинг, потомок польско-немецкого баронского рода Роман (Ромуальд) Пилляр, белорус Филипп Медведь и многие другие).

27 ноября 1937 г. Военной коллегией под председательством бывшего помощника начальника КРО ГПУ Василия Ульриха Ольский был приговорен к расстрелу, в тот же день приговор привели в исполнение. Посмертно реабилитирован в 1955 году.

После отставки Ольского 6 августа 1931 г. начальником Особого отдела был назначен член Коллегии ОГПУ, бывший начальник Экономического управления ОГПУ Г. Е. Прокофьев, вскоре ушедший из органов в связи с назначением заместителем наркома РКИ СССР. 17 ноября 1931 г. начальником ОО был утвержден бывший начальник СОУ ГПУ Украины, выдвигенец нового зампреда ОГПУ В.А. Балицкого, И.М. Леплевский. Постановлением ЦИК СССР от 17 сентября 1931 г. особые отделы выводились из-под

контроля Реввоенсовета.

Прежние руководители контрразведки были в основном переведены в провинциальные органы ОГПУ — в Среднюю Азию (Залин), Свердловск (Стырне), Крым (Дьяков). Первым помощником начальника ОО и начальником 1-го отделения был назначен А.М.Шанин, близкий к Ягоде, ранее работавший в Административно-организационно управлении ОГПУ. 2-е отделение возглавил переведенный из Воронежа И.И. Сосновский. Николаев-Журид сохранил свой пост помощника начальника Особого отдела и начальника 3-го отделения.

1 июня 1933 г. на пост начальника ОО был назначен М.И. Гай, ранее находившийся на политработе в войсках ВЧК-ГПУ (в частности, был военкомом дивизии особого назначения имени Дзержинского при Коллегии ОГПУ) и в Экономическом управлении ОГПУ, с декабря 1932 г. работавший заместителем начальника ОО ОГПУ. По своей прежней работе он меньше, чем его предшественники, имел отношение к вопросам контрразведки, но был близок к Г.Г. Ягоде и зампреду ОГПУ Г.Е. Прокофьеву. Заместителями начальника ОО были И.И. Сосновский (1934–1935 гг.), бывший начальник КРО ГПУ УССР Н.И. Добродицкий (до 1936 г.), бывший разведчик М.С. Горб (1934–1937 гг.).

В этот период Особым отделом ОГПУ (в том числе вместе с ИНО) были проведены операции «Заморское» (полномочным представительством ОГПУ по Север-Кавказскому краю против РОВС и румынской разведки), «М-8» — против РОВС в Париже, «Маки-Мираж» — против японской разведки на Сахалине, в ходе которой было арестовано 19 японских агентов, «Консул» — против английской и румынской разведок и резидентуры РОВС в Румынии и другие. Как правило, использовался метод создания легендированных организаций.

В те же годы ОГПУ с помощью перевербованных агентов польской разведки разоблачило польских и чехословацких агентов в Киеве, Москве и Ленинграде. В Туркмении в 1932 г. сотрудники ОО раскрыли две резидентуры английской разведки. Применяемое в этих и других операциях легендирование антисоветских организаций на территории СССР со временем стало терять эффективность, поэтому руководство ОГПУ приняло решение о сужении масштабов оперативных игр и ограничило право местных органов на их проведение.

В 1934 г. после ликвидации ОГПУ и образования НКВД Особый отдел вошел в состав Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. Начальником его остался М.И. Гай (с введением персональных воинских званий в ноябре 1935 г. — комиссар госбезопасности 2 ранга).

КРО НКВД (1936–1941)

28 ноября 1936 г., спустя два месяца после смещения Г.Г. Ягоды с поста, в ходе проведенной новым наркомом руководителя органов госбезопасности Н.И. Ежовым реорганизации НКВД, из Особого отдела был выделен Контрразведывательный отдел ГУГБ (25 декабря того же года отделам были присвоены номера; отдел контрразведки до февраля 1941 г. именовался 3-м отделом). М.И. Гай, называвший себя и своих коллег «жандармами социализма», был переведен начальником управления НКВД в Иркутск; контрразведку возглавил бывший начальник Экономического отдела ГУГБ комиссар госбезопасности 2 ранга Л.Г. Миронов. Период его руководства был непродолжителен. В апреле-мае 1937 г. Миронов возглавлял специальную группу НКВД в Сибири и на Дальнем Востоке, направленную для «выявления и разгрома шпионско-вредительских троцкистских и иных групп на железных дорогах... и в армии»; 14 июня того же года был арестован (сыграла роль его прежняя близость к Прокофьеву и Ягоде).

Новым начальником 3 отдела стал (по совместительству) заместитель наркома внутренних дел комиссар госбезопасности 3-го ранга В.М. Курский, в 20-х гг. руководивший контрразведкой в полномочном представительстве ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, один из руководителей операции «Заморское», а с декабря 1936 г. по июнь 1937 г. являвшийся

руководителем 4-го (секретно-политического) и 1-го (охрана руководителей партии и правительства) отделов ГУГБ НКВД. В КРО он проработал меньше месяца. 8 июля, через шесть дней после награждения орденом Ленина, В.М. Курский застрелился. 3-й отдел возглавил (в качестве временно исполняющего должность) комиссар *госбезопасности* 3-го ранга А.М. Минаев-Цикановский (его фамилия также писалась Циконовский, Цекановский, Цехановский), бывший эсер, отбывший 8 лет царской каторги, работавший в ЧК с 1918 г. — на Украине, Северном Кавказе, в Москве, Средней Азии, на Урале и в Сталинграде, заместитель начальника 3-го отдела с апреля 1937 г. *Этот работник стал* одним из ближайших помощников Ежова в проведении репрессий. В 1937–1938 гг. контрразведка, как и другие подразделения НКВД, понесла тяжелые потери. Одним из первых был арестован в конце 1935 г. Ю.И. Маковский, к тому времени начальник Особого отдела управления НКВД по Омской области. Погибли бывшие руководители советской контрразведки А.Х. Артузов, Я.К. Ольский, Г.Е. Прокофьев, М.И. Гай, И.М. Леплевский, Л.Г. Миронов, их заместители — Р.А. Пилляр, Э.П. Салынь, С.В. Пузицкий, И.И. Сосновский, Н.И. Добродицкий, М.С. Горб, С.М. Деноткин, С.Г. Волынский, В.С. Валик, начальники отделений и оперуполномоченные в Центре и на местах (многие из них сами участвовали в незаконных репрессиях). КРО, в частности, вел дела сотрудников Коминтерна, Коминтерна молодежи (КИМ), Красного интернационала профсоюзов (Профинтерн), МОПР и других международных организаций, иностранных коммунистов, политэмигрантов.

В то же время продолжалась борьба со шпионажем, хотя ее эффективность была снижена участием КРО в политических репрессиях. Контрразведка НКВД в 1936–1938 гг. наибольших результатов добилась в пресечении деятельности германской разведки и ее резидентов в Белоруссии, Москве и Ленинграде, легально работавших в СССР в качестве немецких специалистов. В Средней Азии, Донбассе, Днепропетровской области УССР и Приморье резидентурами, как было установлено контрразведчиками, руководили германские консулы.

На Дальнем Востоке контрразведчики пресекали попытки японских спецслужб перебросить через советскую границу агентов, завербованных из числа эмигрантов и осевших в Маньчжурии («Братство русской правды» и «Национальный союз нового поколения»). Сотрудники японского посольства в Москве и консульств в Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке и других городах предпринимали попытки организации разведывательной сети, которые были пресечены в 1935–1937 гг. в ходе проведенных контрразведкой операций. После принятого 10 октября 1937 г. с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) оперативного приказа НКВД, согласно которому сотрудникам КРО предлагалось «немедленно арестовывать всех советских граждан, связанных с личным составом диппредставительств и посещающих их служебные и домашние помещения» и требовалось обеспечить «беспрерывное наблюдение» за всеми сотрудниками посольств Германии, Японии, Италии, Польши, в СССР было закрыто большое количество консульств этих стран.

В ходе очередной реорганизации НКВД 3-й отдел 28 марта 1938 г. вошел в состав 1-го управления НКВД (управления госбезопасности), а его новым начальником, вместо перешедшего на работу в 6-й отдел Минаева-Цикановского (за год своего руководства контрразведкой он так и не был утвержден в должности начальника, оставшись «и.о.»), стал комиссар госбезопасности 3-го ранга Н.Г. Николаев-Журид, ранее уже работавший в КРО-ОО, непосредственно перед назначением возглавлявший военную контрразведку. По совместительству Н.Г. Николаев-Журид являлся заместителем начальника 1-го управления НКВД — 1-го заместителя наркома комкора М.П.Фриновского.

Заместителем Николаева-Журида был его сослуживец по Ростову-на-Дону майор госбезопасности М.А. Листенгурт. 29 сентября того же года, после восстановления ГУГБ, Н.Г. Николаев-Журид остался начальником 3-го отдела, перестав при этом быть заместителем начальника ликвидированного 1-го управления.

Заместителем начальника ГУГБ стал приехавший из Грузии, вместе с новым 1-м зам. наркома и начальником ГУГБ Л.П. Берия, бывший завотделом ЦК КП(б) Грузии В.Н.

Меркулов. Через месяц, 25 октября 1938 г., Меркулов сменил арестованного в тот же день Николаева-Журида (был арестован и Листенгурт) на посту руководителя контрразведки. Но он также недолго проработал на этом посту. 17 декабря Меркулов был назначен 1-м заместителем нового наркома Л.П.Берия — начальником ГУГБ. Начальником 3-го отдела стал также выходец из Тбилиси комиссар госбезопасности 3-го ранга В.Г. Деканозов, за две недели до этого возглавивший 5-й (иностраный) отдел ГУГБ. 17 же декабря Деканозов стал по совместительству заместителем начальника ГУГБ, оставаясь при этом руководителем разведки. Такое совмещение постов было единственным случаем в истории советских органов госбезопасности.

В марте 1939 г. Деканозов на XVIII съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК; 13 мая 1939 г. покинул НКВД, перейдя на дипломатическую работу — заместителем нового наркома иностранных дел В.М. Молотова (сменившего М.М. Литвинова).

Начальником 3-го отдела 25 июня того же года стал майор госбезопасности Т.Н. Корниенко, выходец из рабочих, после окончания аспирантуры Института востоковедения имени Н. Нариманова работавший в Особом Контрразведывательном отделе ОГПУ-ГУГБ НКВД, где прошел путь от помощника оперуполномоченного до заместителя начальника отдела. В период его руководства отделом (на декабрь 1939 г.) структура советской контрразведки выглядела следующим образом:

- 1-е отделение (Германия, Венгрия);
- 2-е отделение (Япония, Китай);
- 3-е отделение (Англия);
- 4-е отделение (Франция, Италия, Бельгия, Швейцария, Испания);
- 5-е отделение (Румыния, Греция, Болгария, Югославия);
- 6-е отделение (работа по оккупированной Польше);
- 7-е отделение (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания);
- 8-е отделение (САСШ и страны Южной Америки);
- 9-е отделение (Турция, Иран, Афганистан);
- 10-е отделение (белогвардейские контрреволюционные элементы);
- 11-е отделение (Латвия, Эстония, Литва);
- 12-е отделение (НКВД, полпредства и консульства);
- 13-е отделение (ИККИ, МОПР);
- 14-е отделение (НКВД, торгпредства);
- 15-е отделение (Интурист и ВОКС, частично охрана дипкорпуса ОДК): политотдел ОДК;
- 16-е, 17-е, 18-е отделения ОДК.

Как видим, структура контрразведки усложнилась по сравнению с предыдущим периодом. Во многом это было связано с начавшейся Второй мировой войной.

Главным противником советской контрразведки были спецслужбы нацистской Германии, которые после подписания в августе 1939 г. советско-германского пакта о ненападении усилили работу против СССР с легальных позиций. Немецкие разведчики вели ее под прикрытием различных комиссий по переселению немцев в Германию с территорий, отошедших к СССР, торговых делегаций. Так, в январе 1940 г. среди членов германской торговой делегации был выявлен с помощью советской военной разведки сотрудник немецкой разведки. КРО УНКВД Ленинградской области были зафиксированы факты систематической посадки на мель вблизи Кронштадтской военно-морской базы германских торговых судов. Работа по противодействию немецкой разведке в 1939–1940 гг. велась в основном в Западной Украине, Западной Белоруссии, республиках Прибалтики, вошедших в состав СССР. В этих регионах число арестованных органами госбезопасности иностранных агентов возросло с 40 до 62 % от их общего количества, хотя там проживало немногим более 10 % населения СССР.

Руководство НКГБ принимало меры по улучшению агентурно-осведомительной службы. Приказами по ведомству предписывалось, чтобы оперативный сотрудник руководил

работой только резидента, который осуществлял связь с прикрепленными к нему осведомителями; агенты, т. е. секретные сотрудники, участвовавшие в оперативных разработках, должны были находиться на личной связи только с оперативным сотрудником. В оставшиеся до начала войны месяцы НКГБ не удалось действенно перестроить агентурно-осведомительную сеть, годами осуществлявшую тотальное наблюдение за огромным количеством рядовых граждан. Но контрразведывательный режим в стране был все же усилен: более эффективно, используя секретное фотографирование, стала работать наружная разведка, улучшилась деятельность радиоконтрразведывательной службы, широко использовалась специальная техника (прослушивание), повысились требования к работе службы политконтроля и оперативного учета.

Велось наблюдение за посольствами, в первую очередь Германии и ее сателлитов. Этим занималось 1-е отделение 3-го отдела во главе с капитаном госбезопасности (соответствовало званию полковника в РККА) В.С. Рясным. Чекисты установили подслушивающее устройство в кабинете немецкого военного атташе в Москве генерала Э. Кестринга. Одним из сотрудников, занимавшихся оперобслуживанием немецкого посольства, был Н.И. Кузнецов, впоследствии знаменитый разведчик, действующий на временно оккупированной фашистами территории СССР.

В 1940 г. и первой половине 1941 г. органы госбезопасности раскрыли 66 резидентур и арестовали свыше 1,5 тыс. агентов немецкой разведки, в 1939–1941 гг. в приграничных районах Дальнего Востока — свыше 2,5 тыс. агентов японской разведки.

П.В. ФЕДОТОВ И 2-е УПРАВЛЕНИЕ НКВД-НКГБ (1941–1946)

Перед войной в ходе реорганизации НКВД и образования Наркомата госбезопасности контрразведка вошла в состав последнего в качестве его 2-го управления. Начальником был утвержден комиссар госбезопасности 3 ранга П.В. Федотов, возглавлявший 3-й отдел ГУГБ с сентября 1940 года.

Руководитель советской контрразведки в годы войны Петр Васильевич Федотов был личностью неоднозначной. Своим видом он напоминал профессора или врача, но на самом деле был одним из опытнейших руководителей органов госбезопасности.

Он родился 18 декабря 1901 г. (по другим данным, в 1900-м) в Санкт-Петербурге. Его отец Василий Федотович был родом из крестьян (с. Старое Рахино Старорусского уезда Новгородской губернии), много лет работал кондуктором и вагоновожатым питерской конки, а незадолго до своей кончины, в 1905 г. устроился вахтером в Министерство просвещения. Мать Пелагея Ивановна, происходила из новгородских крестьян, всю жизнь занималась хозяйством и воспитывала четверых детей: трех дочерей и сына. Погибла блокадной зимой 1942 года.

До пятнадцатилетнего возраста Петр жил на иждивении своих старших сестер — портних-надомниц Александры и Анны, успев с 1908 г. проучиться в 3-классном начальном училище и с 1911 г. — в 4-классном городском училище им. Д.И. Менделеева в Петрограде. С августа 1915 г. по февраль 1919 г. трудился раскладчиком-упаковщиком газет экспедиции петроградского почтамта. Работая там, в октябре 1917 г. записался в ячейку сочувствующих партии большевиков. Одновременно подрабатывал киномехаником в частных кинотеатрах «Марс» и «Волшебные грезы».

В феврале 1919 г. Федотов добровольно вступил в ряды Красной Армии рядовым бойцом 1-й Отдельной коммунистической Петроградской бригады, в рядах которой сражался на Восточном и Южном фронтах. В боях под Купянском и Валуйками был контужен и ранен. На фронте Федотова приняли в партию и в июле 1919 г. направили на политкурсы при политотделе Южного фронта. Будучи слушателем курсов принимал участие в боевых действиях против частей генерала Мамонтова, в сентябре 1919 г. направлен в 1-й Революционной дисциплины полк 8-й армии на должность политрука роты. В составе этого полка П.В. Федотов оказался на Северном Кавказе, где участвовал в боях с остатками

белогвардейских частей в казачьих станицах, а также в Чечне и Дагестане, где был контужен. В конце 1920 года полк понес большие потери и был расформирован, а Федотов переведен на работу в Особый отдел 8-й армии в качестве цензора-контролера, затем служил начальником цензуры ОО Кавказской трудовой армии.

С января 1921 г. ответственный контролер цензуры, с февраля 1922 г. — начальник осведомительского отделения, а затем — Информационного отдела Грозненской ЧК. С 1922 г. — уполномоченный, с сентября 1923 г. — начальник КРО, с декабря того же года — заместитель начальника КРО-Восточного отдела Чеченского облотдела ГПУ. В Грозном Федотов работал под руководством Якова Дейча и Вениамина Абрамова, хорошо известных в чекистской среде. В 1922 г. «за усердную работу и постановку осведомительного аппарата в округе, особенно на промыслах, премирован кожаным костюмом».

В 1923–1924 гг. Федотов руководил крупной операцией по разоружению Ачхой-Мартановского района Чечни и ликвидации банды Мазы Шадаева. Принимал в разработке и ликвидации крупных вооруженных формирований (до 10 тысяч человек) шейха Али Митаева. Тогда же в первой служебной аттестации, его непосредственный начальник написал на Петра Федотова следующий отзыв:

«Как хорошо знающий все специфичности восточной работы в занимаемой должности незаменим. Отличный восточник в части работы чисто аналитической, знает и оперативную отрасль. Крайне усидчив, трудолюбив и дисциплинирован, хороший товарищ, нерешителен. Инициативу имеет, но недостаточно энергичен».

С марта 1924 г. Федотов — уполномоченный по систематизации материалов Военного отдела, с 14 января 1925 г. — помощник начальника КРО, а с декабря 1926-го — уполномоченный ОО Чеченского облотдела ГПУ. В этом качестве Федотов принимал непосредственное участие в «разоружении Чечни и Дагестана». Проведя основательную подготовительную работу, Федотов, в ходе ряда операций, будучи заместителем начальника опергруппы по району, руководил информационной и агентурной службами, степень организации которых по своим результатам получила высокую оценку командования. Это позволило верно ориентироваться в обстановке в период операции, обеспечив их успех. Под руководством Федотова, путем создания оперативных позиций среди местного населения, удалось без войсковой операции ликвидировать вооруженные формирования шейхов Ильясова, Ахаева и Аксалтинского.

С февраля 1927 г. Федотов служил в аппарате ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю: с 1 февраля 1927 г. — уполномоченный КРО-ВО, с ноября того же года — вр. и. д. начальника 3-го отделения КРО, с октября 1930 г. — начальник 6-го отделения ИНФО, с января 1931 г. — сотрудник для особых поручений. В аттестации на Федотова этого периода говорится:

«Весьма добросовестный, честный и преданный работник. Свою работу знает хорошо, проявляет в ней большую инициативу. В выполнении заданий медлителен, что окупается чрезвычайной тщательностью работы и продуманностью подхода к ней».

Впоследствии эти качества отмечали в Федотове его сослуживцы. Сотрудник разведки, полковник Зоя Ивановна Рыбкина-Воскресенская написала на папке (в которой она хранила материалы для доклада Федотову) цитату из «Гамлета»: «Так погибают замыслы с размахом, вначале обещавшие успех от долгих отлагательств».

С ноября 1931 года Федотов возглавлял 2-е, 3-е отделения СПО ПП ОГПУ СКК. В январе 1934 г. после разделения Северо-Кавказского края на Азово-Черноморский (с центром в Ростове-на-Дону) и Северо-Кавказский (Пятигорск, с 1935 г. — Ворошиловск, ныне Ставрополь) края Федотов назначается начальником 2-го отделения СПО ПП ОГПУ СКК. После преобразования ОГПУ в НКВД в июле 1934 г. П.В. Федотов стал начальником

5-го отделения, с февраля 1936 г., по совместительству — помощником начальника СПО-4-го Отдела УГБ УНКВД Северо-Кавказского края. С февраля 1937 года он — начальник 5-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Орджоникидзевского края (так был переименован Северо-Кавказский край после смерти наркома тяжелой промышленности СССР). В январе 1936 года Федотову присвоено спецзвание старшего лейтенанта ГБ. В 1934 г. был награжден знаком «Почетного работника ВЧК-ГПУ».

Занимая должности в органах госбезопасности, Федотов большую часть своей службы на Кавказе был вне рядов партии. Но так было не все время. В партию большевиков он вступил еще в Петрограде в октябре 1918 г., но в марте 1922 г. «выбыл автоматически», о чем затем писал в автобиографии: «...вследствие политической незрелости и нерадивого отношения к партийным обязанностям и поручениям, пренебрегая советами старших товарищей учиться и активно участвовать в жизни парторганизации, я отошел от партии и механически выбыл из ее рядов, что с наступлением более зрелого возраста всегда решительно осуждал».

В то время это было распространенным явлением, так же как исключение из партии за «пассивность». Вновь в ВКП (б) Федотов вступил кандидатом в феврале 1932 г., партбилет получил уже в июле 1937 г. в Москве.

Проработав 16 лет на Северном Кавказе в Грозном, Ростове, Пятигорске и Ворошиловске под руководством известных чекистов — полпредов Е.Г. Евдокимова, Р.А. Пилляра, И.Я. Дагина, их заместителей — В.М. Курского, Г.Ф. Горбача, М.Г. Раева и других, Федотов становится частью «северо-кавказского клана», представители которого в 1936–1938 гг. при Ежове заняли большинство командных постов в центральном аппарате и местных органах НКВД. В отличие от других, Федотов был менее заметен и более осторожен, что, по всей видимости, и спасло его в 1939–1940 гг., когда большая часть северокавказских чекистов погибла в следующей, уже бериевской, чистке.

В ноябре 1936 г. путем объединения аппаратов Секретаря НКВД (этот пост занимал ближайший помощник бывшего наркома Ягоды старший майор ГБ Павел Петрович Буланов) и Оперативного секретаря наркома (им был известный северокавказский чекист Яков Абрамович Дейч, с 1931 г. работавший в Москве) был создан Секретариат НКВД СССР. Его начальником был назначен Дейч. Федотов служил под руководством Дейча в Грозном. 25 апреля 1937 г. Федотов был направлен в распоряжение Отдела кадров НКВД СССР, и уже 10 мая назначен помощником начальника Секретариата НКВД СССР — того же Дейча.

Дейч в Москве на этот раз не задержался. 16 августа 1937 г. он был назначен начальником управления НКВД по Азово-Черноморскому краю (в сентябре того же года край был разделен на Ростовскую область и Краснодарский край). Федотов, награжденный 11 июля орденом Красной Звезды, согласно приказу НКВД СССР от 28 августа 1937 г. также должен был отправиться на работу в Ростов. По данным историка М.А. Тумшиса, установившего факт перевода Федотова в Москву в апреле 1937 г. и его работы в Секретариате НКВД (ранее считалось, что Федотов попал в центральный аппарат только в ноябре 1937-го), вскоре «приказ был отменен. Федотов остался на работе в центральном аппарате НКВД. Это событие, вероятно, спасло ему жизнь. В марте 1938 г. Дейч был арестован и после продолжительных допросов «с пристрастием» умер в сентябре 1938 г. в одной из московских тюрем. Вполне возможно, что после ареста Дейча в тюремной камере мог оказаться и Федотов».

Любопытно, что Дейч (имевший прямое отношение к гибели Артузова и других чекистов) погиб еще в период «господства» в НКВД северокавказцев. Руководивший во второй половине 1937 — начале 1938 гг. контрразведкой в центральном аппарате НКВД СССР А.М. Минаев-Цикановский в своих показаниях на следствии уже после ареста в ноябре 1938 г. сообщил: «После ухода Дейча, заслонявшего собой обоих заместителей Ежова — Фриновского и Вельского, последние стали себя чувствовать увереннее». Также Дейч был одним из крайне немногочисленных руководителей местных управлений НКВД, не получившим в 1937 г. никаких наград (и к 20-летию ВЧК-НКВД в декабре, когда ордена

получили почти все) и не избранным депутатом Верховного Совета СССР в том же декабре (из подчинявшихся непосредственно Центру можно назвать наркомов внутренних дел Карелии — вскоре арестованного Карла Тениссона, и Удмуртии — Дмитрия Шленова, а также назначенного в ноябре 1937 г. начальником УНКВД Курской области Алексея Боечина). Видимо, Дейч успел испортить отношения с бывшим сослуживцем Михаилом Фриновским (с апреля 1937 г. — 1-й заместитель Ежова и начальник Главного управления госбезопасности НКВД).

По данным историка В.Ю. Воронова, Федотов все-таки с августа 1937 г. работал в УНКВД по Азово-Черноморскому краю//Ростовской области, а в ноябре 1937 г. был переведен в центральный аппарат НКВД СССР. 10 ноября Федотов (за 5 дней до этого произведенный в капитаны ГБ) был назначен начальником 7-го (восточного) отделения 4-го отдела ГУГБ (с 28 марта 1938 г. — 1-го УГБ) НКВД СССР. С 1 августа 1938 г. он уже стал помощником начальника 4-го отдела 1-го УГБ НКВД СССР, с 29 сентября 1938 г. — помощником начальника, а с 1 ноября 1938 г. заместителем начальника 2-го отдела ГУГБ НКВД. Одновременно с 8 октября по 22 декабря 1938 г. он был начальником следственной части 2-го отдела ГУГБ НКВД.

В период репрессий 1936–1938 гг. сотрудники СПО (с декабря 1936 г. — 4-го отдела ГУГБ) и их подразделений на местах играли важнейшую роль в арестах и следствии. СПО был центральным подразделением НКВД при подготовке «Московских процессов» 1936–1938 гг. (Зиновьева-Каменева, Пятакова-Радека, Бухарина-Рыкова). Для этого периода характерна частая сменяемость руководящего состава идеологической контрразведки, большая часть которого погибла. В 1936–1938 гг. сменилось 5 начальников СПО — 4-го отдела НКВД СССР. Были арестованы и расстреляны комиссар госбезопасности 1 ранга Я.С. Агранов (начальник 4-го отдела ГУГБ, зам. наркома НКВД), старший майор ГБ В.Е. Цесарский (начальник 4-го отдела ГУГБ в марте-мае 1938 г.), майор ГБ А.С. Журбенко (начальник 4-го отдела ГУГБ в мае-сентябре 1938 г.), заместители начальника отдела старший майор (затем комиссар ГБ 3 ранга) Б. Д. Берман, старший майор ГБ С.Г. Гендин, майор ГБ З.Н. Глебов-Юфа; застрелились комиссары ГБ 3 ранга В.М. Курский (начальник 4-го отдела ГУГБ в ноябре 1936 — апреле 1937 гг.), М.И. Литвин (начальник 4-го отдела ГУГБ в мае 1937 — январе 1938 гг.), зам. начальника отдела В.А. Каруцкий; погибло большинство других руководящих работников СО-СПО 20-х-30-х гг.

Работая все время в одном отделе, менявшем нумерацию, но все время занимавшимся борьбой с внутренней оппозицией, реальной и вымышленной, Федотов сумел не только не попасть под арест с неизбежным расстрелом, как почти все руководители СПО, но и удержаться в системе с последующим повышением.

Это удивительно еще и потому, что он участвовал в операциях, по завершении которых было нежелательно оставлять свидетелей. В качестве начальника восточного отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД он ездил в сентябре 1937 г. в составе бригады ЦК ВКП(б) и Наркомвнудела СССР в Армению под руководством члена Политбюро, заместителя председателя СНК СССР А.И. Микояна, заведующего ОРПО ЦК ГМ. Маленкова и начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР старшего майора ГБ М.И. Литвина (в декабре 1937 г. избранного депутатом Верховного Совета от Армении).

Как через 20 лет сформулировали сотрудники Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, Федотов и другие чекисты «активно участвовали в фальсифицировании обвинений на многих партийных и советских работников Армении, применяли к арестованным меры физического и морального воздействия». В результате погибли 1-й секретарь ЦК Армении Амаяк Амагуни, многие другие руководители республики, бывший председатель СНК Саак Тер-Габриэлян (в прошлом чекист, председатель ЧК Бакинской коммуны в 1918 г., заведующий Специальным (экономическим) отделом ВЧК в 1919 г.) во время допроса выбросился из окна (или был убит следователями); это происшествие вызвало подозрения Сталина.

В 1937–1938 гг. Федотов также вел следствие по делам бывшего полпреда СССР в

Норвегии и Венгрии Александра Бекзадяна, бывшего первого секретаря ЦК КП(б) Киргизии Максима Аммосова и других крупных руководителей, расстрелянных и через 20 лет реабилитированных, что сыграло роль в последующей судьбе Петра Васильевича.

При новом наркоме Л.П. Берия (с сентября 1938 г.) сменяемость руководства 2-го отдела ГУГБ также была частой, но уже не сопровождалась репрессиями. Должность начальника отдела занимали старший майор ГБ (затем комиссар ГБ 3 ранга) Богдан Захарович Кобулов (сентябрь 1938 — июль 1939) и старший майор ГБ Иван Александрович Серов (июль-сентябрь 1939). После отъезда Серова на Украину 4 сентября 1939 г. отдел возглавил майор ГБ П.В. Федотов, в апреле этого года награжденный орденом Красного Знамени.

На декабрь 1939 г. структура 2-го (секретно-политического) отдела ГУГБ НКВД СССР включала в себя 12 отделений:

1-е — разработка троцкистов, зиновьевцев, правых оппозиционеров, мясниковцев, шляпниковцев, исключенных из ВКП(б), закордонная работа (начальник — капитан ГБ Яков Наумович Матусов;

2-е — разработка бывших меньшевиков, анархистов, эсеров, бундовцев, клерикалов, провокаторов, жандармов, контрразведчиков, карателей, белоказаков, монархистов;

3-е — борьба с украинской, белорусской, карело-финской националистической оппозицией;

4-е — агентурная разработка антисоветских партий дашнаков, тюркско-татарских националистов, грузинских меньшевиков, муссаватистов;

5-е — разработка литераторов, работников печати, издательств, театров, кино, деятелей культуры и искусства;

6-е — разработка и обслуживание Академии наук, научно-исследовательских институтов, научных обществ;

7-е — выявление и разработка антисоветских организаций учащейся молодежи, системы Наркомпроса, детей репрессированных;

8-е — обслуживание системы Наркомздрава и его учебных заведений;

9-е — обслуживание системы Наркомюста, Верховного суда, Прокуратуры, Наркомсобеса и их учебных заведений;

10-е — борьба с церковно-сектантской контрреволюцией;

11-е — обслуживание системы физкультурных организаций, добровольных обществ, клубов, спортивных издательств;

12-е — обслуживание Осоавиахима, милиции, пожарной охраны, военкоматов, начсостава запаса.

Федотов возглавлял СПО до февраля 1941 г., когда при образовании НКГБ Секретно-политический отдел упраздненного ГУГБ НКВД СССР вошел в состав вновь созданного наркомата в качестве 3-го (секретно-политического) управления. Начальником управления был назначен комиссар ГБ 3 ранга Соломон Рафаилович Мильштейн, ранее возглавлявший Главное транспортное управление НКВД (уже 11 марта 1941 г. его сменил зам. начальника управления Николай Дмитриевич Горлинский).

Будучи хорошим специалистом, Федотов по совместительству с марта 1939 г. был председателем предметно-методической комиссии и лектором Высшей школы НКВД СССР по агентурно-оперативной работе.

В этот период он был награжден орденом «Знак Почета» (апрель 1940 г. вместе с группой чекистов «за выполнение заданий правительства по охране госбезопасности») и медалью «XX лет РККА» (1938 — первой из 6 медалей, полученных им за службу).

26 сентября 1940 г., оставаясь начальником 2-го отдела, комиссар ГБ 3 ранга (с марта 1940 г.) Федотов возглавил контрразведку — 3-й отдел ГУГБ НКВД СССР. С этого началось объединение контрразведки общей и секретно-политической, которое затем проводилось еще раз в 1943 году.

Федотов после реорганизации с 25 февраля 1941 г. становится начальником 2-го

Управления НКГБ СССР (КРУ), одновременно, с апреля того же года, входит в Центральную наградную комиссию НКГБ СССР.

Его заместителями были назначены Т.Н. Корниенко, Л.И. Новобратский, Л.Е. Влодзимирский, Н.Д. Горлинский, Т.М. Борщев. После объединения НКГБ и НКВД 31 июля 1941 г. контрразведка стала именоваться 2-м управлением НКВД. Начальником контрразведки в течение всей войны был П.В. Федотов, его первым заместителем — Леонид Федорович Райхман (в июле 1945 г. обоим было присвоено воинское звание «генерал-лейтенант»), В случае падения столицы Федотов должен был остаться на нелегальном положении в Москве и координировать работу всех 36 диверсионно-разведывательных групп, организованных чекистами для подпольной работы против фашистов. Эти группы насчитывали 243 человека, из них 78 — готовили для выполнения актов индивидуального террора и 32 — для диверсий.

Представление о задачах советской контрразведки во время войны дает структура 2-го управления НКВД СССР (май 1942 г., 227 сотрудников по штату):

руководство (начальник и его заместители);

секретариат;

оперативно-учетная группа.

1-й отдел (начальник П.П. Тимофеев) :

1-е отделение (очистка освобождаемых от немецко-фашистских захватчиков городов и районов от нацистской агентуры и организация собственной агентурной работы в этих районах), начальник М.В. Подольский (33);

2-е отделение (учет и разработка нацистских разведорганов и осуществление контрразведывательных комбинаций);

3-е отделение (выявление, разработка и ликвидация агентуры разведорганов противника в г. Москве);

4-е отделение (агентурно-оперативная работа в лагерях военнопленных и интернированных; наблюдение за разработками местных органов НКВД);

5-е отделение (учет и оперативный розыск агентуры противника, предателей и пособников немецко-фашистских оккупантов);

6-е отделение (следственное);

2-й отдел:

1-е отделение (японская линия);

2-е отделение (китайская и монгольская линии);

3-е отделение (следственное);

3-й отдел :

1-е отделение (английское);

2-е отделение (американское);

3-е отделение (Турция, Иран, Афганистан);

следственная группа;

4-й отдел :

1-е отделение (польское, чешское, югославское, греческое, шведское и норвежское посольства и миссии, колонии, военные миссии и атташат);

2-е отделение (организация работы по линии польских нелегальных организаций в генерал-губернаторстве, польская ссылка и лагеря, польские колонии);

3-е отделение (следственное);

4-е отделение (представительство свободной Франции и испанская эмиграция);

5-е отделение (работа по закордону);

5-й отдел (специальные мероприятия);

1-е отделение;

2-е отделение;

Группа наружного наблюдения и установки;

Группа по обслуживанию ИККИ;

6-й отдел (охрана дипломатического корпуса):

1 -е отделение (охрана дипломатических представительств — Англии, США, Японии и Швеции);

2-е отделение (охрана дипломатических представительств — Болгарии, Турции, Ирана, Афганистана, Китая, Югославии, Польши, Чехословакии, полпредств Монголии и Тувы; эпизодическая охрана иностранных правительственных делегаций и наружное наблюдение за посетителями иностранных посольств);

3-е отделение (наружное наблюдение за сотрудниками посольств Англии, Америки, Швеции, Польши и Чехословакии);

4-е отделение (наружное наблюдение за сотрудниками посольств Японии, Турции, Ирана, Китая, Югославии, Монголии, Тувы);

5-е отделение (хозяйственно-финансовое; автоколонна);

Аппарат офицеров связи при командовании польской армии (Г.С. Жуков).

Аппарат офицеров связи при командовании чешской бригады.

Во время битвы за Москву, когда существовала угроза захвата советской столицы немцами, Федотов готовился остаться в окулированном городе в качестве руководителя подполья (это известно из воспоминаний П.А. Судоплатова). Тогда же сотрудники КРО УНКВД по Московской области под руководством СМ. Федосеева выявляли и обезвреживали немецких парашютистов.

В период наступления Красной Армии перед контрразведкой были поставлены новые задачи. На освобожденных территориях немецкие спецслужбы оставляли агентов и диверсантов, которых необходимо было выявлять и обезвреживать; также выявлять и передавать в руки правосудия гражданских лиц, сотрудничавших с оккупационными властями. Специальным оперативным группам предварительно поступала информация о действовавших в этих районах немецких разведывательных и карательных органах. Группы вступали в освобождаемые районы вместе с передовыми частями армии и не давали возможности агентам и изменникам скрыться.

Действенным направлением военной контрразведывательной работы являлись радиоигры (например, «Находка»). Они позволяли внедрять агентов в немецкие разведорганы и выводить в советский тыл разведчиков противника, которые немедленно обезвреживались. Для дезинформации командования вермахта использовались захваченные контрразведкой немецкие агенты с рациями. Радиogramмы с дезинформацией, согласованной с советским военным командованием, передавались самими агентами под диктовку контрразведчиков или от имени агентов.

Об игре «Находка» расскажем подробнее. Эта оперативная радиоигра контрразведки УНКВД Московской области с абвером проходила в 1943 году. 10 февраля в Московское областное управление НКВД поступило сообщение о высадке в Волоколамском районе трех неизвестных парашютистов. Оперативная группа взяла под контроль близлежащие шоссе и проселочные дороги, задействовала истребительные отряды. В ходе поисковых мероприятий был задержан некто Григорьев, в форме младшего лейтенанта Красной Армии. При нем были обнаружены радиостанция и крупная сумма денег. Старший следователь П. Борисенков установил личность задержанного. Григорьев оказался бывшим советским военнослужащим, в августе 1941 г. попавшим в окружение и затем переправленным в Смоленский лагерь военнопленных. Абвер завербовал Григорьева и направил на обучение в свои школы — Борисовскую и Катынскую. В немецкой разведке прошедший курс спецподготовки агент-радиостанция значился «Гайдаровым». Ему была выдана форма младшего лейтенанта Красной Армии, фиктивные документы, рация и деньги для выполнения задания. Германскую разведку интересовали сведения о положении на транспортных путях Москва-Ржев. Григорьева и еще двух агентов сбросили на парашютах с целью получения этой информации.

Контрразведчики Московского областного УНКВД решили перевербовать прибывших курьеров для проведения оперативной игры с абвером. Руководили операцией «Находка»

начальник КРО УНКВД подполковник С. Федосеев, начальник УНКВД Московской области М. И. Журавлев. Григорьев согласился на сотрудничество, второго курьера контрразведчики решили не вербовать, взяв его под наблюдение. Поиски третьего агента оказались безрезультатными.

13 февраля в установленное время Григорьев вышел на связь с абвером и доложил о своем благополучном прибытии. Немецкая разведка подвергла сомнению факт деятельности агента не под контролем НКВД. Поэтому некоторая доля правдивой информации в сведениях, поступающих от Григорьева, была необходима.

Разработкой операции «Находка» на следующем этапе занялись начальник направления в Оперативном управлении Генштаба генерал С.М. Штеменко и заместитель Федотова комиссар ГБ Л.Ф. Райхман.

Помимо дезинформации противника перед советскими контрразведчиками стояла задача создания условий для дополнительного канала связи. Контакты второго агента с абвером не пресекались, но сведения, поступающие от него в немецкий разведцентр, тщательно обрабатывались сотрудниками «Смерш».

С 23 февраля была налажена регулярная связь с немецкой разведкой. От двух агентов поступала дезинформация о состоянии противовоздушной обороны, движении грузопотоков на железнодорожных и шоссейных направлениях, изменениях в военных гарнизонах. Особое значение противник придавал метеосводкам. 13 марта абвер наградил «своих» сотрудников, находящихся в Московской области, орденами «За храбрость» 2-го класса. Поздравительная шифрограмма поступила 26 марта. Но срок «действия» фиктивных документов Григорьева и его напарника истекал; способа, кроме как по радию, поддерживать связь с германской разведкой не было; продовольствие, выданное на время пребывания в СССР, заканчивалось. В абвер направлялись просьбы «агентов» решить эти вопросы. По рекомендации органов госбезопасности СССР было отклонено предложение о присылке немецкого самолета со всем необходимым. Вариант прибытия курьера к радистам рассматривался как наиболее приемлемый.

О начале нового этапа операции «Находка» руководство военной контрразведки доложило И.В. Сталину. Сталин счел немедленный захват прибывшего курьера абвера «Антонова» малооправданным риском. В целях безопасности Григорьев попросил «Антонова» лично направить в германский разведцентр радиограмму об успешном прибытии на место. Курьера арестовали на последнем пункте его следования через фронтную полосу.

Дальнейшим развитием радиоигры «Находка» занимался уже «Смерш». Результатом этой длившейся два года операции было не только продвижение направленной дезинформации в немецкие штабы, но и задержание семи агентов абвера.

В Вологодской области в 1943–1944 гг. проводилась радиоигра «Подрывники», в ходе которой было выведено на советскую территорию 22 агента германской разведки. Благодаря радиограммам было арестовано около 400 агентов и сотрудников немецких разведорганов. Всего же органы контрразведки за годы войны задержали более 30 тыс. немецких разведчиков, около 3,5 тыс. диверсантов и свыше 6 тыс. террористов, в том числе в 1941 г. — свыше 4 тыс., в 1942 г. — около 7 тыс., в 1943 г. — свыше 20 тыс.

Сотрудники контрразведки занимались также борьбой с бандеровцами на Украине и «лесными братьями» в Прибалтике, обеспечивали режим секретности на предприятиях оборонной промышленности.

Важную роль сыграли контрразведчики и в срыве планов немецкой разведки по организации покушения на «Большую тройку» — Сталина, Рузвельта и Черчилля во время их встреч в Тегеране и Ялте. За успешную работу П.В. Федотов (во время встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля в Ялте с 8 января 1945 г. был помощником начальника охраны объектов спецназначения в Крыму С.Н. Круглова по опер-работе на время «особого периода» — в этом факте прослеживается руководящая роль НКВД в период руководства Берии в тандеме наркоматов внутренних дел и госбезопасности) был награжден орденами

Кутузова 1-й степени и Красного Знамени.

Осуществлялись оперативные действия и против разведок союзных стран. В 1942 г. был взят в разработку руководитель военной миссии США в Москве Файмонвилл. С помощью вошедшего в его окружение агента удалось выявить связи Файмонвилла и снабжать его дезинформацией.

Через 5 месяцев после Победы, 30 октября 1945 г. был издан циркуляр НКГБ «О работе английской разведки против СССР». Тогда же был скомпрометирован в результате операции контрразведки помощник канадского военного атташе полковник Окулич.

За время войны Федотов был награжден 2 орденами Ленина (1943, 1945), 2 орденами Красного Знамени (1944, 1945), орденами Красной Звезды и Кутузова 1-й степени (1945), знаком «Заслуженный работник НКВД» (1942). В 1943 г. был произведен в комиссары ГБ 2 ранга, 9 июля 1945 г. получил звание генерал-лейтенанта.

Федотов с 23 января 1946 г. входил в состав Комиссии по руководству работой по подготовке Международного военного трибунала над японскими военными преступниками в Токио.

Наряду с работой по реальному обеспечению безопасности государства под руководством Федотова проводились мероприятия, возможно, задуманные с хорошими намерениями, но на практике явно нарушавшие законность. Такова была операция «Ложный закордон» («ЛЗ», «Мельница»), разработанная и проведенная Федотовым. Впервые о ней стало известно в 1990 г. из опубликованной в журнале «Известия ЦК КПСС» справке Комитета партийного контроля при ЦК партии.

Операция заключалась в следующем. Еще с 1941 г. действовал организованный сотрудниками УНКВД по Хабаровскому краю (начальник управления комиссар ГБ 2 ранга С.А. Гоглидзе) в 50-ти километрах от Хабаровска рядом с маньчжурской границей «ложный закордон». Чекисты вербовали на советской пограничной заставе подозревавшихся в шпионаже местных жителей и якобы «переправляли» их через «границу» для разведывательной работы. Люди попадали на «маньчжурский пограничный полицейский пост» и оттуда — в «уездную японскую военную миссию». Там «белоэмигранты» в форме японской жандармерии (на самом деле бывшие сотрудники УНКВД Хабаровского края, ранее осужденные за нарушения социалистической законности на различные сроки заключения), пытали подозреваемых, выбивая из них признания в работе на НКВД. В роли начальника «уездной японской военной миссии» выступал японец Тамито, бывший агент разведки Квантунской армии, арестованный советскими пограничниками в 1937 г. и приговоренный в 1940 г. к расстрелу (замененному 10-ю годами тюрьмы). Эту ситуацию сотрудники КПК, расследовавшие дело в конце 50-х, определили так: «...будучи осужден советским судом за японский шпионаж, был послан на ложный закордон, где учинял допросы советским гражданам».

В итоге некоторые «шпионы» после пыток соглашались на сотрудничество с «японцами», после чего их переправляли на советскую территорию, где арестовывали уже как «японских шпионов». «Ложный закордон» просуществовал до конца 1949 года. Многие из побывавших там 148 человек были осуждены к различным срокам заключения (несколько человек расстреляли).

По материалам расследования КПК, Федотов позднее был признан едва ли не главным виновником. Из постановления Секретариата ЦК КПСС по делу «Ложного закордона»: «Федотов...лично руководил работой «Мельницы», докладывал о ней Берии и Меркулову, выполнял их поручения по применению «ЛЗ» в отношении ряда советских граждан. Вся переписка и отчеты Хабаровского Управления НКВД с Центром о работе «Мельницы» адресовались только на имя Федотова, минуя канцелярию. Ни одно мероприятие, связанное с использованием «ЛЗ» не проводилось без его санкции. Федотов лично настаивал перед бывшим руководством НКВД СССР о применении расстрела к ряду невиновных советских граждан».

Схожий характер имеют и показания арестованного в 1951 г. полковника Григория

Майрановского, бывшего сотрудника лаборатории отдела оперативной техники МГБ СССР:

«В течение 1941–1943 гг. мною была разработана проблема по выявлению «откровенности» у подследственных лиц (заметим, о неудачно завершившихся изысканиях он предпочитает не упоминать — *Авт.*). Осуществление этой разработки было основано на теории физиологии И.П. Павлова о сущности процессов мышления, происходящих в центральной нервной системе (головного мозга), а именно — процессах возбуждения, торможения, которые в здоровом организме взаимно (диалектически) уравниваются.

Исходя из этого, мною был применен ряд препаратов, воздействующих то на тормозную деятельность, то на область возбуждения коры головного мозга, с подавлением и преобладанием то в одной, то в другой стороне процессов.

Эта работа бывшим тогда наркомом государственной безопасности В.Н. Меркуловым была поручена для проверки бывшему начальнику 2-го Главного управления МГБ СССР П.В. Федотову. Предложенная методика была проведена с моим участием на ряде подследственных лиц».

В марте 1946 г. после преобразования наркоматов в министерства генерал Федотов был утвержден начальником 2-го управления (с мая того же года -2-го Главного управления) МГБ, но уже 7 сентября 1946 г. освобожден от этой должности. В тот же день он был назначен заместителем министра и (по совместительству) начальником ПГУ (внешняя разведка) МГБ СССР (в оперативной переписке с резидентурами пользовался псевдонимом «Арнольд»).

После объединения внешней и военной разведок Федотов 30 мая 1947 г. становится заместителем председателя Комитета информации при Совете Министров СССР, одновременно с 25 июня того же года — председателем Бюро по въездам и выездам из СССР при СМ СССР.

Комитет информации при Совете Министров СССР (Комитет № 4) был создан постановлением Совета Министров СССР № 1789-470сс от 30 мая 1947 г. В новую структуру вошли: Первое главное управление МГБ, ГРУ Генштаба Министерства вооруженных сил, а также разведывательные и информационные структуры ЦК ВКП(б), МИД и Министерства внешней торговли. Личный состав всех этих служб был сведен в единый аппарат, размещенный возле ВДНХ в зданиях, где когда-то работал Исполком Коминтерна.

Первым председателем КИ стал член Политбюро ЦК ВКП (б), заместитель председателя Совета министров, министр иностранных дел СССР В.М. Молотов (в записке Сталину в сентябре 1947 г. он предлагал в качестве задач КИ «срывать маски с антисоветской деятельности иностранных кругов, влиять на общественное мнение в других странах, компрометировать антисоветски настроенных политиков в иностранных правительствах»). Однако поскольку Молотов не был профессиональным разведчиком, то непосредственным руководителем КИ являлся его первый заместитель (с 30 мая 1947 по 24 августа 1949 г.) генерал-лейтенант Петр Васильевич Федотов. Первыми заместителями председателя по линии военной разведки были контр-адмирал Константин Константинович Родионов и генерал-полковник Федор Федотович Кузнецов.

Заместителями председателя были в разное время чекисты-разведчики: генерал-майор Павел Михайлович Журавлев, полковник Сергей Михайлович Федосеев, полковник Александр Михайлович Коротков, полковник Андрей Иванович Раина, генерал-майор Василий Михайлович Зарубин, военный разведчик генерал-лейтенант Леонтий Васильевич Онянов.

В структуру КИ входили следующие оперативные управления:

- 1-е управление — Англо-американское;
- 2-е управление — Европейское;
- 3-е управление — Ближнего и Дальнего Востока;
- 4-е управление — нелегальной разведки;
- 5-е управление — научно-технической разведки;
- 7-е управление — шифровальное;

Управление советников в странах народной демократии.

Помимо управлений в КИ было два самостоятельных направления: «ЕМ» (эмиграция) и «СК» (советские колонии за рубежом), и шесть функциональных отделов (оперативной техники, связи и т. д.).

Для руководства разведаппаратами за рубежом в КИ был введен так называемый институт Главных резидентов, в который, как правило, назначались послы или посланники. Первым таким Главным резидентом стал бывший сотрудник ИНО НКВД Александр Семенович Панюшкин. С ноября 1947 по июнь 1952 г. он был послом в США, являясь одновременно Главным резидентом внешней разведки в этой стране. Но если Панюшкин, как профессионал, соответствовал новой должности, то многие другие послы были просто некомпетентны в разведывательной работе. В результате резиденты внешней и военной разведок шли на многочисленные уловки, чтобы не информировать послов о проводимой ими работе. Кроме того, создание КИ увеличило поток бюрократических бумаг, что затрудняло процесс принятия решений. Таким образом, КИ оказался весьма неэффективной структурой.

Разумеется, такое положение не устраивало Генеральный штаб, который утверждал, что военной разведке в КИ отведено подчиненное положение. В результате, в конце 1948 г. министру вооруженных сил СССР Н.А. Булганину после продолжительных споров с В.М. Молотовым удалось вернуть военную разведку в состав Генерального штаба.

В том же 1948 г. в состав МГБ перешли Управление советников в странах народной демократии и службы «ЕМ» и «СК». На их основе 17 октября 1949 г. приказом МГБ СССР № 00333 было создано 1-е управление МГБ, на которое возлагались задачи по управлению внешней контрразведкой. Основными из этих задач были:

- контрразведывательное обеспечение совколоний;
- выявление и пресечение подрывной деятельности контрразведывательных органов капиталистических стран и эмигрантских центров, направленной против СССР.

Начальником 1-го управления 17 октября 1949 г. был назначен Георгий Валентинович Утехин, которого 4 января 1951 г. сменил Сергей Николаевич Карташов. Для выполнения поставленных перед ним задач 1-е управление имело собственные резидентуры в советских представительствах за рубежом.

Что касается КИ, то в феврале 1949 г. его статус был изменен — его передали из Совета Министров СССР в ведение МИДа. Согласно приказу, «Комитет информации не становится частью Министерства иностранных дел ни административно, ни финансово, ни организационно, оставаясь независимым учреждением. Комитет информации является секретной организацией и финансируется из специальных фондов Совета Министров СССР». В ведении КИ оставалась политическая, экономическая и научно-техническая разведка. Новым председателем КИ после ухода В. Молотова с поста министра иностранных дел с 4 марта 1949 г. стал его преемник в МИД А.Я. Вышинский, а его сменил первый заместитель министра В.А. Зорин. Как и при В. Молотове, практическое руководство работой КИ осуществлял первый заместитель А. Вышинского генерал-лейтенант Сергей Романович Савченко (с 24 августа 1949 по 2 ноября 1951 г.). Структура Комитета информации при МИД СССР включала в себя:

- 1-е управление (англо-американское) — полковники К.М. Кукин, А.И. Раина;
- 2-е управление (европейское) — полковник И.И. Агаянц;
- 3-е управление (ближне — и дальневосточное) — полковник А.М. Отрощенко;
- 4-е управление (нелегальной разведки) — полковник А.М. Коротков, А.А. Крохин;
- 5-е управление (разведывательной информации);
- Отдел НТР — полковник Л.Р. Квасников;
- Отдел «Д» — полковник А.Г. Граур;
- Отдел шифросвязи;
- Отдел радиосвязи;
- Отдел оперативной техники;

Отдел безопасности совколоний.

Но дни КИ, как органа внешней разведки, были сочтены. 2 ноября 1951 г. во избежание ненужного параллелизма заграничные аппараты КИ и 1-го управления МГБ были объединены. Оставшийся после этого так называемый «маленький» Комитет информации при МИД СССР просуществовал до 1958 г., когда, утратив функции спецслужбы, был преобразован в Управление внешнеполитической информации (уже не «при», а в структуре МИД). Часть функций КИ перешла в Отдел информации ЦК КПСС (существовавший до 1959 г., его заведующим был Георгий Максимович Пушкин). Впрочем, дезинформация оставалась в ведении КИ (2-я служба или служба «Д», в ПГУ отдел дезинформации был образован в январе 1959 г. во главе с И.И. Агаянцем).

Федотов, пониженный в должности, оставался зампредом КИ до 1952 г. будучи по совместительству с мая 1949 г. членом Комиссии по выездам за границу при ЦК ВКП(б).

Служебная деятельность Федотова получала следующие оценки (из аттестации 1951 г.):

«...Приложил много усилий в деле укрепления заграничного разведаппарата, в частности в деле подбора и пополнения его соответствующими работниками, а также по отработке практических задач по организации разведработы в каждой отдельной стране. Провел целый ряд мероприятий, направленных на укрепление центрального аппарата и улучшение его работы».

В феврале 1952 г. Комитет информации был упразднен, а Федотову, 6 февраля 1952 г. освобожденному от всех должностей, выведенному за штат и направленному в распоряжении УК МГБ СССР, в течение года пришлось ждать нового назначения.

Смерть Сталина вызвала большие перемены, в том числе и в органах госбезопасности. Уже 5 марта на совместном заседании ЦК КПСС, Совет Министров и Президиума Верховного Совета СССР было принято решение об объединении МГБ и МВД СССР в единое ведомство во главе с Берией. 11 марта 1953 г. постановлением СМ СССР были назначены первые заместители министра МВД. Ими стали: член ЦК КПСС бывший министр МВД генерал-полковник Сергей Никифорович Круглов, кандидаты в члены ЦК партии генерал-полковник Богдан Захарович Кобулов и бывший первый заместитель Круглова в МВД генерал-полковник Иван Александрович Серов, заместитель по войскам — кандидат в члены ЦК КПСС генерал армии Иван Иванович Масленников.

Все это были близкие сотрудники Берии (особенно Кобулов).

Приказом МВД СССР № 002 от 14 марта 1953 г. была утверждена структура МВД. Согласно ей, были образованы 1-е Главное управление — контрразведывательное, во главе с П.В. Федотовым; внешняя разведка вошла в МВД как 2-е Главное управление, ее начальником был назначен генерал-лейтенант В.С. Рясной; 3-е управление (военной контрразведки) возглавил Гоглидзе, 4-е (секретно-политическое) — бывший помощник Берии по Совету Министров генерал-лейтенант Н.С. Сазыкин, 5-е — экономическое — генерал-лейтенант Н.Д. Горлинский 6-е — транспортное — генерал-майор П.П. Лорент, 7-е — наружное наблюдение — генерал-майор М.И. Никольский, 9-е — охраны правительства — генерал-майор С.Ф. Кузьмичев, контрольную инспекцию по проверке исполнения приказов министра — генерал-лейтенант Л.Ф. Райхман, 10-е — управление коменданта Кремля — генерал-лейтенант Н.К. Спиридонов, следчасть-генерал-лейтенант Л.Е. Влодзимирский, отдел «П» (спецпоселений) — полковник В.И. Алидин. Было образовано 7 спецотделов: учетно-архивный, секретной техники, изготовления документов, радиоконтрразведки, изготовления опертехники, перлюстрации, гохрана. Их начальниками, соответственно, стали полковники А.С. Кузнецов, Н.А. Карасев, генерал-лейтенант С.С. Бельченко, полковник Л.Н. Никитин, генерал-майор В.А. Кравченко, генерал-лейтенант А.И. Воронин, полковник Н.Я. Баулин. Отдел «М» (мобилизационный) возглавил генерал-лейтенант Н.И. Яценко, а отдел «С» (спецсвязи) — полковник П.Н. Воронин. Войсковые управления возглавили: погранвойск — генерал-майор П.И. Зырянов, внутренней охраны — генерал-лейтенант Т.Ф. Филиппов, конвойной охраны — генерал-лейтенант А.С. Сироткин, военного снабжения —

генерал-майор Я.Ф. Горностаев, военно-строительное — инженер-полковник П.Н. Соколов, службы МПВО — генерал-лейтенант И.С. Шередега. Главным милиционером стал один из бывших заместителей Игнатьева, генерал-лейтенант Стаханов, главным архивистом — генерал-майор В.А. Стыров, главным кадровиком — генерал-лейтенант Обручников, главным пожарным — генерал-майор Ф.П.Петровский, главным тюремщиком — полковник М.В. Кузнецов. Отделом по контролю и инспектированию военизированной охраны руководил генерал-майор Г.П. Добрынин, ХОЗУ — генерал-лейтенант М.И. Журавлев. Вернулось на Лубянку со Старой площади бывшее ГУСС при ЦК КПСС, ставшее теперь 8-м, шифровальным, управлением, вместе со своим прежним начальником полковником И.Савченко. Секретариат МВД возглавил генерал-лейтенант С.С. Мамулов, секретариат ОСО — генерал-майор В.В. Иванов, оба старые помощники Берии. В Коллегию, кроме заместителей, вошли Федотов, Рясной, Гоглидзе, Сазыкин, Стаханов, Обручников, Мамулов. После Берии, лично курировавшего 3-е, 8-е, 9-е и 10-е управления, следчасть, управление кадров, Контрольную инспекцию, Секретариаты МВД и ОСО, вторым человеком, первым среди 1-х заместителей, был Кобулов, курировавший 1-й и 2-й главки, 7-е управление и первые 6 спецотделов. Остальные замы распределили между собой 4-е, 5-е управления, отделы «М», «П», «С», 7-й спецотдел, Центральное архивное управление и все хозяйственные подразделения (Круглое), 6-е управление, главные управления милиции и пожарной охраны, управление службы местной противовоздушной обороны, тюремное управление и отдел по контролю и инспектированию ВОХР (Серов). Войсками занимался Масленников.

Новый министр быстро освободился от производственно-хозяйственных структур, передав их различным промышленным министерствам, и от тюрем с лагерями, отдав их Минюсту, кроме тех, где сидели «государственные преступники». А вместо этого в состав МВД перешли до этого самостоятельные главки геодезии и картографии (впрочем, в 30-40-е годы входившие в НКВД) и по охране государственных тайн в печати, в просторечии Главлит, который, кроме Наркомпроса, никуда не входил. Фактический контроль ГБ над цензурой стал теперь и формальным. Возглавили новые структуры, соответственно, А.Н. Баранов и К.К. Омельченко, курировать новые главки было поручено Круглову.

Стоит отметить, что генералы Райхман и Кузьмичев были освобождены из заключения.

После смерти Сталина и ликвидации МГБ контрразведка в объединенном МВД СССР была сосредоточена в 1-м Главном управлении. Начальником его по инициативе Берия стал генерал-лейтенант Петр Васильевич Федотов (его вторичное назначение — единственный случай в истории русской контрразведки). Его заместителями стали освобожденные из-под ареста по делу Абакумова Ф.Г. Шубняков и Е.П. Питовранов (последний спустя месяц отбыл в Берлин, назначенный руководителем представительства МВД, позднее КГБ, в ГДР).

29 апреля на основе бывшего Бюро № 2 МГБ (разведка и диверсии) в составе контрразведки была создана Специальная оперативная группа при 1 — м Главном управлении МВД, в задачи которой входил розыск заброшенных в СССР агентов-парашютистов. Ее начальником стал Герой Советского Союза полковник Михаил Сидорович Прудников. Через две недели эта новая структура была преобразована в 11-й отдел того же 1-го главка.

В июне 1953 г., в составе опергруппы МВД во главе с начальником 3-го управления (военной контрразведки) МВД генерал-полковником С.А. Гоглидзе в ГДР побывал и Федотов (это было связано с народными волнениями, переросшими в вооруженный мятеж).

Несмотря на все перемены, связанные с политической конъюнктурой, контрразведка занималась борьбой с реальным противником. Проводились удачные операции. Так, осенью 1953 г. была сорвана попытка сотрудников аппарата военного и военно-морского атташе США собрать военную информацию на Дальнем Востоке. В отсутствие американцев контрразведчики в гостинице, где иностранцы остановились, засветили тайно снятые ими фото пленки. И это была не единственная успешная операция советской контрразведки в тот сложный период.

В тот период ЦРУ и СИС применяли метод массовой заброски нелегалов для сбора сведений о военных базах, аэродромах, военных заводах, вербовки советских граждан, представлявших оперативный интерес для иностранных разведок.

В Белоруссии тогда же арестованы парашютисты — агенты ЦРУ М.П. Артюшевский, Г.А. Костюк, Т.А. Остриков и М.С. Кальницкий. В апреле 1953 г. в Краснодарском крае был арестован М.П. Кудрявцев, за помощь следствию амнистированный.

27 апреля 1953 г. на Украине в районе Белой Церкви, поймали двоих парашютистов — В. Васильченко (он же А. Лахно) и Л. Матковского (он же А. Маков). Оба оказались членами НТС. По их показаниям были задержаны еще двое НТС-овцев — «Джон» (С. Горбунов) и «Дик» (Сергей Ремига). При них обнаружили оружие, яды, рации, листовки, фальшивые деньги. Сотрудничавшие с немцами во время оккупации, эти агенты также были завербованы в Германии в лагерях для перемещенных лиц и сброшены с самолета, вылетевшего из Афин. Их приговорили к расстрелу.

В том же году были заброшены в Белоруссию с базы в ФРГ члены НТС — К. Хмельницкий, Н. Якута и Новиков, добровольно явившиеся с повинной и амнистированные.

После реорганизации МВД и образования КГБ при Совете Министров СССР контрразведка была переименована во 2-е Главное управление КГБ (ВГУ). До апреля 1956 г. им руководил П.В. Федотов, состоявший членом КГБ (так до 1959 г. называлась Коллегия). Федотов смог избежать репрессий по обвинению в близости к Берия, возможно, благодаря хорошим отношениям с Молотовым (как полагают первые биографы генерала).

Его карьера закончилась в 1956 году. В апреле он был снят с должности, в мае получил назначение на пост заместителя начальника и главного редактора Редакционно-издательского отдела Высшей школы КГБ при СМ СССР. Какое-то время Федотова прикрывал председатель КГБ Серов, дружественно с нему относившийся. После его перевода в ГРУ Федотов 27 февраля 1959 г. был освобожден от должности, 22 марта уволен в запас Советской Армии по ст. 59«Д» (служебное несоответствие).

Уже 23 мая того же года «за грубые нарушения законности в период массовых репрессий» постановлением Совета Министров Федотов был лишен генеральского звания. 6 января 1960 г. решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС исключен из партии. Ему вспомнили участие в репрессиях 30-х-50-х, в том числе поездку в Армению в 1937 г. и «Ложный закордон».

Петр Васильевич Федотов умер в Москве 29 сентября 1963 года. Похоронен на Пятницком кладбище.

Е.П. ПИТОВРАНОВ И КОНТРРАЗВЕДКА В ПОСЛЕВОЕННОЕ СТАЛИНСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В марте 1946 г. после переименования наркоматов в министерства 2-е управление НКВД СССР стало именоваться 2-м управлением МГБ СССР (с июня 1946 г. — 2-е Главное управление). В мае Министерство госбезопасности возглавил новый министр. Генерала армии Всеволода Николаевича Меркулова (им были недовольны Сталин и его ближайшее окружение) сменил начальник Главного управления контрразведки «Смерть шпионам» Министерства вооруженных сил СССР (ГУКР «Смерш» тогда же было реорганизовано в 3-е Главное управление МГБ СССР) генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов.

Работа контрразведки также рассматривалась «на самом верху». 20 августа 1946 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О работе МГБ СССР», в котором недостатком была признана слабая работа чекистов среди дипломатов и иностранных специалистов. Работа в основном велась среди возвращающихся на Родину бывших эмигрантов (еще 8 сентября 1945 г. был издан совместный приказ НКГБ и ГУКР «Смерш» о проверке репатриантов, направляемых на работу в промышленность, а в феврале 1946 г. — приказ НКГБ «О выявлении агентов английской и американской разведок среди репатриантов», к декабрю 1946 г. было заведено несколько сотен тысяч «дел оперативной разработки»

репатриантов по подозрению в шпионаже).

В сентябре 1946 г. в контрразведке сменилось руководство. Генерал-лейтенант Петр Васильевич Федотов был назначен начальником 1-го Главного (разведывательного) управления, сменив генерал-лейтенанта Петра Николаевича Кубаткина, пробывшего во главе разведки всего 3 месяца (Кубаткин, всю войну возглавлявший Ленинградское управление НКВД-НКГБ, погиб в период репрессий, связанных с «ленинградским делом»).

Контрразведку возглавил генерал-майор Е.П. Питовранов, до этого работавший заместителем начальника 2-го ГУ.

Евгений Петрович Питовранов родился 20 марта 1915 г. в селе Князевка Петровского уезда Саратовской губернии.

По материнской линии дедом Питовранова был татарин Агисов (после перехода в православие именовавшийся Павлом Ивановичем), женившийся на дочери русского купца и немки из переселенцев, переселившихся в Поволжье в XVIII веке. Их старшая дочь Антонина Павловна, окончив гимназию, стала учить деревенских детей. Там же в селе Князевка она вышла замуж за настоятеля местного прихода Петра Николаевича Питовранова. Обвенчал их глава епархии — саратовский епископ Гермоген.

В 1916 г. ребенок остался без отца, скоропостижно скончавшегося. Вскоре мать Евгения Антонина Павловна переехала в соседний Сердобский уезд, где продолжила учительствовать. Там она вновь вышла замуж за учителя Гаврилова. Он был большевиком, командиром народной дружины, а затем отряда Красной Армии. Будучи в 1921 г. направлен на подавление мятежа в Пензенскую губернию, он заразился эпидемической болезнью и умер.

Евгений Питовранов по окончании сельской школы в сентябре 1930 г. переехал в Саратов, где стал учеником токаря в 3-летней школе ФЗУ (фабрично-заводского училища) Рязано-Уральской железной дороги. В феврале 1933 г. комсомольцы ФЗУ избрали его секретарем училищного комитета. С сентября 1933 г. Евгений работал токарем на Саратовском паровозоремонтном заводе. Возможно, он так и остался бы токарем, но производственная травма изменила судьбу. Биограф Питовранова, генерал-майор Александр Викторович Киселев так описывает это событие:

«Успешно выполнив контрольное задание, он сразу получил достаточно высокий четвертый разряд, а спустя лишь пару месяцев, и пятый. До высшего, шестого, оставалось совсем немного. Опять вмешался случай.

Вытачивая сложную деталь, немного самонадеянный токарь пренебрег элементарными требованиями безопасности — не надел защитные очки и сурово за это поплатился: выскочившая из-под резца металлическая стружка вонзилась в глаз. Случай оказался не простым, но искусные в подобном травматизме окулисты провели операцию филигранно тонко, почти не повредив глазное яблоко. С многообещающей карьерой токаря пришлось, однако, расстаться.

Не имея другой специальности, временно устроился дежурным по станции — встречал и провожал поезда, переводил стрелки, оказывая услуги пассажирам».

В марте 1934 г. 19-летний Евгений был избран секретарем комитета ВЛКСМ станции Саратов (Рязанско-Уральской железной дороги). Однако комсомольской карьере (кадровики в ЦК ВЛКСМ, также как потом в НКВД, видимо, не докопались до поповского происхождения Евгения Петровича) также не было суждено состояться. В сентябре 1934 г. Питовранов становится студентом Московского электромеханического института инженеров транспорта. В 1937 г. он вступает в ВКП(б). 4 курса института он окончил. Но молодого коммуниста так и не увидели на производстве.

5 ноября 1938 г. исполняющий обязанности секретаря парторганизации института, студент 5-го курса Евгений Питовранов по мобилизации ЦК ВКП(б) был направлен на работу в органы НКВД и в тот же день зачислен оперуполномоченным в 3-й (контрразведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР. Через 5 дней, 10 ноября, новоиспеченному чекисту присваивается звание лейтенанта госбезопасности (в 1935–1943 гг.

соответствовало капитану Красной Армии). Первым учителем Питовранова в контрразведке стал начальник отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД Рубен Аракелян.

В Москве лейтенант ГБ Питовранов пробыл недолго. 15 декабря 1938 г. он был командирован в распоряжение начальника УНКВД по Горьковской области, капитана госбезопасности Игната Ивановича Федюкова, и в тот же день занял должность заместителя начальника 3-го отдела Управления госбезопасности (УГБ) УНКВД. 16 февраля 1939 г., будучи уже временно исполняющим обязанности начальника 3-го отдела, Питовранов был переведен в экономическое управление Горьковского УНКВД, возглавив 1-й отдел, а с 1 июня 1939 г. — 2-й отдел. 17 июля он был произведен в старшие лейтенанты ГБ. Карьера а Горьком развивалась успешно и 22 мая 1940 г. Питовранов (в апреле его наградили медалью «За отвагу») был назначен заместителем (эта должность уже входила в номенклатуру ЦК ВКП(б)) нового (с октября 1939 г.) начальника Горьковского УНКВД капитана ГБ Владимира Владимировича Губина.

В феврале 1941 г. НКВД СССР был, как известно, разделен на 2 наркомата — государственной безопасности (НКГБ) и внутренних дел (НКВД). Разделились и периферийные управления НКВД. 26 февраля 1941 г. Питовранов был назначен начальником Управления НКВД по Горьковской области. Через месяц, 29 марта, получил новое спецзвание — капитан госбезопасности. Большая часть подразделений госбезопасности была включена в НКГБ (начальником Горьковского УНКГБ остался В.В. Губин), но и в УНКВД вместе с милицией, пожарной охраной, лагерным и тюремным ведомствами вошли войска — внутренние, железнодорожные, по охране промышленных предприятий, а их оперативно-чекистское обслуживание осуществлял 3-й отдел (особые отделы в Красной Армии и на флоте в ходе февральской реформы 1941 года были переданы соответственно в наркоматы обороны и военно-морского флота СССР). Таким образом 26-летний начальник Управления НКВД по такой важной (в частности, по военно-промышленному потенциалу) Горьковской области стал «лично известен» наркому НКВД Лаврентию Павловичу Берии — генеральному комиссару госбезопасности, кандидату в члены Политбюро ЦК, заместителю председателя Совнаркома СССР.

Начало войны привело к новой реформе «органов». 31 июля 1941 г. в состав НКВД был включен Наркомат госбезопасности. Питовранов, успевший за полугодовой период руководства Горьковским УНКВД получить свой первый орден — Трудового Красного Знамени, с 23 августа 1941 г. вновь становится заместителем начальника объединенного УНКВД по Горьковской области. Начальником управления с 31 июля был майор ГБ Василий Степанович Рясной.

Чекистскую службу он начал чуть ранее Питовранова. В марте 1937 г. бывший начальник политотделов МТС и секретарь райкомов партии в Сталинградском крае по партийному набору был направлен на работу в НКВД. Работал в том же 3-м отделе ГУГБ НКВД, за 2 года побывал стажером, оперуполномоченным, помощником и заместителем начальника отделения. С октября 1939 г. — начальник 14-го отделения, с июля 1940 г. — заместитель начальника, с января 1941 г. — начальник 1-го отделения. С марта 1941 г. начальник 1-го отделения 1-го отдела 2-го управления НКГБ СССР. В его обязанности входило оперативное обслуживание германских представительств в Москве; после начала Великой Отечественной войны был ответственным по интернированию немецких дипломатов.

Карьера очень похожа на питоврановскую, с тем исключением, что те два года (1937–1938), на которые Рясной раньше начал службу, были временем массовых репрессий (в том числе и среди чекистов).

Питовранов в октябре-ноябре 1941 г. находился в командировке в Москве в составе оперативной группы НКВД при Штабе обороны города (по созданию вокруг Москвы особого укрепленного района). По словам биографа Питовранова А.В. Киселева, «его откомандировали в специальное контрразведывательное подразделение при Главном штабе обороны».

Служба в самый тяжелый период обороны Москвы была отмечена орденом «Знак Почета» в 1942 г., а позднее, в 1944-м, медалью «За оборону Москвы».

Но это будет через два военных года, а пока зимой 41-го Питовранов вернулся в Горький. Через год он был переведен на работу в соседнюю Кировскую область. 25 декабря 1942 г. сменил Семена Шусты на посту начальника областного УНКВД (с 7 мая 1943 г., после нового разделения НКВД-УНКГБ по Кировской области). В Кирове Питовранов отличился успешной ликвидацией немецких парашютных десантов.

Тогда же Питовранов познакомился с вологодским чекистом Борисом Ивановым, ставшим впоследствии его ближайшим другом и соратником. Вот как они вспоминали о событиях того времени:

«— А помните, Борис Семенович, как мы за «Мурзой» гонялись? Хитер был, прохвост — за одну ночь так обработал деревенскую бабу, что она поклялась нашим розыскникам в давнем, еще довоенном с ним знакомстве. И документы в полном порядке были. Помнится, мы его даже инструктировали на случай появления в тех краях подозрительных личностей. А соседка, наверное из ревности, на него и донесла.

— Для женской психологии это нормально... Помню, как Слепого брали, нескольких ребят положили... У него и фамилия подходящая была, Гаденко, кажется...

— Это который на допросе пальнул тогда в вас? Только из чего? Не обыскали как следует?

— В его протезе болт, вроде, какой-то был съемный... а он попросил ослабить протез — ногу потер, что ли. Ну, и пальнул. Я-то увернулся, а вот помощнику моему досталось. Первый раз мы с такой хитростью столкнулись. Зато как он потом молотил под нашу диктовку! Душ двадцать этого отребья мы на нашу сторону перетасили...

— Есть, есть, что вспомнить!»

Позднее, в январе 1953 года, в бытность Питовранова начальником разведки, Иванов возглавил 1-й (американский) отдел 1-го (разведывательного) управления ГРУ МГБ.

Заслуги Евгения Петровича во время службы в Кирове были отмечены орденами Красной Звезды и Красного Знамени, повышением в чине — в феврале 1943 г. при введении новых званий он становится комиссаром ГБ (соответствовало генерал-майору в армии), т. е. был произведен через звание (из капитанов ГБ, минуя майора). А в следующем году молодой и перспективный чекист был переведен в более важный регион, сменив Сергея Ивановича Огольцова, с 22 марта 1944 г. он — начальник УНКГБ по Куйбышевской области.

Куйбышев в то время уже не был «запасной столицей», как в 1941–1942 гг., большинство советских правительственных учреждений уже возвратились в Москву, но ряд дипломатических миссий союзников СССР по антифашистской коалиции еще оставались в волжском городе. С этим обстоятельством была связана проведенная Питоврановым операция, о которой он через несколько десятилетий рассказал соратнику по службе А.В. Киселеву. Объектом чекистского внимания стал английский журналист — главный редактор газеты миссии Великобритании в Москве «Британский союзник». Биограф Питовранова назвал британца вымышленным именем — Вильям (Билл) Спарк, будем и мы его так называть, не стремясь выяснить подлинное имя. Вот как обстояло дело по позднейшим воспоминаниям Питовранова, в изложении А.В. Киселева:

«Постоянно проживая в Москве, он ("Спарк". -*Авт.*) частенько наведывался в Куйбышев, к своим посольским землякам. Там, в относительной дали от своего начальства, он позволял себе немного расслабиться и, будучи равнодушным к русской водке, изрядно "отводил душу". Другой слабостью холостяка были женщины.

Все это, естественно, не оставалось без внимания нашей контрразведки — на Билла имелось довольно пухлое досье.

Но сами по себе такие слабости, присущие в той или иной степени всем нормальным мужикам, вряд ли могли стать основой для переломного политического решения. Главным было другое — Билл, выпив сверх меры, нередко терял всякий над собой контроль, нередко бросал хлесткие реплики в адрес своего московского начальства или чиновников военного

министерства в Лондоне, а подчас остро критиковал всю внешнюю политику своего правительства. Особо резко он выражался по поводу многократного переноса союзниками сроков открытия второго фронта против Германии в Западной Европе. Говорил он это не столько из симпатий к Советской России, сколько просто потому, что, как и большинство европейцев, был утомлен этой долгой войной и искренне полагал, что второй фронт решительно ускорит ее окончание.

С Питоврановым они неоднократно встречались в Куйбышеве на различных дипломатических раутах, где нередко обсуждали военные хроники и другие текущие события.

Спарк несомненно знал действительное амплуа Питовранова, хотя тот официально выступал как сотрудник городской администрации — британская разведка не бездействовала и в период эвакуации.

Редактор "Британского союзника" охотно принял приглашение Питовранова, "прибывшего в столицу на пару дней по неотложным делам", отобедать с ним в ресторане гостиницы «Москва», ставшей в годы войны огромным общежитием для высокопоставленных советских чиновников, съехавшихся в столицу из районов, оккупированных немцами.

Результатом стала корявая, исполненная пьяным языком, но русскими словами, страничка из журналистского блокнота: "Заявление о политическом убежище в Советском Союзе". И целый ящик пустых водочных бутылок.

Протрезвев лишь через несколько дней, Спарк осознал свой промах, но было уже поздно — его "решительный разрыв" с капиталистическим строем стал уже мировым достоянием. Все советские и западные газеты, включая самые популярные в Великобритании, уже известили об этом весь мир. Советская пресса несколько дней перепевала "мужественный поступок британского офицера — бойца политического фронта, глубоко разочаровавшегося капиталистическим образом жизни и добровольно «избравшего социализм»".

Все публикации — и наши, и зарубежные — поместили фотоклише его "Заявления".

Сразу после "дружеского застолья" его, еще достаточно «тепленького», перевезли на конспиративную виллу и через пару дней освободили. Ведь всерьез с сомнительным перебежчиком никому возиться не хотелось, да и было это никому не нужно. Пробыв еще с неделю в Москве, он через Тегеран отбыл на родину.

Сам Евгений Петрович вспоминал об этом эпизоде, как о забавном курьезе, где для него главным было "не свалиться раньше партнера, ибо пили строго на равных, и не потерять при этом той толики трезвости, которая была совершенно необходима для успешного завершения нехитрой комбинации"».

Такие удачные операции способствовали карьерному росту комиссара госбезопасности Питовранова. 10 февраля 1945 г. его назначили наркомом (с 14 марта 1946 г., после переименования наркоматов, — министром) госбезопасности Узбекской ССР. 9 июля 1945 г. вместе с большой группой сотрудников НКВД и НКГБ ему присваивают звание генерал-майора, 21 января 1946 г. награждают вторым орденом Красной Звезды.

В июне 1946 г. генерал-майор Питовранов был отозван в Москву. Видимо, у него за годы войны сложились хорошие отношения с новым руководством МГБ — министром Виктором Семеновичем Абакумовым и его первым заместителем Сергеем Ивановичем Огольцовым, предшественником Питовранова в Куйбышеве. 15 июня 1946 г. Евгений Петрович был назначен заместителем начальника 2-го Главного (контрразведывательного) управления МГБ СССР. 7 сентября 1946 г. он сменил Федотова на посту начальника контрразведки. Ему был тогда 31 год, в то время таких молодых сотрудников на таких постах почти не было (в отличие от 20-х годов, когда Артузов стал начальником КРО в 31 год, а Ольский — в 29 лет). Несомненно, новое назначение Питовранова было санкционировано лично Сталиным.

Для контрразведчиков война против антисоветских националистических формирований

(особенно на Западной Украине и в Прибалтике) не закончилась 9 мая 1945 года. Во 2-м ГУ было создано управление 2-Н по борьбе с националистами (аналогичные управления появились в составе МГБ Украинской и Литовской ССР, в МГБ Белорусской, Латвийской и Эстонской ССР — отделы 2-Н). В апреле 1947 г. был издан приказ МГБ «Об усилении борьбы с националистическим подпольем и его вооруженными бандами в Украинской ССР».

Масштаб борьбы выражен следующими цифрами. Только в 1946 г. в Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области Западной Украины органами госбезопасности были полностью разгромлены 184 подпольные организации и 96 бандгрупп, входивших в «Организацию украинских националистов» (ОУН); убито и обезврежено более 10 тыс. бандитов, среди которых 571 человек — из числа руководящего состава ОУН и «Украинской повстанческой армии» (УПА). В течение того же года в Львовской области были вскрыты и ликвидированы 198 бандитских групп и подпольных организаций, убито 1728 бандитов, захвачено 5319, арестовано 1119, явилось с повинной -595 бандитов.

В 1946 г. на территории Латвии в ходе чекистских операций было убито 338 бандитов, захвачено 3642, добровольно сдались властям — 2569 человек.

С 1 октября 1946 г. по 1 марта 1947 г. в Литве были вскрыты и ликвидированы 136 подпольных организаций и групп, убито 776 бандитов и арестовано свыше 3 тыс. человек из числа бандпособников и антисоветских элементов, сложили оружие — 584 человека.

В Эстонии чекистам удалось разгромить несколько крупных банд и ликвидировать подпольную группу во главе с резидентом американской разведки Р. Салисте.

А всего, по данным историка В.Ф. Некрасова, в 1946–1951 гг. в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтийских республиках в результате операций органов госбезопасности было убито и ранено 26226, и захвачено в плен — 69834 человека. Изъято оружия: пулеметов — 3053, автоматов — 12998, винтовок — 24169, пистолетов — 16995 и гранат — 26200 единиц, а также — 472 661 штук патронов.

В операциях в Латвии Питовранов принимал личное участие. Об одном из эпизодов «тайной войны» рассказал А.В. Киселев:

«Зимой 1947 г. в районе станции Добеле с недельным интервалом были пущены под откос два воинских эшелона.

По способу диверсий и использованным средствам подозрение пало на особо дерзкую группу боевиков, которой командовал некто «Корень», латыш, бывший младший командир Красной Армии, перешедший в первые дни войны к немцам и удивлявший даже оккупантов невероятной жестокостью в карательных операциях.

При отступлении из Прибалтики немцы, точнее — военная разведка «Абвер», завербовали «Корня», основательно его подготовили в качестве боевика и радиста, снабдили быстродействующей рацией, большим количеством подрывных средств и настоящими советскими документами. Ему в помощь придали еще двух агентов из местных жителей. Задание было традиционным: осесть на узловой станции Елгава, собирать информацию о движении воинских эшелонов, проводить на железной дороге подрывные акции и индивидуальный террор против местной администрации по особым указаниям. Информацию и отчеты об операциях рапортовать.

На «Корня», легализовавшегося под другой фамилией в Елгаве, первыми вышли не наши чекисты, а его же "братья по оружию" из крупного бандформирования "Даугавас ванаги" ("Двинские соколы"), они хорошо его помнили по совместным карательным акциям против советских партизан. Агентурную связь с немцами от них он скрыл, но был вынужден согласиться на сотрудничество. Однако вскоре, почувствовав повышенное к себе внимание советской контрразведки, без согласования с «Ванагами» перешел на нелегальное положение, обосновавшись в хорошо оборудованном лесном "схроне".

По согласованию с Абакумовым Евгений Петрович сам занялся расследованием и срочно вылетел в Ригу.

Латышские коллеги уже активно работали по этому делу. Через агентуру в бандитском подполье удалось установить примерный круг лиц, возможно причастных к диверсиям,

среди них значился и недавно исчезнувший из Елгавы «Корень». Обрабатывая его связи, чекисты вышли на одного из агентов — «Линду», оставшуюся в городе. Она сообщила довольно важные сведения о самом «Корне» и его отношениях с «Ванагами» и, в частности, о том, что он ушел из лесу и прячется на каком-то дальнем хуторе, где еще при немцах была оборудована конспиративная радиоквартира. «Линда» уверенно заявила, что о наличии радиосвязи с немцами, а теперь — американцами, «Корень» бандитам не рассказал, но они, как-то прознав об этом, заподозрили его в связях с русскими и заочно обвинили его в предательстве, подтверждением чему стали, якобы, их последние провалы.

От нее же стало известно, что «Корень» очень обеспокоен судьбой семьи — матери, жены и двух детей, депортированных недавно куда-то в Сибирь.

Питовранов решил лично побеседовать с «Линдой», надеясь склонить ее к честному сотрудничеству и через нее выйти непосредственно на «Корня». В прошлом, в еще довоенной Латвии, она была одной из первых комсомолок и с приходом немцев вынуждена была уйти в подполье. Но ее с друзьями предали и, оказавшись в сложном положении, она предпочла расстрелу сотрудничество с оккупантами.

Эти аргументы и были использованы в вербовочной беседе.

Перед агентом поставили непростую задачу — найти «Корня» и попытаться склонить его к прямому разговору с самим начальником советской контрразведки. Ему гарантировалась жизнь, а его семье — скорое возвращение из Сибири. Но все это — на определенных условиях, поскольку за ним уже тянется длинный шлейф тяжелых преступлений. Загнанный в угол, «Корень» согласился. Встречу он предложил в вечерние часы, в заброшенной рыбацкой избушке на длинной песчаной косе. Все подходы к избушке просматривались на километры. Организация засады исключалась — на неглубоком снегу четко печатались любые следы.

Коллеги выражали обоснованные сомнения в целесообразности такой встречи, поскольку риск казался неадекватным. «Корню» терять, по существу, нечего, он твердо уверовал, что его ждет «вышка», поэтому и его поведение будет непредсказуемым.

Но и у Питовранова были свои резоны. Внимательно изучив все материалы, включая "Личное дело" курсанта школы младших командиров в г. Ризекне Гунарда Езерше, 1914 г. рождения, поговорив с людьми, хорошо знавшими «Корня», в том числе с «Линдой», он пришел к заключению, что личная встреча может стать достаточно продуктивной...

"Корень" перестал существовать, появился «Пятрас» — по имени любимого сына.

"Даугавас ванаги" имели свой канал радиосвязи с американской военной разведкой и, получив от нее подтверждение агентурных отношений с «Корнем», успокоились, хотя продолжали его удерживать под более строгим контролем. Тем не менее, регулярно поступающая от «Пятраса» через «Линду» оперативная информация позволила предотвратить десятки бандитских акций на территории Прибалтики и обезвредить сотни бандитов. Он очень старался искупить свою вину, чтобы когда-то снова воспитывать своих детей.

В 1951 г. при уходе морским каналом в Швецию с нашим заданием он погиб — на большой волне выпал из быстроходной лодки. Суровая, холодная Балтика стала его могилой».

В обстановке развернувшейся в послевоенный период «холодной войны» продолжалась борьба против западных спецслужб. 2 февраля 1947 г. был издан приказ МГБ СССР «Об усилении контрразведывательной работы по борьбе с агентурой американской и английской разведок». 2-е ГУ МГБ СССР и МГБ Латвии вели оперативную игру «Дуэль» против американской, английской и шведской разведок. В работе чекистов имелись успехи. Были скомпрометированы и отозваны из СССР военный атташе США Р. Гроу (с помощью МГБ ГДР), помощник военно-морского атташе этой же страны Р. Дреер.

На повышение результативности такого рода работы был направлен в мае 1949 г. приказ МГБ «О порядке передвижения по территории Советского Союза дипломатических и консульских представителей иностранных государств и сотрудников иностранных посольств

и миссий в СССР».

В февраля 1949 г. Питовранов в качестве представителя МГБ участвовал в работе комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) по расследованию работы руководства Ленинградского обкома партии. Позднее он рассказывал А.В. Киселеву об этой поездке:

«Ночным поездом комиссия отправилась в Ленинград.

Утром, на подъезде к городу, Маленков собрал всех в своем салон-вагоне и дал общий инструктаж. Питовранову предстояло отстранить от обязанностей действовавшего начальника управления МГБ (Д.Г. Родионов, направлен в распоряжение МГБ в апреле 1949 г. -*Авт.*) и назначить на его место одного из заместителей, определив круг его временных полномочий. На этом его собственная миссия заканчивалась. Через день он возвратился в Москву».

За 4-летний период руководства контрразведкой генерал-майор Питовранов был награжден двумя орденами Отечественной войны 1-й степени — в августе 1946 года и в октябре 1948 года.

31 декабря 1950 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) б увеличении количества заместителей министра госбезопасности до 7 человек Е.П. Питовранов был назначен заместителем министра госбезопасности СССР.

Кроме него, на этот пост (в дополнение к первому заместителю министра С.И. Огольцову и заместителям министра Н.Н. Селивановскому и А.С. Блинову) были назначены бывший начальник 3-го Главного управления генерал-лейтенант Н.А. Королев (куратор милиции), бывший заведующий административным отделом ЦК партии генерал-лейтенант В.Е. Макаров (по кадрам), генерал-полковник А.Н. Аполлонов (по войскам). Тогда же обновилось руководство четырех управлений: 2-го Главного — полковник Ф.Г. Шубняков (вместо Питовранова), 3-го Главного — генерал-лейтенант Я.А. Едунов (вместо Королева), 4-го управления (розыск) — генерал-майор П.С. Мещанов, Главного управления по охране на железнодорожном и водном транспорте — генерал-полковник С.А. Гоглидзе (кандидат в члены ЦК партии) и Инспекции при министре — генерал-майор П.П. Кондаков.

Через три дня, уже в новом, 1951 г., была организована Коллегия МГБ в следующем составе: председатель — В.С. Абакумов, его заместитель — С.И. Огольцов, члены — все заместители (включая Питовранова), Г.В. Утехин — начальник 1-го управления (внешней контрразведки), Ф.Г. Шубняков — начальник 2-го ГУ, Н.С. Власик-начальник Главного управления охраны (ГУО), С.А. Гоглидзе — начальник ГУО на транспорте, Я.А. Едунов — начальник 3-го ГУ, П.С. Мещанов — начальник 4-го управления, А.Ф. Волков — начальник 5-го (секретно-политического) управления, И.И. Горгонов — начальник УМГБ Московской области, П.П. Кондаков — начальник Инспекции, А.М. Леонтьев — начальник ГУ милиции, Н.П. Стаханов — начальник Главного управления пограничных войск (ГУПВ).

Падение Абакумова отразилось на судьбе Питовранова, но не сразу. 24 июля 1951 г., спустя две недели после ареста Абакумова, вместе с заместителями министра госбезопасности СССР генерал-лейтенантами С.И. Огольцовым и Н.Н. Селивановским, министром госбезопасности Украины генерал-лейтенантом Н.К. Ковальчуком и начальником Главного управления охраны на транспорте МГБ генерал-полковником С.А. Гоглидзе, он присутствовал на приеме у Сталина. Глава партии и правительства 35 минут (в присутствии 2-х членов Политбюро — Л.П. Берии и Г.М. Маленкова, и заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК партии С.Д. Игнатьева) беседовал с чекистами о работе органов госбезопасности после раскрытия «сионистского заговора в МГБ». По словам Питовранова, тогда же Сталин беседовал с ним наедине, интересовался вопросами вербовки агентуры и посоветовал сократить штат секретных сотрудников в 2–3 раза.

3 августа 1951 г. после письма Огольцова Сталину (исполняющий обязанности министра госбезопасности сообщал, что в связи с болезнью вынужден находиться на постельном режиме, и предлагал временное исполнение обязанностей министра передать Питовранову, возложив на него также «участие в допросах по делу Абакумова») Евгений

Петрович 6 дней (до 9 августа 1951 г., когда министром МГБ был назначен Игнатьев) в качестве врио министра подписывал все докладные записки МГБ СССР на имя Сталина.

Через две недели, 26 августа 1951 г., было сформировано новое руководство МГБ. Первым заместителем остался Огольцов, но была введена, едва ли не впервые в истории ВЧК-МГБ, должность еще одного первого зама, которую занял Гоглидзе. Были сняты с постов Блинов, Селивановский, Королев, Макаров, Аполлонов. Их места заняли генерал-лейтенанты Н.П. Стаханов (по войскам) и П.Н. Мироненко (политработа в войсках), генерал-майоры А.А. Епишев (бывший первый секретарь Одесского обкома и секретарь ЦК КП(б) Украины, в МГБ ведал кадрами) и Кондаков, полковники И.Т. Савченко (бывший завсектором отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК) и С.В. Евстафеев (бывший зам. управделами СМ СССР). Питовранов был вновь вновь утвержден в должности заместителя министра госбезопасности СССР. Казалось, ему, как и Огольцову и Блинову, не попавшими под репрессии, не будет поставлена в вину совместная работа с Абакумовым (в отличие от ближайших сотрудников арестованного министра по «Смершу» — заместителей министра Н.Н. Селивановского, Н.А. Королева, секретаря парткома МГБ В.П. Рогова, начальника Секретариата министерства И.А. Чернова). Но клановая борьба в МГБ и стремление высшего руководства найти виновников «провалов» — настоящих и мнимых — пагубно отразились на судьбе бывшего начальника контрразведки.

10 октября 1951 г. исполняющий обязанности начальника следственной части МГБ полковник М.Д. Рюмин (ранее «разоблачивший» Абакумова) направил И.В. Сталину и Г.М. Маленкову записки о недостатках в работе 2-го Главного управления МГБ (материалы были подготовлены бывшими подчиненными Питовранова). Также он сигнализировал о том, что Е.П. Питовранов, его преемник во 2-м главке Ф.Г. Шубняков, заместитель начальника 2-го ГУ МГБ генерал-лейтенант Л.Ф. Райхман и другие чекисты были тесно связаны с Абакумовым.

В записке, среди прочего, Питовранов и его сотрудники обвинялись «в практической бездейтельности по выявлению сотрудников нелегальной разведки Великобритании МИ-6 и их агентуры на территории Советского Союза».

Генерал А.В. Киселев так характеризует этот документ:

«Невдомек было ни авторам этой фальшивки, ни высоким партийным деятелям, санкционировавшим арест, что все изложенное в «Записке» являлось несусветной чушью, поскольку та самая английская разведка никогда не имела в своих порядках нелегальной службы, и поэтому "ее нелегалы и их агентура" никак не могли объявиться на бескрайних просторах нашей страны.

Понятно, сам Рюмин в силу профессиональной ограниченности мог этого не понимать, но сам-то автор (записки. — *Авт.*) был достаточно грамотным контрразведчиком. Значит, «липовал» он вполне сознательно. Это еще раз, хоть и косвенно, подтверждает версию об оказанном на него давлении».

20 октября Рюмин был назначен заместителем министра госбезопасности СССР (одновременно стал начальником следственной части).

В ночь на 29 октября 1951 г. Евгений Петрович Питовранов был арестован в квартире по обвинению в антисоветской деятельности, вредительстве, участии в «сионистском заговоре в МГБ, возглавляемым Абакумовым».

Через десятилетия Евгений Петрович вспоминал:

«Стук надзирателей в железные двери камер гулко прокатывался по тюремным коридорам, возвещая начало очередного дня. Ровно шесть утра. Заправив постель, как того требовали правила тюремного распорядка, начинал утреннюю зарядку. Ежедневно, невзирая на настроение и состояние, преодолевая подчас боль от перенесенных побоев. Лишенный свежего воздуха, на маленьком пятачке камеры пробегал до десяти километров. Без привычных физических нагрузок было бы трудно, даже невозможно выдержать все издевательств не только над плотью, но, прежде всего, над духом.

И еще в ту темную годину vyruchala любовь к поэзии, к родному слову, русской,

глубинно народной песне. Редкий день не баловал себя собственным концертом. И откуда только память извлекала уже давно, казалось, забытые народные песни? И сколько же в них оказывалось светлого добра, сердечности, искренней грусти...

Обычно у двери, с другой, естественно, стороны собирались и зрители. Стояли всегда тихо, прекращая всякие разговоры — их, видимо, удивляли старинные и напевные сказки, где героями всегда были «лихие», но честные и отважные люди».

В камере с Питоврановым недолгое время сидел бывший следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР, известный автор детективного жанра Лев Шейнин, также арестованный по делу о «сионистском заговоре» (ранее они не встречались, и генерал представился сокамернику инженером, работавшим в ГДР и потерявшим важные документы).

23 апреля 1952 г. из тюрьмы Питовранов направил министру госбезопасности Семену Денисовичу Игнатьеву письмо для передачи Сталину. В 80-е годы Питовранов рассказывал известному впоследствии сталинскому биографу генерал-полковнику Д.А. Волкогонову о том, что он не возлагал никаких надежд на справедливость вождя и потому написал не о своей невинности, а высказал конкретные предложения по улучшению работы разведки и контрразведки.

Дальше произошло «чудо», которого не дождался ни один видный чекист, арестованный, начиная с 1937 г., с санкции Сталина.

1 ноября 1952 г. по личному указанию Сталина Питовранов был выпущен на свободу и откомандирован в распоряжение Управления кадров МГБ СССР. «Чудо» состояло не только в том, что такой высокопоставленный чекист был освобожден, а не расстрелян, как это происходило ранее (по делу о «сионистском заговоре Абакумова в МГБ» при Сталине расстрелять никого не успели), но и в самом факте возвращения ранее арестованного на службу в органы госбезопасности.

Здесь мы вернемся к событиям в истории контрразведки в 1951–1952 годы.

После того, как 31 декабря 1950 г. решением Политбюро ЦК Е.П. Питовранов был назначен заместителем министра госбезопасности СССР, начальником 2-го ГУ с 3 января 1951 г. стал полковник Ф.Г. Шубняков, с 1949 г. работавший заместителем начальника управления (одновременно был назначен членом Коллегии МГБ). Но уже в ноябре этого же года он был арестован вместе с Питоврановым. 2-е ГУ МГБ возглавил министр госбезопасности Белорусской ССР генерал-лейтенант Л.Ф. Цанав, ставший одновременно заместителем министра госбезопасности СССР. Как руководитель ведомства он оказался еще менее долговечным, чем его предшественник и в феврале 1952 г. был освобожден от всех должностей. Его сменил на посту заместителя министра МГБ — начальника 2-го ГУ — бывший начальник Питовранова по Горьковскому управлению НКВД генерал-лейтенант В.С. Рясной, работавший в контрразведке еще до войны, а перед назначением работавший заместителем министра внутренних дел СССР. Заместителями начальника 2-го ГУ тогда же были назначены полковники О.М. Грибанов и С.Н. Лялин (бывший партийный работник).

Следующие изменения предполагалось произвести по итогам работы Комиссии ЦК КПСС по реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб МГБ СССР, образованной в ноябре 1952 г. по инициативе Сталина.

Именно в состав этой комиссии 20 ноября вошел освобожденный из тюрьмы Питовранов.

30 декабря 1952 г. было принято решение бюро Президиума ЦК КПСС об объединении 1-го (внешняя разведка) и 2-го (контрразведка) Главных управлений, бюро № 1 Отдела «Д» (активные мероприятия), а также ряда подразделений 4-го (розыскного), 5-го (секретно-политического) и 7-го (оперативного) управлений МГБ в Главное разведывательное управление (ГРУ) МГБ СССР. Это решение было объявлено приказом МГБ от 5 января 1953 года. Начальником ГРУ МГБ был назначен первый заместитель министра госбезопасности генерал-лейтенант С.И. Огольцов, его заместителями — генерал-майор Питовранов (он же начальник 1-го управления ГРУ (разведка за границей)) и

генерал-лейтенант В.С. Рясной (он же — начальник 2-го управления ГРУ (контрразведка внутри страны).

Однако в связи со смертью Сталина этот проект остался на бумаге и не был реализован. Штаты новых подразделений не были утверждены. Но был сформирован в связи с новыми задачами 13-й (антисионистский) отдел 2-го управления ГРУ МГБ.

Не забыли и о подлинных националистах, 15-й год борющихся с «Советами» с оружием в руках. 30 декабря 1952 г. ЦК КПСС принял постановление о нанесении окончательного удара по оуновцам и «лесным братьям». 24 января 1953 г. был издан приказ МГБ СССР «О мерах по ликвидации националистического подполья и его вооруженных банд в западных областях Украинской и Белорусской ССР, в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР».

В марте 1953 г., в ходе новой реформы органов госбезопасности, Питовранов, недолго пробывший начальником разведки, также занял не последнее место в бериевском МВД. 17 марта он был назначен заместителем начальника 2-го ГУ. Так теперь называлась разведка, начальником которой стал Рясной (под его началом Питовранов уже служил в Горьком). Старый контрразведчик Рясной в разведке ранее не работал, как, впрочем, и Питовранов.

Уже через 2 месяца он вернулся в контрразведку. 21 мая он был назначен первым заместителем начальника 1-го ГУ (так теперь называлась контрразведка) МВД СССР Петра Васильевича Федотова. Но не задержался и здесь.

16 июля 1953 г., уже после ареста Берии и его первого заместителя- куратора разведки и контрразведки Богдана Кобулова — генерал Питовранов был направлен в столицу Германской демократической республики — Берлин в качестве уполномоченного МВД СССР в Германии. После образования Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР 10 мая 1954 г. был, по совместительству, назначен заместителем Верховного комиссара СССР в Германии и, одновременно, 18 мая — начальником Инспекции по вопросам безопасности при Верховном комиссаре, образованной на базе Аппарата уполномоченного. С декабря 1955 г. его должность именовалась «старший советник — руководитель Аппарата старшего советника КГБ при СМ СССР при МГБ ГДР».

Так менялось название должности руководителя советских спецслужб в берлинском районе Карлсхорст. За это время также сменились на Лубянке министры внутренних дел — маршал Лаврентий Павлович Берия и генерал-полковник Сергей Никифорович Круглов, впервые прозвучало название «КГБ» — Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР, председателем которого стал генерал армии Иван Александрович Серов.

В Германии Питовранов оказался в сложнейший момент истории ГДР — важнейшего форпоста будущего «социалистического содружества» (в то время употреблялся термин «страны народной демократии»).

Работа чекистов в Германии началась с момента вступления Красной Армии на немецкую землю в 1945-м. В том же году здание бывшего военного училища в Карлсхорсте стало почти на полвека штаб-квартирой многократно менявших название спецслужб Советского Союза. В первые послевоенные годы в этом окраинном, мало пострадавшем в ходе битвы за столицу Германии юго-восточном пригородном районе Большого Берлина (именно там был подписан в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. акт о капитуляции Германии) расположились учреждения Советской Военной администрации, управлявшие оккупационной зоной. Здесь же дислоцировались в здании бывшего госпиталя СС и штаб-квартиры советских разведывательных и контрразведывательных структур — НКГБ, а затем МГБ и КГБ, Главного управления контрразведки «Смерш» НКО (до 1946 г.). Первая такая структура была создана летом 1945 г. прибывшим в Берлин заместителем наркома НКВД СССР генерал-полковником Иваном Серовым, будущим первым председателем КГБ СССР и начальником ГРУ.

Быстрыми темпами была создана эффективная система разветвленных агентурных сетей, охватывавших не только Восточную, но и Западную Германию. Нити тянулись из восточной части Берлина в Западную Европу, Соединенные Штаты, Латинскую Америку, на

Ближний Восток.

Разведывательные и контрразведывательные структуры МГБ — КГБ создали Министерство государственной безопасности ГДР и восточно-германскую внешнюю разведку, которая стала одной из лучших в мире. С 1945-го по 1956-й год советники с Лубянки безраздельно командовали службами безопасности и разведки Восточной Германии. Представительство НКГБ/МГБ возглавляли генерал-лейтенант Николай Ковальчук, полковник Семен Давыдов. Вся Восточная Германия была разделена на районы, каждый со своим штабом НКГБ/МГБ, которые, в свою очередь, подразделялись на округа, контролируемые оперативными группами. Этот колоссальный аппарат осуществлял наблюдение за политическими партиями, церковью, профсоюзами и направлял процесс советизации.

Карлсхорст стал также крупнейшей зарубежной базой внешней разведки для операций против Запада. Была создана отдельная база в Лейпциге, которая занималась нелегалами. В 1947–1951 гг. внешняя разведка не входила в систему госбезопасности, подчиняясь Комитету информации при Совете Министров СССР. В связи с этим 19 апреля 1950 г. в Берлине были организованы 3 резидентуры КИ — в советской дипломатической миссии (руководитель — полковник Василий Ситников), советской части Союзного контрольного совета (Елисей Сеницын, впоследствии генерал-майор КГБ) и в Управлении советским государственным имуществом. Общее руководство всеми тремя резидентурами осуществлял советник Советской контрольной комиссии генерал-лейтенант Иван Ильичев, бывший во время войны начальником ГРУ. Эти резидентуры были расформированы в январе 1952 г., и с этого времени вся разведдеятельность в Германии находилась в ведении разведки МГБ (затем МВД-КГБ). Уполномоченными МГБ-МВД в Германии были генерал-майор Михаил Каверзнев и полковник Иван Фадейкин, которому довелось в июне 1953 г. столкнуться с политическим кризисом — первым в странах «советского блока».

Непосредственным поводом к волнениям была политика руководства ГДР (Вальтер Ульбрихт, Вильгельм Пик, Отто Гротеволь). Так, начиная с июля 1952 г. правительство ГДР регулярно повышало ежемесячные и годовые задания роста производства и нормы выработки. 16 мая 1953 г. решением Политбюро ЦК СЕПГ нормы были повышены на 10 %. После чего зарплата рабочих сразу упала с 3-х до 1-й марки в час. Это и послужило причиной забастовки берлинских строителей.

Уполномоченный МВД СССР в Германии полковник Фадейкин докладывал первому заместителю председателя Совета Министров СССР и министру внутренних дел СССР Берии:

«...Волнения рабочих в демократическом секторе Берлина начались еще 11–12 июня с. г. Рабочие строительных объектов собирались группами, обсуждая создавшееся положение в связи с "изменением политического курса" Правительства ГДР».

Тогда же в западных секторах Берлина активизировались различные неправительственные организации — НТС, «Группа борьбы против бесчеловечности», «Восточное бюро», «Союз немецкой молодежи» и другие, связанные с ЦРУ США и СИС Великобритании. Их агентура и специально организованные из числа безработных Западного Берлина группы провокаторов распространяли среди населения ГДР листовки и слухи антиправительственного содержания. 16 и 17 июня они сеяли панику и подстрекали демонстрантов к массовым беспорядкам, во главе штурмовых отрядов приступом брали центры власти: здания СЕПГ, МГБ, полицейские участки и тюрьмы.

Из толпы звучали политические призывы: «Долой СЕПГ!», «Мы требуем свободных выборов и единого Берлина!» Собравшиеся у здания ЦК СЕПГ демонстранты хором и через захваченную радиоустановку стали требовать выхода к ним Вильгельма Пика. Вышедшие к толпе несколько партийных функционеров подверглись нападению и избиению.

С наступлением ночи беспорядки на улицах прекратились. Рабочие разошлись по домам, лишь группы молодежи не покидали Александер платц и Унтер-ден-Линден.

Поздно ночью 17 июня Фадейкин докладывал Берии:

«...В течение дня выдвигаемые со стороны забастовщиков требования приобретали все более политический характер. В частности, в ряде групп высказывались требования о перевыборах фабрично-заводских комитетов на всех берлинских предприятиях, об отмене всех ограничений движения между секторами Берлина, а также о предоставлении всем желающим права свободного проезда в Западную Германию и обратно.

По наблюдениям агентуры в течение дня и вечером 16 июня с. г. со стороны бастующих не было выдвинуто ни одного лозунга против Советского Союза. Все выпады направлены исключительно против Правительства ГДР и СЕПГ... По имеющимся данным, в организации демонстрации активную роль играли лица из Западного Берлина.

Так, накануне демонстрации объекты в демократическом секторе объезжала машина с западноберлинскими номерами, в которой сидели 6 лиц, призывавших рабочих строек к забастовке. 15 июня из района Райникендор (французский сектор Берлина) распространялись обращения к рабочим тормозного завода "Кнорр-Бремзе" и шинного завода «Райфен-Мюллер» с призывами к забастовке и возвращению этих предприятий их прежним владельцам.

Во время демонстрации во главе колонны двигались группы молодых немцев (частично в прозодежде, главным образом на велосипедах западных марок), которые осуществляли роль связников, а также подстрекали демонстрантов к выкрикиванию тех или иных лозунгов.

Эти же группы останавливали по пути следования колонны трамваи и автомашины, предупреждая о том, что на завтра намечается всеобщая забастовка. При этом высказывали прямые угрозы в отношении тех, кто будет завтра работать...»

В ту же ночь в Карлсхорсте в резиденцию советского верховного комиссара в Германии Владимира Семенова почти в полном составе прибыли члены Политбюро ЦК СЕПГ на совещание с главнокомандующим Группы советских войск в Германии генерал-полковником Андреем Гречко и уполномоченным МВД СССР в Германии Иваном Фадейкиным. Руководители ГДР требовали от Семенова, Гречко и Фадейкина введения в Берлине и других городах военного положения.

С утра 17 июня положение ухудшилось, о чем Фадейкин сообщал в Москву:

«К 7.00 17 июня большие толпы стали собираться в разных частях города и направляться по Сталиналле к центру. Забастовали заводы «Кабельверке», шарикоподшипниковый завод в Лихтенберге и другие.

В 7.30 около 2 тыс. чел. собралось на Маркс-Энгельс-платц, свыше 2 тыс. чел. — на Сталиналле, около 2 тыс. чел. — у вагоноремонтного завода в Шеневайде, свыше 500 чел. — на Унтер-ден-Линден. Всего свыше 8 тыс. чел. Количество демонстрантов растет и точно установить невозможно. Полиция не справляется с порядком».

Ранее Берия дал указание: «Сохраняя выдержку и спокойствие, взять под охрану все важные государственные и общественные объекты. Военную силу применять в случае крайнего обострения обстановки».

По приказу Гречко приведенные в полную боевую готовность советские войска выдвинулись на заданные позиции. Ульбрихт настаивал на дополнительной переброске в город советских воинских частей из северных районов ГДР. Но Гречко отказал, посчитав, что это может обострить и без того накаленную обстановку.

В 9 часов утра Фадейкин сообщил Берии:

«Во исполнение Вашего указания с 6.30 17 июня все важные объекты: радиостанция, почта, телеграф, вокзал и мосты — заняты советскими войсками.

Организовано патрулирование советских войск в районах расположения ЦК и правительственных учреждений. К зданию ЦК, где в настоящее время находится весь состав Политбюро, подтянут полк казарменной полиции.

Забастовки и демонстрации, по всем данным, организовано руководятся из Западного Берлина. Однако органы государственной безопасности прозевали это. Министр государственной безопасности Цайссер весь день 16 июня заседал на Политбюро, переложив работу по обеспечению государственной безопасности на своего заместителя Мильке.

Последний в течение всего дня 16 июня недооценил всей серьезности создавшегося положения и не обеспечил проведения неотложных мер по выявлению и аресту зачинщиков и активных участников демонстрации, ссылаясь на запрет со стороны Ульбрихта прибегать к арестам...»

К этому времени общее число участников антиправительственной демонстрации в Берлине превысило 50 тыс. человек. Одна из колонн численностью свыше 10 тыс. человек, преодолев полицейские заграждения, прорвалась к зданию правительства ГДР. Впервые за время забастовки прозвучали угрозы в адрес советских патрулей. Отдельные митингующие выкрикивали: «Оккупанты — домой!»

В 11 часов отряды демонстрантов, преодолев сопротивление полицейских и советских военных патрулей, заняли здания ЦК СЕПГ и правительства ГДР, разоружили и избili полицейских. Прибывшие из западных секторов Берлина группы молодежи (около 900 человек) начали погромы и поджоги магазинов, на границе секторов начался пожар Таможенной службы ГДР. Были захвачены штаб-квартиры Национального фронта, Центрального совета профсоюзов и Общества советско-германской дружбы.

Не лучше было положение в провинции. Фадейкин сообщал в МВД СССР:

«...В гор. Магдебурге демонстранты штурмуют здания почтамта и тюрьмы.

В гор. Биттерфельде бастующие совершили нападение на здание окружного отдела МГБ ГДР, сняли охрану и захватили ее оружие.

В гор. Лейпциге мятежники ворвались в здание суда, захватили городскую радиостанцию и передают выступление с антиправительственными призывами.

В гор. Мерзебурге толпа ворвалась в городской отдел МГБ, разгромила его и забрала с собой начальника горотдела Клауберга. В настоящее время толпа штурмует Мерзебургскую тюрьму. Идет перестрелка. Разгромлен окружной комитет СЕПГ.

На Мюлленштрассе (демократический сектор Берлина) мятежники арестовали заместителя премьер-министра ГДР, председателя Христианско-демократического союза ГДР Отто Нушке и сдали его в 109-й участок штурмовой полиции (Западный Берлин).

Банды западноберлинской молодежи прорвались на стадион имени Людвиг Яна и занялись погромами. Около моста «Свободы», соединяющего Потсдам с территорией американского сектора Берлина, с американской стороны собралось до трех тысяч немцев. Около здания рейхстага в английском секторе Берлина сосредоточилась большая толпа жителей с целью прорыва в демократический сектор.

По предварительным данным, примерно до 25 процентов мятежников составляют жители западных секторов Берлина.

Верховным комиссаром т. Семеновым по согласованию с тт. Гротеволем, Ульбрихтом и другими членами Политбюро ЦК СЕПГ принято решение власть передать командованию советских войск.

МГБ ГДР не проявляет необходимой активности, в связи с этим нами принято решение прикомандировать к руководству МГБ зам. уполномоченного МВД СССР т. Моргачева и полковника т. Макарова...»

На советские танки, выведенные на улицы Восточного Берлина, демонстранты начали бросать камни и бутылки с зажигательной смесью, ломали антенны и заливали смотровые щели бензином. Танкисты вынуждены были открыть огонь.

При поддержке танков советские офицеры и солдаты, сотрудники МГБ и полиции очистили от мятежников здания ЦК СЕПГ и правительства. Гораздо большее сопротивление мятежники оказали в Магдебурге. В других городах также:

«...В старом Дрездене демонстранты дошли до 4-го полицейского участка, ворвались туда и требуют оружия. Общее количество демонстрантов-7 тысяч человек.

В гор. Герлице мятежники взяли штурмом тюрьму и освободили всех заключенных.

Немецкая полицейская городская тюрьма в гор. Галле захвачена бастующими, что делается там, пока неизвестно» (сообщение Фадейкина в МВД СССР).

К утру 18 июня советские войска, сотрудники аппарата уполномоченного МВД СССР в

Германии, МГБ и полиции ГДР ликвидировали вооруженное сопротивление в Дрездене, Бранденбурге и Гере.

В 11.00 Фадейкин докладывал Берии:

«В результате действий советских войск и введения военного положения в Берлине и ряде других крупных городов положение в республике почти нормализовано.

Промышленные и коммунальные предприятия сегодня начали работать. Явка рабочих составляет от 70 до 100 %. Намечавшийся забастовщиками срыв снабжения Берлина продовольствием, электроэнергией и водой осуществить им не удалось... По предварительным данным, в результате столкновения мятежников с нашими войсками в Берлине убиты 2 и ранены 28 человек. В Магдебурге убиты и ранены 56 человек. По остальным городам сведения собираются и будут сообщены дополнительно...»

19 июня в Берлин для координации действий прибыл член коллегии МВД СССР, начальник 3-го Управления (военной контрразведки) генерал-полковник Сергей Гоглидзе. В 13 часов того же дня вместе с Фадейкиным он сообщил Берии:

«...В 17.00 18 июня с. г. забастовки рабочих в подавляющем большинстве населенных пунктов ГДР прекращены. К исходу дня продолжало бастовать незначительное число предприятий.

В течение дня 18 июня отношения между советскими солдатами и населением Берлина заметно улучшились. Наши солдаты за время событий вели себя дисциплинированно.

Уже вчера можно было наблюдать на улицах Берлина мирные беседы советских военнослужащих с населением...»

В том же донесении Фадейкин и Гоглидзе сообщали:

«...Из поступивших агентурных и официальных данных видно, что некоторые члены СЕПГ принимали активное участие в волынках и забастовках. Организаторами и руководителями значительной части забастовочных комитетов на предприятиях являлись функционеры немецких профсоюзов.

Член ЦК СЕПГ ХЕНКСТ и министр транспорта и сельскохозяйственного машиностроения ВАЙНБЕРГЕР по прибытии в Росток на переговорах 18 июня со стачкомом верфи «Варнов» вели себя трусливо и дали бастовавшим невыполнимые обещания, а когда те потребовали отставки правительства, не отвергли этих пунктов.

О широком недовольстве среди членов партии свидетельствует то, что за последние два дня по округу Котбус вышло из СЕПГ около 100 человек... многие рабочие, служащие, интеллигенция высказывают недоверие способности правительства... Особенно резкие высказывания имели место в отношении В. УЛЬБРИХТА... Партийные функционеры не пользуются авторитетом среди рабочих...»

По данным Фадейкина и Гоглидзе на 22 часа 15 минут 18 июня 1953 г., «...с начала возникновения событий повстанцами убито 7 и ранено 151 чел. служащих немецкой народной полиции и лиц из числа демократически настроенных граждан.

В вооруженных стычках с повстанцами убито 21 и ранено 126 бунтовщиков...»

Всего в Восточном Берлине и по всей республике в акциях протеста приняло участие: 17 июня — свыше 470 тыс. человек, 18-го — свыше 242 тыс., 19-го-около 50 тыс., 20-го — 13 тыс. Всего было задержано 8844 человека. В первые дни, когда на улицах городов происходили массовые беспорядки, 18 наиболее активных их участников расстреляли по приговорам военных трибуналов. После фильтрации 3369 человек вышли на свободу, 1832 — остались под арестом. Проверка остальных 3643 человек продолжалась до середины июля 1953 года.

Спецслужбы блока НАТО не остались в стороне от событий в ГДР. Советская радиоконтрразведка зафиксировала активную работу в эфире Мюнхенского разведцентра. В городе Гросспашлебен военные контрразведчики Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) захватили радиста американской резидентуры Винтцлера во время работы на радиопередатчике. Оперативной группе уполномоченного МВД СССР в Германии удалось задержать другого ее агента-радиста, жителя города Галле Эккариуса. Оба на

следствии сознались, что были завербованы американцами во время своих выездов в Западный Берлин.

В таких условиях приступил к работе в Германии Питовранов. Он действовал в тесном контакте с сотрудниками МГБ ГДР — министром Эрнстом Волльебером и начальником разведки Маркусом Вольфом, с которым он познакомился еще в Москве на приеме в посольстве ГДР в честь Дня Победы в 1951 году.

Под руководством Питовранова была успешно проведена операция по передаче дезинформации западным спецслужбам через ставший известным советским чекистам тоннель, прорытый американцами и англичанами в Восточном Берлине для прослушивания советских коммуникаций.

Вот как сам он рассказывал об этом А.В. Киселеву:

«Питовранов получил санкцию Председателя КГБ на проведение операции. Разумно полагая, что вскрытие туннеля сопряжено со значительным объемом земляных работ, которые следует провести очень быстро и технически безупречно, чтобы не повредить установленную американцами уникальную аппаратуру, он решил привлечь к операции саперное подразделение из Группы советских войск в ГДР.

Наведя командующего Группой маршала Гречко (в то время генерал-полковник. — *Авт.*), он в общих чертах раскрыл перед ним суть предстоящих работ.

Маршал тут же отдал все необходимые распоряжения, но едва за Питоврановым захлопнулась дверь, связался с министром обороны Жуковым и доложил о предстоящей операции. Тот, в свою очередь, не замедлил известить об этом Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева.

Саперы быстро перекрыли тоннель, оборудованный американцами с расчетом на продолжительное использование. Трофеи — новейшая техника подслушивания — оказались бесценными. Об успехе Питовранов сразу же доложил в Москву.

— Молодцы! — коротко резюмировал его доклад Председатель КГБ Иван Серов.

Через несколько минут раздался встречный звонок. Гнев Серова выплескивался из телефонной трубки:

— Что ж ты сам лезешь к Хрущеву и меня в дураках оставляешь?! Он со мной и разговаривать не стал — ему, говорит, уже все известно! Откуда, я тебя спрашиваю? Как не от тебя? Наверное, от военных? Да какие тут еще военные, им-то откуда знать? Ах, сам рассказал лично Гречко? Ну и дурак! Работаешь хорошо, а язык попридерживать еще не научился! — Председатель бросил трубку».

При Питовранове же произошел известный случай перехода на нашу сторону первого президента Федерального ведомства по охране конституции (контрразведки и политической полиции) ФРГ Отто Йона.

Отто Йон родился в 1909 года в семье землемера в Марбурге. Юрист по образованию, работал в авиакомпании «Люфтганза», возглавлял ее представительство в Мадриде. Он участвовал в антигитлеровском заговоре 20 июля 1944 г., после провала которого бежал в Португалию, оттуда в Великобританию, где работал на антинацистской радиостанции союзников «Кале». Вернувшись после войны в Германию, он работал в английском представительстве на Нюрнбергском процессе, занимался адвокатской практикой. С декабря 1950 г. Йон был исполняющим обязанности руководителя Федерального ведомства по охране конституции, а с 1951 г. первым президентом этой спецслужбы. Он был ярким противником реабилитации бывших нацистов в ФРГ, из-за чего испортил отношения с канцлером Конрадом Аденауэром.

Вечером 20 июля 1954 г. Йон, приехавший в Западный Берлин на церемонии, связанные с 10-летием антигитлеровского заговора (в этот день в 8 часов вечера была назначена его встреча с офицерами британской секретной службы) перешел в Восточный Берлин вместе со своим другом врачом Вольгемутом. Впоследствии Йон утверждал на процессе против него в 1956 г. и в мемуарах, что был переправлен через границу в состоянии наркотического опьянения (при помощи Вольгемута, который был, по его мнению,

советским агентом) и пришел в себя лишь 22 или 23 июля, когда его доставили на одну из вилл КГБ в Карлсхорсте. 22 июля радио ГДР сообщило о переходе Йона и передало заявление от его имени:

«Из-за конфронтации между Востоком и Западом Германии угрожает опасность остаться навеки разделенной. Назрела необходимость с помощью демонстративного поступка призвать всех немцев выступить за воссоединение страны. Поэтому в годовщину событий 20 июля я предпринял решительный шаг и установил контакт с немцами на Востоке». Правительство ФРГ заявило о похищении Йона.

11 августа на пресс-конференции в столице ГДР Йон выступил с заявлением, в котором обвинял Аденауэра и его американских союзников. Через две недели его переправили в СССР. В Москве и Крыму он пробыл до 7 декабря 1954 года. Затем вернулся в ГДР, где участвовал в пропагандистских акциях против боннских властей.

12 декабря 1955 г. Йон, прибывший в здание Университета Гумбольдта, из другого выхода вместе с датским журналистом Хенриком Бонде-Хенриксеном и в его машине, беспрепятственно пересек границу секторов и прибыл в Западный Берлин, а оттуда в тот же день вылетел в Кёльн, затем в Бонн. Через 10 дней после возвращения в ФРГ он был арестован, и 22 декабря 1956 г. он был приговорен к четырем годам тюрьмы за «антигосударственную деятельность». В конце июня 1958 г. Йона досрочно освободили, до самой смерти 26 марта 1997 г. он боролся за реабилитацию.

Недавно рассекреченное досье Йона (24 тома документов МГБ ГДР) дает представление о беседах или допросах перебежчика, проведенных берлинскими и советскими чекистами. Он многое рассказал о разведчиках из БНД (ведомства генерала Гелена) и западных спецслужб в Германии, об агентах, внедренных в «неофашистские и военизированные организации».

Ветераны КГБ впоследствии рассказывали о «деле Йона». Работавший с ним полковник внешней разведки КГБ Виталий Геннадиевич Чернявский (1920–2005), бывший с сентября 1953 по январь 1956 г. начальником разведывательной службы аппарата уполномоченного МВД-КГБ в ГДР, вспоминал:

«Это была операция КГБ. Все случившееся с Йоном происходило по разработанному нами плану. Йон добровольно прибыл в Восточный Берлин, чтобы побеседовать с советскими представителями, остался же он там не совсем добровольно».

КГБ подготовил два варианта использования Йона. Первый, по Чернявскому, предусматривал его использование как «чистого агента». Курировавший мероприятия генерал Евгений Питовранов высоко отзывался о личных качествах Йона: «Он был искренний и честный человек. Он резко осуждал многое, что творилось тогда в Западной Германии». «Возвращайтесь назад, — убеждал Питовранов Йона, — и поддерживайте советскую разведку на посту, который вы занимаете».

Но, как бы ни был Йон подавлен, такую перспективу он отверг. Тогда Чернявский пустил в ход второй вариант: «Использование в политических целях. Чтобы достичь эту цель, мы хотели задержать его в Восточном Берлине на длительное время».

К декабрю 1955 г. КГБ потерял к Йону всякий интерес. Да и планы воссоединения Германии к тому времени были отложены в долгий ящик. «Йон чувствовал себя обманутым», — вспоминал Виталий Чернявский. Он оказался в положении соблазненного и покинутого. Его судьбу решил первый председатель КГБ генерал-полковник Иван Серов: «Если хочет, может отправляться обратно. Мы не станем его задерживать».

В марте 1957 г. Питовранов был отозван из Германии. Его работа была отмечена орденами Красного Знамени (август 1954), Красной Звезды (ноябрь 1954), званием генерал-лейтенанта (14 января 1956).

Преемники Питовранова в ГДР генералы Александр Михайлович Коротков, Алексей Алексеевич Крохин, Иван Анисимович Фадейкин, Анатолий Иванович Лазарев, Василий Тимофеевич Шумилов, Геннадий Федорович Титов, Анатолий Георгиевич Новиков и их многочисленные сотрудники (Представительство КГБ в ГДР, действовавшее на правах

управления центрального аппарата, насчитывало несколько сот человек и подчинялось непосредственно председателю КГБ, в оперативных вопросах — начальнику ПГУ КГБ) при содействии работников МГБ ГДР более чем за 30 лет успешно провели ряд операций (внедрение в правительства Аденауэра и Брандта, а также в западногерманскую Федеральную разведывательную службу ценной агентуры, в частности в 1949 г. был завербован Хайнц Фельфе, ставший позднее начальником контрразведывательного отдела западногерманской разведки и получивший в прессе прозвище «немецкий Филби»; приобретение источников важной секретной информации в структурах НАТО) и другие акции.

В 1956 г. после получения ГДР полного суверенитета произошла реорганизация разведывательного и контрразведывательного аппарата Москвы в Карлсхорсте. Был упразднен многочисленный совет — нический отдел, произошло существенное сокращение штатов в других подразделениях.

Огромная, насчитывавшая несколько сот оперативных работников, резидентура — такой никогда и нигде в мире не было, что достойно занесения в книгу рекордов Гиннеса, — значительно уменьшилась в своих размерах. Она превратилась в подразделение по связи КГБ СССР с МГБ ГДР, расположенное в том же Карлсхорсте. Кроме Берлина, небольшие группы офицеров связи КГБ остались в окружных центрах республики. Вести агентурную работу на территории Восточной Германии советским разведчиками и контрразведчикам запретили. Конечно, Москва требовала от них информацию о положении между Одером и Эльбой. И ее добывали, используя только личные контакты, деловые и дружеские, среди граждан ГДР.

Главным для советских разведчиков стала работа против ФРГ, других западных стран и НАТО.

Руководство МГБ ГДР и его Главное управление разведки постепенно начало меньше делиться с Лубянкой полученной ценной информацией. Этот процесс в восьмидесятых годах еще более усилился.

Демократическая перестройка в Советском Союзе, которая привела к объединению Германии, положила конец суперрезидентуре секретных служб Кремля в Карлсхорсте.

После возвращения в Москву, 23 марта 1957 г. Е.П. Питовранов возглавил 4-е (Секретно-политическое) управление и вошел в состав Комитета госбезопасности при СМ СССР. В декабре того же года к 40-летию органов ВЧК-КГБ он был награжден знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Этот период отмечен возобновлением арестов по политическим мотивам после почти полного их прекращения в начале «оттепели» (1953–1956). Аресты в московских и ленинградских студенческих кружках в конце 1956–1957 гг. последовали после событий в Польше и Венгрии.

Согласно принятому «Положению о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах» (утвержденному Президиумом ЦК КПСС 9 января 1959 г.), в задачи КГБ входила также «борьба с враждебной деятельностью антисоветских и националистических элементов внутри СССР», чем и занимались сотрудники 4-го управления. После 5 февраля 1960 г., когда ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О внесении изменений в структуру Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах и сокращении их численности», 4-е управление КГБ было включено в состав 2-го главного управления КГБ. Работой против «враждебных элементов» в контрразведке руководил теперь заместитель начальника 2-го ГУ (с 1961 г.) Филипп Денисович Бобков (впоследствии 1-й заместитель председателя КГБ СССР, генерал армии).

Питовранов 20 февраля 1960 г. был освобожден от должности и переведен в распоряжение Управления кадров КГБ. Его кандидатура ранее обсуждалась для назначения на посты начальника военной разведки — ГРУ (об этом, по словам самого Евгения Петровича, ходатайствовал Серов, но сам был назначен начальником ГРУ после ухода из КГБ в декабре 1958 г.) и председателя КГБ (по свидетельству Ф.Д. Бобкова). В итоге 5 марта

1960 г. он был направлен в Пекин руководителем Аппарата представительства КГБ при внешней разведке КНР. Его предшественник, генерал-майор Владимир Иванович Вертипорох скоропостижно скончался (есть версия о его отравлении китайскими спецслужбами). Уже 18 февраля 1961 г. Питовранов был отозван в распоряжение КГБ. Подробности его работы в Поднебесной в период ухудшения советско-китайских отношений до сих пор неизвестны.

С 27 февраля 1962 г. Питовранов возглавлял Высшую школу КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского и ее Совет. Работая в этом качестве, он способствовал разработке теории контрразведывательного искусства, при нем в «Вышке» появилась первая ЭВМ. Примечательно, что и сам он 29 мая 1964 г. он заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС (философское отделение).

14 декабря 1965 г. решением Секретариата ЦК КПСС Питовранов был освобожден от работы в органах КГБ и 1 февраля 1966 г. уволен в запас по статье 59 пункт «В» (сокращение штатов). Причины такого решения не совсем ясны. Возможно, это связано с борьбой различных группировок в руководстве КГБ в тот период.

После увольнения Питовранова в отставку в 1966 г. он при содействии старого друга Бориса Семеновича Иванова, ставшего к тому времени первым заместителем начальника ПГУ КГБ, становится заместителем председателя, в 1977 г. — первым заместителем председателя, в 1983 г. — председателем президиума Торгово-промышленной палаты СССР.

На новой работе Питовранов не забывал о деле всей своей жизни. Вскоре его потенциал был востребован, при помощи того же Иванова. Рассказывает А.В. Киселев:

«С приходом в 1967 г. в КГБ Ю.В. Андропова Борис Семенович, заручившись поддержкой начальника внешней разведки А.М. Сахаровского, увлек Председателя КГБ предложенной Питоврановым идеей активизации разведывательной работы с позиций торгово-экономических кругов.

Их первая личная встреча состоялась в сентябре 1969 г. на одной из городских конспиративных квартир. Продолжалась она, против обыкновения, несколько часов. Внимательно выслушав Питовранова, Юрий Владимирович не только дал принципиальное согласие на реализацию проекта, но выразил пожелание лично участвовать в этой работе.

По рекомендации Председателя Евгений Петрович своим размашистым, или, как говорили коллеги, «готическим» почерком составил «Докладную» в адрес Л.И. Брежнева, Н.В. Подгорного и А.Н. Косыгина, занимавших высшие партийные и государственные посты. Их согласие поступило в считанные дни».

О встрече с Андроповым Питовранов позднее вспоминал — они беседовали о «работе органов на местах, в Центре, как Центр руководит местными органами, как координируется работа разведки и контрразведки — в общем была обзорная беседа о том, как и чем живет Комитет госбезопасности.

— Ты пойми, — говорил Андропов, — я к этим делам мало имел отношения. Имел, но со стороны. Мне тебя отрекомендовали как опытного и умного человека, вот я и решил поговорить.

Я считал Андропова одним из самых сильных руководителей ЦК, но в деле госбезопасности тогда он был новичок и хотел во все вникнуть. Конец беседы был неожиданным для меня. Андропов сказал:

— Мне известно, что у товарища Сталина твердо сидела в голове мысль о том, что нам нельзя ограничиваться той структурой разведывательной работы, которая существует на сегодня. Должны быть какие-то возможности перепроверки данных, получаемых по линии разведки КГБ, по линии ГРУ. Нужно какое-то дополнение к тому, что они делают. Так, чтобы это было и конспиративно, и полезно для государства. Подумай над тем, какую структуру, параллельную существующим органам госбезопасности, можно было бы предложить. Но прежде всего нужно все взвесить, обдумать и решить принципиально, стоит это делать или не стоит».

В «Фирму» (так стала называться новая структура) Питовранов стремился привлечь

сотрудников госбезопасности. «Из Высшей школы КГБ он пригласил заведующего одной из оперативных кафедр Николая Николаевича Князева, поручив ему, по согласованию с председателем правления ТПП Б. А. Борисовым, все кадровое хозяйство многотысячного коллектива. В «Фирме» ему отводилась роль заместителя по контрразведке. Разведывательное направление он предложил одному из своих советников по Берлинскому аппарату Хачику Геворковичу Оганесяну. Тот был во временной опале за бытовое прегрешение, но Евгению Петровичу удалось его отстоять: он обладал разносторонним разведывательным опытом, гибким, изобретательным умом и высокой работоспособностью, что в условиях «Фирмы» имело особое значение».

Сам Питовранов говорил о своей новой работе: «Моя новая задача, состояла в том, чтобы найти десятка два человек, на которых можно было положиться. Я их нашел. Я не снимал этих людей с их места работы во внешнеторговых структурах, а просто включал в свою орбиту, нацеливал на дополнительные вопросы. Они стали переключаться с конкретных коммерческих операций на серьезные и перспективные оперативные дела. Мы должны были работать стерильно чисто. Ни в коем случае нельзя было допустить того, что кого-то из нас схватят за руку. Мировой скандал будет. Мы опозорим страну, запятнаем навсегда Торгово-промышленную палату, дадим пищу нашим идеологическим и военным противникам. Поэтому я учил ребят: суют тебе шифр — не бери. Тебе предлагают информацию семь верст до небес и все лесом, а ты не слушай никого, никаких документов не бери. Живи своей головой: что у тебя в ней задержалось, о том и доложи, не задержалось — не ври».

В разведке делами «Фирмы» занимался генерал Иванов. По его предложению к работе в новом отделе был подключен сотрудник ПГУ Александр Киселев, благодаря которому мы знаем подробности этой истории.

Все организационные вопросы решались сотрудниками отдела «Ф» с помощником председателя КГБ Евгением Ивановичем Калгиным. «Оперативные, информационные и прочие, принципиально важные», по словам Б.С. Иванова, вопросы докладывались лично Юрию Владимировичу Андропову.

Положение Питовранова в новой структуре было непростым. Б.С. Иванов так объяснял это А.В. Киселеву:

«Питовранов, ты знаешь, боевой генерал с огромным оперативным опытом, и создание «Фирмы» — его личная заслуга. Очень, конечно, важно, что его идею поддержал Андропов. Но сейчас Евгений Петрович на ответственной работе, требующей от него много времени и сил, и поэтому он физически не в состоянии уделять много времени различным техническим вопросам, это наши с тобой проблемы. Но принципиальные аспекты мы прорабатываем с ним самым тщательным образом... и после небольшой паузы добавил, — учти, он уже много лет в отставке... Возможно, что-то изменится, но пока будем исходить из реалий...»

Мне стало понятно, что хлопоты Иванова по возвращению Евгения Петровича в кадры разведки пока не увенчались успехом».

Тем не менее к 1975 г. в двадцати странах мира работали оперработники «Фирмы», «добывая разведывательную информацию в кругах финансистов и предпринимателей».

К середине 70-х «Фирма» стала самостоятельным отделом спецопераций (финансовая разведка, отдел «Ф») Управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ СССР под общим руководством Питовранова (числившегося старшим консультантом) и оперативным — начальника отдела полковника (позднее генерал-майора) Киселева.

Работа в отделе «Ф» сблизила Питовранова с Андроповым. По словам Киселева, атмосфера их встреч была «не просто товарищеской, но искренне уважительной, даже возвышенно-сердечной. В приватной обстановке Юрий Владимирович обращался к Евгению Петровичу не иначе как Женя и даже Женечка».

Питовранов за пятнадцать лет, с 1969 по 1984 год, совершил 184 зарубежных поездки, и «очень редко — без оперативных заданий», по словам А.В. Киселева. Как пример можно привести его пребывание в Португалии после апрельской революции 1974 года. По заданию

Андропова он тайно встретился с новым лидером страны генералом Спинолой и установил прямой конспиративный канал связи между руководством СССР и Португалии, о чем и доложил на заседании Политбюро ЦК КПСС, получив высокую оценку Л. И. Брежнева.

Проводились и другие операции, имевшие внешнеполитическое значение. Был установлен канал связи с премьер-министром Баварии Ф.Й. Штраусом, подготовлена «утечка» информации о негативных высказываниях лидера Югославии Иосипа Броз Тито (в беседах с секретарем ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым и Брежневым) о «еврокоммунизме», приведшее к разрыву отношений с генсеком итальянской компартии Энрико Берлингуэром.

Через «Фирму» осуществлялись деловые контакты с руководством компартий европейских стран.

Сотрудники «Фирмы» оказались причастны и ко внутренней политике, способствовал раскрытию злоупотреблений работников советских загранучреждений (торгпредств и т. п.). «Несколько разработок, которые вел отдел как с позиций Центра, так и за рубежом, завершились нашумевшими судебными процессами. Однако нигде: ни в судебных заседаниях, ни в прессе — не прозвучало ни одной фамилии наших сотрудников. Пусть так и останется, они не тщеславны. Но фамилии их руководителей я назову с гордостью — это были Б.С. Иванов и Е.П. Питовранов».

Прямые контакты Питовранова с Андроповым вызывали недовольство 1-го зампреда КГБ генерала армии Г.К. Цинева и начальника ПГУ В.А. Крючкова, ставшего куратором отдела «Ф» в 1979 г. — после откомандирования Иванова на пост руководителя представительства КГБ в Афганистане (в этот период Питовранов также неоднократно выезжал в Кабул, где встречался, в частности, с Салехом Даудом, дальним родственником свергнутого афганского короля Захир-шаха и крупным предпринимателем).

По мнению А.В. Киселева, Крючков препятствовал возвращению Питовранова в кадры госбезопасности (предполагалось его назначение заместителем председателя КГБ по действующему резерву).

По свидетельству Киселева, Крючков «не знал ни его (Питовранова. — *Авт.*) боевой биографии, ни даже воинского звания. Но почему-то был уверен, что его репутация серьезно пострадала в годы репрессий. Где Владимир Александрович получил такой заряд явно тенденциозной и необъективной информации, осталось неясно, но к моим заверениям, что все это — плод досужих домыслов, он отнесся с некоторым недоверием».

Тем не менее в апреле 1979 г. Питовранов был награжден орденом Ленина.

Вскоре после смерти Андропова (Питовранов периодически навещал его в Центральной Кремлевской больнице) «Фирма» получила тяжелый удар. Заместитель начальника (и парторг) отдела Леонид Кутергин в июле 1984 г. не возвратился из заграникомандировки, оставив в Москве свою семью.

Вот как рассказывает об этом непосредственный участник событий:

«Расследование показало, что этот сотрудник оказался гомосексуалистом, на чем его и завербовали спецслужбы.

Это обстоятельство, как бесспорное, стало известно много позже, а сначала все мы склонялись к версии несчастного случая. Тем более что афганские экстремисты грозились провести террористические акции против советских граждан в ряде европейских столиц.

Эту же версию отстаивал и Евгений Петрович: "Парень из вологодской деревни, из многодетной семьи. Отец погиб на фронте в 1942 году. Война, голод. Заканчивает школу с золотой медалью, едет в Москву, ночует на вокзалах. Без всякого блата поступает в ИНЯЗ — один из престижных вузов. Учится и со второго курса сам становится преподавателем, проявляя исключительные способности и трудолюбие. С четвертого курса становится штатным переводчиком международного отдела ЦК КПСС, регулярно выезжает за границу с правительственными делегациями. Попадает в поле зрения разведки, переходит туда на работу.

Как же человек с такой биографией может струсить и работать на страну, чьи солдаты убили его отца? Нет, здесь что-то не так..."

В жизни оказалось все проще: те же немцы, хозяйничая в смежной стране как у себя дома, как-то прознав о его слабостях, подставили ему опытного агента из «голубых» и отсняли на киноплёнку акт прелюбодеяния.

И взяли его, что называется, голыми руками. Прийти с повинной он не отважился. Хотя именно такой мужественный поступок и освободил бы его от всех последующих душевных мук. Да и наказание было бы не самым суровым — во всяком случае без «отсидки» за решеткой.

Расследование этого эпизода продолжалось около года. К сожалению, вскоре к нему добавились еще два подобных случая в других подразделениях контрразведки.

12 августа 1985 г. все три события рассматривались на коллегии КГБ, в присутствии всего служебного и партийного руководства.

Никогда ранее мне не доводилось присутствовать на таком высоком собрании, а тут — в первый раз и в незавидной роли ответчика, почти подсудимого. С духом совладал, собрался, а вот с мыслями никак не получалось. Но я знал, что Евгений Петрович переживает вместе со мной.

— Выезжаю в направлении Голгофы, — доложил я ему. Он невесело посмеялся:

— Во-первых, распинать на кресте, я думаю, не станут. Главным «именинником» будет сам Владимир Александрович, ему достанется больше всех, но уже под занавес, когда вас всех отпустят. Наш, в частности, недосмотр очевиден, оспаривать не надо... Держитесь, по окончании позвоните, или, лучше, заскочите на минутку. Жду...

Наверное, мне с коллегией КГБ в этот раз не повезло — она скорее напоминала новгородское вече вперемешку с одесским Привозом. И что там перебранка Мюллера с Шеленбергом?! Слышали бы они, как хлестко и безапелляционно критиковали все присутствовавшие одного начальника разведки! Как дружно они срывали на нем какое-то непонятное миру зло! И ни слова о глубинных причинах всех происшедших в разведке неприятностей, и никаких конструктивных мыслей по преодолению тревожной ситуации. Примитивная, набившая оскомину, ничего не дающая псевдопартийная демагогия. Очевидная дань дежурной проформе, и никакой действительной озабоченности опасными тенденциями в собственной Службе, именуемой государственной безопасностью.

Я искренне переживал за своего начальника, отлично сознавая, что его личная вина минимальна, что внешняя разведка состоит из живых людей, что это — частичка того сообщества, которое именуется советским народом, переживающим идейную деградацию и экономическую катастрофу. Под мудрым руководством КПСС.

После краткого обзорного выступления Крючкова, которое и вызвало столь эмоциональную по форме и беспредметную по существу критику, подняли меня.

— Ну доложите, как вы дошли до такой жизни? — небезыскусно сформулировал первый вопрос Председатель КГБ В.М. Чебриков.

Признаться, я сразу не понял, что понимается под «такой» жизнью и, не найдя собственного ответа, спросил:

— Какой такой?

"Вы отвечайте, нечего тут дискутировать!", "Что тут непонятного?" — донеслось из разных мест. — "Да он просто уваливает!"

Сбивчиво и не очень последовательно попытался объяснить, что не хотел "доходить до такой жизни", но и предотвратить ее не сумел.

Наконец услышал спасительное: "Хватит, идите!"

Мне указали на дверь. Секретарь, стенографировавший заседание, тихонько предупредил: "Подождите в приемной".

Вскоре вышел следующий «именинник», за ним — Крючков.

Вердикт оказался скорым и достаточно суровым: мой «коллега» по несчастью схлопотал выговор, мне вынесли более существенный приговор — разжаловать!

Евгений Петрович дожидался меня допоздна. Участливо выслушав, заметил:

— Там за такой же промах — выговор, здесь — разжалование. Видно, нас с вами любят

чуть больше. В недавнем прошлом такое дело пахло тюрьмой, не меньше. Так что будем считать, что нам хоть немного, но повезло... Чем предполагаете заняться?

Никаких планов у меня еще не возникло, но некоторые надежды связывал с наличием ученой степени и приглашениями друзей потрудиться в «закрытых» научных или учебных центрах. К тому же, я еще оставался в ученых советах двух институтов.

— Пойду в науку...

— Если что-то не получится, давайте вместе еще поработаем — в Торговой палате. В принципе хозяйство знаете, а детали освоите на месте. Он по-дружески меня обнял.

Гораздо печальнее оказалось другое решение руководства: «Фирму» со всеми ее местными и закордонными атрибутами ликвидировать, личный состав направить в другие подразделения.

И Евгений Петрович снова, во второй уже раз, вышел в отставку. Тихо, без помпы, без традиционных в таких случаях добрых слов и напутствий. Словно и не было у него шести высоких наград только за руководство Торговой палатой и «Фирмой», как и пятидесяти других боевых и трудовых наград за полувековую и самоотверженную службу Родине... Сам он тепло и сердечно проводил сотни ветеранов на заслуженный отдых, а для него таких слов не нашлось...

Понятно, Председателю Чебрикову опускаться до рукопожатия с опальным генералом было бы непрестижно, да и не знал он, видимо, о самом существовании «Фирмы», а вот застенчивость руководства разведки объяснить трудно».

В 1988 г. Питовранов вышел на пенсию, оставаясь главным советником Торгово-промышленной палаты.

В начале 90-х годов после смены руководства ТПП (ее возглавил бывший первый секретарь Московского горкома комсомола С. Смирнов) Питовранов был уволен из палаты. В последние годы жизни он работал консультантом представительства Итало-российской торговой палаты в Москве.

В сентябре 1995 г. в Москве состоялся процесс по иску Питовранова против тележурналиста Владимира Молчанова по обвинению в клевете (журналист заявил о причастности генерала к убийству председателя Еврейского антифашистского комитета, актера Соломона Михоэлса в 1948 году). На суде выступил в качестве свидетеля защиты бывший начальник контрразведки полковник в отставке Федор Григорьевич Шубняков. Он заявил о своем (и Питовранова) неучастии в убийстве. Его задачей являлось «установление контактов с Голубовым в целях получения информации о настроениях и планах Михоэлса и передача ее Огольцову и министру ГБ БССР Цанаве». Суд закончился мировым соглашением. Молчанов опроверг в эфире свою прежнюю информацию, заявив, что в убийстве Михоэлса виновны высшие руководители Советского Союза и МГБ, а также некоторые подчиненные Питовранова, но не он лично.

В последние годы имя Питовранова появлялось в средствах массовой информации (интервью российским и иностранным журналистам в печати и на телевидении).

2 декабря 1999 г. Евгений Петрович Питовранов скончался во время прогулки в возрасте 84 лет. Сын священника, генерал госбезопасности, возглавлявший в разное время советскую разведку и контрразведку, руководивший крупнейшим по значению и численности представительством КГБ за границей и Торгово-промышленной палатой Советского Союза, сотрудник Сталина и Андропова, свидетель и участник нескольких эпох советской истории, похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

1956–1964 — ЭПОХА ГРИБАНОВА

Новый начальник контрразведки, преемник Федотова Олег Михайлович Грибанов родился 18 июля 1915 года в селе Пянтег (Пянт) Чердынского уезда Пермской губернии в семье крестьянина-бедняка.

Родина будущего генерала была своеобразным местом. «За этими местами закрепились

слава одного из торговых центров Прикамья. Местные купцы, скупая хлеб на нижних камских пристанях, сбывали его севернее по всему течению Печоры. Также пермские торговые люди вели торговлю и "печорскими произведениями", то есть рыбой и мехами. Между тем Чердынская глухомань была краем, куда с давних пор ссылали опальных бояр, пленных шведов, польских повстанцев, народовольцев, большевиков. В 1913–1914 годах в селах Ныроб и Пянтег отбывал ссылку будущий «красный» маршал Клим Ворошилов. Уже в советское время в родном селе Грибанова восстановили дом, где жил ссыльный Ворошилов. Действительно для расселения политических преступников Чердынский уезд был идеальным местом. Единственным «средством» передвижения являлась река Кама: зимой на санях по льду реки, а летом на лодках, баржах и пароходах».

Через год после рождения сына отец Грибанова умер и матери Олега пришлось (из-за тяжелого материального положения) отдать сына на воспитание в детский дом в 1919 году. В 1925 году десятилетний мальчик вернулся в родную деревню.

С 1929 года он жил в городе Чердынь Пермского округа Уральской области и работал учеником продавца в городском обществе потребителей. С 1930 года переквалифицировался в счетоводы (окончил курсы при тресте «Лесосплав») в леспромхозе «Волгокаспийлес». В 1930 году он становится комсомольцем, вскоре — членом бюро Чердынского райкома ВЛКСМ. В январе 1932 года перешел в районный совет Осоавиахима. В том же году 17-летний уральский комсомолец стал чекистом. С июня 1932 года он работал в полномочном представительстве ОГПУ по Уралу: с 10 июня 1932 года — счетоводом Отдела связи районной комендатуры Чердынского отделения связи, а с 1 декабря того же года — делопроизводителем Березниковского отделения связи.

10 марта 1933 года Олег Грибанов был уволен по сокращению штата, но вскоре вновь принят на службу: с 1 мая 1933 года — фельдшером 2-го разряда, отдела связи Чердынского оперативного сектора ПП ОГПУ по Уралу (с января 1934 года, после разделения Уральской области на Свердловскую и Челябинскую, — УНКВД по Свердловской области).

Затем в судьбе молодого чекиста были некоторые осложнения. 1 июня 1935 года он был уволен из органов НКВД, «как привлеченный к уголовной ответственности за совершение преступления до работы в органах НКВД». Что было причиной — неизвестно до сих пор. Видимо, преступление было не слишком серьезным, так как уже с 1 августа 1935 года Олег Грибанов продолжил работу в УНКВД по Свердловской области — фельдшером 2 разряда отдела связи (с 29 октября 1935 года — 1-го разряда). В августе 1936 года он становится помощником инспектора 1-го отделения, а с 15 декабря того же года — инспектором Отдела связи.

Далее карьера медленно, но неуклонно идет вверх. 1 февраля 1938 года Грибанов назначен помощником оперуполномоченного, а 1 февраля 1939 года — оперуполномоченным 5-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по Свердловской области. В то же время, в 1939 году он окончил трехмесячные курсы усовершенствования оперативного состава при Новосибирской межкраевой школе ГУГБ НКВД.

Работая в секретно-политическом отделе Свердловского управления, Грибанов, возможно, имел отношение к Николаю Ивановичу Кузнецову. Будущий Герой Советского Союза и суперагент 4-го управления НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны был в 30-е годы секретным сотрудником органов ОГПУ-НКВД в Свердловске. В 1937 году он был арестован, вскоре освобожден и в 1938 году переехал в Москву.

Карьера Грибанова в Свердловске идет успешно. В 1938 году стал кандидатом в члены партии, партбилет получил через год, в 1939-м.

С 1 августа 1939 года сержант ГБ Грибанов — следователь следственной части, через 2 месяца, 1 октября — старший следователь следчасти, с 1 мая 1940 года — начальник 1-го отделения 2-го отдела (секретно-политического) УГБ УНКВД по Свердловской области. С 20 апреля 1941 года, уже в звании младшего лейтенанта ГБ, возглавлял 1-е отделение СПО УНКГБ, с 20 августа 1941 года — 1-е отделение КРО, с 15 января 1942 года временно

исполнял обязанности заместителя начальника КРО УНКВД по Свердловской области. Через 2 месяца становится лейтенантом, а в феврале 1943 года — старшим лейтенантом ГБ. Еще через неделю, после приведения офицерских званий в системе НКВД в соответствие с армейскими, получает звание майора госбезопасности. С 6 августа 1943 года майор госбезопасности Грибанов — заместитель начальника следственной части, с 26 августа 1944 года — начальник следственного отдела, а с 14 мая 1945 года — заместитель начальника УНКГБ (с марта 1946 года — УМГБ) по Свердловской области.

Уральского чекиста отметили наградами — орденом «Знак Почета» (октябрь 1943), медалями — «За отвагу» (апрель 1940 года «за выполнение заданий правительства по охране государственной безопасности»), «За боевые заслуги» (ноябрь 1944 года, за выслугу лет), «За победу над Германией» (9 мая 1945 года), знаком «Заслуженный работник НКВД (февраль 1943). Самым первым знаком поощрения для 24-летнего чекиста стали часы, врученные в сентябре 1939 года «в ознаменование двадцать второй годовщины ВЧК-ОГПУ-НКВД»).

Уральский период службы подполковника ГБ Грибанова (получившего это звание 29 мая 1945 года) закончился 1 апреля 1947 года, когда он был освобожден от занимаемой должности и отозван в распоряжение Управления кадров МГБ СССР.

Тут необходимо вспомнить, что все 9 лет на оперативной работе в Свердловске Грибанов работал под руководством Тимофея Борщева, бывшего не последним человеком среди соратников Лаврентия Берии.

Борщев, видимо, и «замолвил словечко» за способного сотрудника перед бывшим своим начальником по Закавказью Сергеем Арсентьевичем Гоглидзе, который к этому времени был кандидатом в члены ЦК ВКП(б), генерал-полковником, начальником УМГБ по Хабаровскому краю и уполномоченным МГБ по всему Дальнему Востоку. В итоге 15 мая 1947 года подполковник Грибанов становится заместителем начальника УМГБ по Хабаровскому краю. Через 2,5 года, 28 марта 1950-го, был отозван в распоряжение УК МГБ СССР и 30 июля 1950 года назначен начальником УМГБ по Ульяновской области.

В Ульяновской области полковник Грибанов (получивший это звание в ноябре 1947 года) сменил еще одного бериевского выдвиженца — полковника Никиту Аркадьевича Кримиана, бывшего руководителя госбезопасности в Ярославле и Армении (жизнь его закончилась также, как и у Борщева и Гоглидзе — расстрельным приговором в 50-е за нарушения законности в 30-х-40-х гг.).

По данным историка М. Тумшиса, «перед прибытием Грибанова в Ульяновск местное УМГБ проверяла комиссия обкома ВКП(б) и признала работу местных чекистов неудовлетворительной. Комиссия установила, что «...не был разоблачен ни один агент англо-американских разведок, работа ведется старыми методами, дисциплина в Управлении не на должном уровне, поэтому имеют место аморальные поступки и нерадивое отношение к работе».

На родине Ленина Грибанов пробыл недолго. После смещения с должности и ареста в июле 1951 года министра госбезопасности Абакумова началась «чистка» в МГБ. Коснулась она и контрразведки. Были арестованы начальник 2-го Главка полковник Федор Шубняков, его заместитель генерал-лейтенант Леонид Райхман и другие контрразведчики. Нужны были новые кадры, способные заменить старых чекистов. 3 ноября 1951 года Грибанов вступает в должность и. о. заместителя начальника, а с 4 декабря того же года — заместителя начальника 2-го Главного управления (ВГУ) МГБ СССР. Непосредственным начальником Грибанова был заместитель министра — начальник ВГУ генерал-лейтенант Лаврентий Фомич Цанава, сменивший арестованного Шубнякова во главе контрразведки. Впрочем, уже в феврале 1952 года он был снят с должности, его планировали назначить начальником контрольной инспекции МВД, но уволили из органов госбезопасности вообще. Заместителем министра, начальником ВГУ в феврале 1952 года стал генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной.

После смерти И.В. Сталина началась новая реорганизация органов госбезопасности, возвратился к руководству ими Л.П. Берия, генерал-лейтенанта Рясного во главе

контрразведки сменил генерал-лейтенант Федотов. Полковник Грибанов продолжал все это время оставаться заместителем начальника контрразведки, теперь именованной 1 — м управлением МВД СССР. Начало его службы в центральном аппарате МГБ было отмечено в сентябре 1952 года золотыми часами и месячным окладом («за образцовое выполнение важных заданий МГБ СССР»).

В качестве руководящего работника контрразведки он вошел в созданную приказом Берии одну из трех специальных следственных групп по пересмотру ряда дел («врачей-вредителей», бывших работников Главного артиллерийского управления Военного министерства СССР, «мингрельской националистической группы», «сионистской организации в МГБ»).

Группу по пересмотру дела бывших чекистов возглавил Грибанов. Вместе с ним в группу вошли (согласно приказу Берии) полковники П.В.Федотов (однофамилец начальника контрразведки) и Е.А. Цветаев (соответственно заместитель и помощник нового начальника Следственной части по особо важным делам МВД СССР, генерал-лейтенанта Л.Е. Влодзимирского). Приказ был отдан 13 марта 1953 года, группа обязывалась окончить работу через две недели — 27 марта. Уже 21 марта 1953 года большинство арестованных чекистов вышло на свободу, а генералы Утехин, Райхман, Эйтингон, Кузьмичев, полковники Шубняков и Свердлов вновь заняли руководящие посты в МВД СССР.

Дальнейшие реформы и новые назначения в системе госбезопасности (арест Берии в июне 1953 года, создание КГБ при Совете Министров СССР в марте 1954 года) не повлияли на положение Грибанова, остававшегося заместителем начальника 2-го Главного управления КГБ (так с марта 1954 года именовалась советская контрразведка). Роль Грибанова — одного из заместителей генерала Федотова постепенно возрастает. Особенно после того, как получившие весной 53-го года назначение на должности заместителей начальника контрразведки генерал-лейтенанты Судоплатов и Питовранов не задержались в главке (Судоплатов, уже будучи начальником 9-го, разведывательно-диверсионного отдела МВД, был арестован в августе 1953 года, а Питовранов в июне того же года уехал в ГДР руководить советскими чекистами).

Служебную деятельность Грибанов сочетал с общественной, по старому советскому обычаю — с 17 февраля 1954 года был председателем комиссии по жилищным вопросам при Главке.

14 января 1956 года, вместе с другими чекистами, полковнику Грибанову указом Президиума Верховного Совета СССР присваивается звание генерал-майора. Через 3 месяца, 14 апреля 1956 года, после ухода Федотова, Грибанов назначается начальником ВГУ и членом КГБ при Совете Министров СССР (с 18 сентября 1959 года эта должность именовалась «член Коллегии КГБ при СМ СССР»).

На этой должности он оставался при трех председателях КГБ — Серове, Шелепине и Семичастном. Свои воспоминания о Грибанове оставил Владимир Ефимович Семичастный, считавший Олега Михайловича «очень сильным генералом», «даже с налетом авантюризма». Но председателю КГБ это нравилось, «потому что для контрразведчика иметь чуть авантюризма и фантазии просто блестяще».

Грибанову приходилось выезжать за границу. Так, вместе с Серовым в группе сотрудников КГБ он побывал в Венгрии (об этом упоминает в мемуарах генерал-майор Анатолий Михайлович Гуськов, в то время — заместитель начальника 3-го Главного управления КГБ — военной контрразведки). Серов в октябре-ноябре 1956 года во время подавления восстания в Венгрии руководил оперативной работой органов КГБ в ВНР. Утром 24 октября 1956 года он (инкогнито, в форме генерал-майора) прибыл в Будапешт вместе с членами Президиума ЦК КПСС А.И. Микояном и М.А. Суловым под охраной танков. Находясь там, он фактически курировал работу советских советников при венгерском МВД (во главе с Ференцом Мюннихом), которое в течение недели с момента прибытия Серова оказалось полностью деморализовано, и органы госбезопасности были распущены, в связи с чем встал вопрос о дальнейшем пребывании советских советников. Возвратившись в

Москву, Серов принял участие в заседании Президиума ЦК КПСС 1 ноября 1956 года, на котором заявил: «Выступления были тщательно подготовлены. Надя связан с повстанцами. Надо решительные меры принимать. Оккупировать надо страну». В тот же день Президиум ЦК КПСС своим постановлением поручил «гг. Жукову, Сулову, Коневу, Серову и Брежневу... разработать свои мероприятия в связи с событиями в Венгрии...» Серов вновь вылетел в Венрию. В ночь с 3 на 4 ноября на советской военной базе Текел под Будапештом он руководил арестом членов прибывшей для переговоров о выводе советских войск делегации правительства Венгрии (во главе с министром обороны Палом Малетером, впоследствии повешенным). Серов настоял на организации в министерстве общественной безопасности, вопреки мнению министра Ф. Мюнниха и председателя Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Яноша Кадара, «политических отделов», которые выполняли функции «внешней разведки, контрразведки, секретно-политической службы, следствия и специальной службы оперативной техники». По словам самого Серова, «учитывая либеральное отношение руководящих работников Венгрии к врагам», он приказал особым отделам соединений Советской Армии в Венгрии отправлять арестованных венгров на станцию Чоп. Оттуда на Западную Украину было депортировано более 800 человек, среди которых было много несовершеннолетних, что вызвало последующие протесты венгров. В связи с протестом Кадара и Мюнниха с ними были вынуждены объясняться Серов и советский посол, в будущем один из преемников Ивана Александровича в КГБ, Юрий Владимирович Андропов, о чем они и сообщили телефонограммой в ЦК КПСС. Прибывший в Ужгород зам. министра внутренних дел СССР М.Н. Холодков, разобрав дела ряда арестованных, счел их необоснованными, о чем и доложил министру Н.П. Дудорову, что вызвало протестующую докладную записку Серова Хрущеву. Серов руководил (вместе с Мюннихом) операцией по выводу из югославского посольства в Будапеште Имре Надя и его переправке в Румынию.

Находившихся в парламенте Надя и членов его кабинета сразу же после начала штурма Будапешта должны были арестовать офицеры совместной советско-венгерской группы сотрудников госбезопасности во главе с заместителем начальника 3-го Главного управления КГБ при СМ СССР генералом Павлом Зыряновым, но они опоздали, группа Имре Надя успела укрыться в посольстве Югославии. За посольством было установлено наблюдение. Операцией руководил заместитель председателя КГБ, генерал-лейтенант Сергей Саввич Бельченко, находившийся тогда в Будапеште.

В этом деле, видимо, участвовал Грибанов. Такой вывод можно сделать из воспоминаний Бельченко. По его словам, арестованных на объекте в Румынии, куда они были вывезены, контролировала «группа чекистов во главе с генералом Федотовым». После того, как была получена информация о подготовке заговора с целью освобождения Надя, по указанию Хрущева арестованные были перевезены в Венгрию.

Так как Федотов к тому времени уже не был начальником контрразведки и работал в Высшей школе КГБ, то, видимо, имеется в виду Грибанов, а упоминание Федотова — ошибка памяти Бельченко.

Аналогичную акцию с кардиналом Иштваном Миндсенти, находившимся в американском посольстве, осуществить не удалось. Кардиналу пришлось пробыть там 15 лет — в 1971 году по соглашению между правительствами Венгрии и США он выехал в Ватикан.

В начале декабря 1956 года большинство чекистов группы Серова вернулось в Москву. Итогом их деятельности (за которую Серов получил орден Кутузова 1-й степени) стал арест более 5 тысяч человек, из них более 800 было депортировано в СССР.

Но основная работа контрразведки КГБ проходила внутри страны. В Москве велось наблюдение за иностранными посольствами (в первую очередь основных противников — США, Великобритании, Франции). Эти вполне стандартные действия контрразведки, отработанные десятилетиями, именно при Грибанове велись с большим размахом, что вполне соответствовало той характеристике «авантюриста», которой пользовался Олег

Михайлович среди сотрудников КГБ, что и было впоследствии сформулировано Семичастным.

По сведениям биографа Грибанова, «в здании дипмиссии США сотрудники 2-го Главного и Оперативно-Технического управлений КГБ сумели установить свыше сорока подслушивающих устройств. Спрятаны были «жучки» в бамбуковой обшивке стен посольства. После бегства в 1964 году к американцам одного из сотрудников 2-го Главка КГБ Ю.И. Носенко (сообщившего о месте нахождения подслушивающих устройств) служба безопасности посольства проверила все помещения дипмиссии США в Москве. В итоге: микрофоны были обнаружены в шифровальных комнатах и даже в одном из кабинетов московской резидентуры ЦРУ.

В терминологии западных разведывательных структур появился даже специальный термин, обозначающий женщин-соблазнительниц, работающих на органы КГБ — т. н. «ласточки». С 1950 по 1960 годы лишь из посольства США в СССР на родину было отправлено порядка 20 сотрудников. Причина спешной отправки в Штаты заключалась в том, что всех этих сотрудников пытались шантажировать снимками, на которых они были сфотографированы в момент половой связи с т. н. «ласточками». При помощи именно такого шантажа в январе 1952 года советская контрразведка завербовала заведующего гаражом военного атташата США в СССР Роя Роуде. Новый агент советской контрразведки дал подписку о сотрудничестве и получил оперативный псевдоним "Квебек"».

В английском посольстве чекисты из «одноименного» отдела 2-го Главка завербовали сотрудника аппарата военно-морского атташе Джона Вассалла, которого к не вполне добровольным отношениям с КГБ привели его гомосексуальные наклонности. Этот сын священника ранее работал фотографом британских королевских ВВС, в военно-морской разведке, в аппарате Адмиралтейства. После 4-х лет работы в Москве и возвращения в Англию Вассалл — сотрудник военно-морской разведки и помощник парламентского секретаря Адмиралтейства Т. Гэлбрейта. Продолжал сотрудничество с советской разведкой (с ним работал резидент ПГУ в Лондоне Б.Н. Родин), передавая важную информацию о военно-морских силах Великобритании и других странах НАТО. Арестовали Вассалла 12 сентября 1962 года на основе информации, полученной английскими спецслужбами от перебежчика А. Голицына. 22 октября того же года он был приговорен судом в Лондоне к 18 годам заключения. Освобожден после отбытия 10 лет срока.

В отношении французского посла в Москве, Мориса Эрнеста Наполеона Дежана, были «проведены мероприятия» с целью сделать его используемым «втемную» источником, причем Грибанов принимал личное участие в этой операции.

Близкий сотрудник генерала Шарля де Голля, посол в ряде государств, с 1956 года — в СССР, Дежан, апартаменты которого в посольстве прослушивались сотрудниками французского отдела ВГУ КГБ (советскими агентами были шофер и горничная посла) попал в «медовую ловушку». По не раз отработанному сценарию, французский посол, оказавшийся «в заранее подготовленной квартире» вместе с понравившейся ему девушкой — «балериной Лорой» — был застигнут «на месте преступления» и побит разгневанным мужем (сотрудником КГБ), угрожавшим «прелюбодею» дальнейшими неприятностями.

Дежан обратился за помощью к знакомому «ответственному работнику Совета Министров СССР», некоему Олегу Михайловичу Горбунову (этим человеком был Грибанов, об истинной работе которого француз не знал). Горбунов помог — муж «Лоры» не стал развивать скандал. А посол таким образом оказался «должником» Горбунова, и, будучи джентльменом, «платил долги» — отвечал на интересующие Горбунова вопросы (здесь отметим, что французского языка Грибанов не знал, но владел английским, который изучал в течение 6 семестров), сообщая таким образом начальнику советской контрразведки секретную информацию и посылая в Париж подготовленную чекистами дезинформацию.

Операцию пришлось прекратить после ухода за границу секретного сотрудника ВГУ КГБ («освещал» мир искусства) Юрия Кроткова, сына художника, жившего в Тбилиси и писавшего портреты Берии. В сентябре 1963 года Кроткое, в составе советской

туристической группы прибывший в Лондон и попросивший там политического убежища, рассказал сотрудникам английской контрразведки МИ-5 много интересного, в том числе и о Дежане, а уже те сообщили французским союзникам по НАТО. Дежан был отозван из Москвы, старый приятель — президент де Голль — пожурил его, но из МИД уволил.

Эта операция, на Западе считающаяся чуть ли не классической, в то же время, по мнению компетентных исследователей истории советских спецслужб и ветеранов органов госбезопасности, является весьма спорной, сама попытка вербовки посла, чреватая международными осложнениями, свидетельствует об авантюризме Грибанова, отмечавшемся его сослуживцами (в частности, В.Е. Семичастным).

Контрразведчики попытались также завербовать военно-воздушного атташе Франции полковника Луи Гибо, но он застрелился после просмотра показанных ему чекистами компрометирующих фотографий. Записки полковник не оставил, и об этой операции стало известно позднее.

В японском посольстве был завербован служащий, от которого чекисты получили ключи от секретных шкафов шифровальных комнат. В посольстве Канады в Москве был завербован посол Джон Уоткинс. О его вербовке контрразведчик Юрий Носенко, об измене которого в 1964 году еще пойдет речь, сообщил впоследствии ЦРУ (посол к тому времени уже умер).

Известно о проникновении советских чекистов в американское посольство в Будапеште (при естественном содействии венгерских контрразведчиков).

Спецслужбы стран НАТО, в первую очередь США и Англии, также пытались узнать секреты советского ВПК с помощью электронных средств прослушивания. Уже в 1955 году сотрудники аппарата военного атташе США в Советском Союзе выехали в Сталинград, где было много военных заводов. Американские разведчики — подполковник Бенсон, майор Мюле и капитан Строуд — с электронным прибором «прогулялись» возле оборонных объектов. Их «улов» смогли оценить посетившие сталинградскую гостиницу (где остановились американцы) советские контрразведчики (под предлогом проверки «сигнала о работе в гостинице незарегистрированной радиоаппаратуры»). У американцев изъяли «детекторный приемник, две антенны 3-х и 10-ти сантиметрового диапазона, два портативных аппарата для механической записи, малогабаритный головной телефон, источники питания, соединительные экранированные низкочастотные кабели и силовой трансформатор. Был составлен протокол об изъятии шпионской аппаратуры. С изъятой аппаратурой поработали сотрудники Оперативно-Технического Управления КГБ и выяснили, что в Сталинграде контрразведчиками был изъят "аппарат для предварительной разведки импульсивных, радиолокационных, радионавигационных станций и систем управления реактивным оружием"».

Самарский историк М.А.Тумшис также рассказывает (на примере Куйбышева) о попытках иностранных разведок получать информацию с территорий, расположенных около оборонных заводов:

«В Куйбышеве подобные попытки сбора информации зарубежными разведчиками фиксировались с 1958 года, когда в городе было начато серийное ракетное производство. Так в Куйбышеве контрразведчикам местного УКГБ несколько раз приходилось задерживать иностранных поданных близ завода № 1 (завода имени Сталина, ныне завода "Прогресс"), завода № 18 (авиационный завод имени Ворошилова, ныне завод "Авиакор"). При чем каждый раз чекисты изымали у задержанных иностранцев специальные технические средства, предназначенные для снятия информации с заводских источников электронных излучений. Такие попытки продолжались вплоть до 1960 года, когда Куйбышев, как и ряд других городов СССР, перешел к разряду закрытых территорий для въезда иностранцев.

Кроме этого, город Куйбышев являлся крупным железнодорожным узлом. И нередко иностранцы проезжая через город, имели возможность заснять на фото- и киноплёнку интересующие их секретные объекты (дело в том, что ряд куйбышевских оборонных заводов располагались вблизи международной железнодорожной магистрали). Чекисты местного

Управления КГБ выбрали простой, но крайне эффективный способ пресечения подобных действий. Руководство 2-й службы областного УКГБ выходило на начальника Управления Куйбышевской железной дороги и по его указанию в тот момент, когда поезд с установленными "дипломатами"-разведчиками проезжал мимо куйбышевских оборонных предприятий, то по параллельному пути пускали обычную электричку. И иностранцы вместо секретных объектов лицезрели одни лишь быстро мелькающие вагоны электропоезда».

Подобные операции приводили к объявлению «персонами нон грата» и высылке из СССР сотрудников ЦРУ и МИ-6, действовавших под дипломатическим прикрытием. Так, были высланы: в 1957 году — помощники военного атташе США Тенсей и Стокелл, атташе посольства США Уффелман и Льюис, в 1958 году — второй секретарь США Бейкер, в 1959 году — первый секретарь посольства США Дзвид Марк, в 1960 — году военно-воздушный атташе США Эдмунд Кертон.

Именно при Грибанове были проведены две успешнейшие операции советской контрразведки. Об одной из них до недавнего времени было известно мало, вторая была более на слуху, обрастая нелепыми слухами (вроде сожжения заживо в крематории, растиражированного бывшим офицером ГРУ, более удачливым перебежчиком В. Резуном-Суворовым). Объекты обеих операций были офицерами ГРУ- советской военной разведки.

Подполковник Петр Попов, считающийся первым разоблаченным агентом ЦРУ в советской военной разведке, был разоблачен в 1959 году.

По мнению аналитиков ЦРУ, информация Попова имела «прямое и значительное влияние на военную организацию Соединенных Штатов — ее доктрину и тактику, позволила Пентагону сэкономить, по крайней мере, 500 миллионов долларов на научно-исследовательских программах».

На Попова чекисты «вышли» через нового сотрудника посольства США в Москве (и ЦРУ) — атташе административно-хозяйственного отдела Рассела Аугуста Лэнжелли. Наружное наблюдение за ним в январе 1959 года установило факт передачи им на московской улице неизвестного предмета человеку в офицерской форме. Офицер был установлен — это был Петр Степанович Попов, подполковник интендантской службы, сотрудник одного из военных НИИ по разработке новейших образцов вооружения в Калининне, ранее по линии ГРУ находившийся в заграникомандировке в Австрии и ГДР (в разведпункте ГСВГ в Шверине и отделении нелегальной разведки группы ГРУ в Карлсхорсте). В октябре 1958 года он был уволен из ГРУ «за внеслужебную связь с австрийской гражданкой Эмилией Коханек». Именно связь с этой женщиной (и опасение репрессий в связи с этим) и послужила причиной его вербовки американскими разведчиками в Вене в 1951 году (по показаниям самого Попова на следствии, по данным ЦРУ, он, нуждаясь в деньгах на аборт своей любовницы, добровольно предложил свои услуги в январе 1953 года в Вене).

За пять лет работы на ЦРУ Попов передал сведения о 650 сотрудниках негласного аппарата ГРУ, «о порядке ведения боевых действий, оснащенности танковых, механизированных и пехотных дивизий, о количестве самоходных десантных машин и бронетранспортеров, а также описание нескольких систем тактических ракет и подводных лодок, оснащенных ракетным оружием». Также от Попова американцы узнали об операции МГБ-КГБ «Исповедь» (прослушивание кабинета посла США в Москве), проводившейся с середины 40-х годов.

Розыск Попова начался еще в 1957 году, когда советским чекистам стало известно (от советского агента в английской разведке Джорджа Блейка, по другим данным — от разведки одной из стран Варшавского договора, получившим эти сведения из американских источников) о записи беседы министра обороны СССР маршала П. Жукова с высшим комсоставом группы советских войск в Германии, переданной американцам одним из присутствовавших на встрече. Попов на этой встрече был, но подозрение его тогда не коснулось. Это случилось позднее, осенью того же года (по рассказу сотрудника 2-го ГУ

полковника, впоследствии генерал-майора Валентина Звезденкова). Эта версия, как видим, не совпадает с ранее приведенной.

В 1 — м отделе 2-го Главка КГБ на Попова было заведено оперативное дело, ему присвоили кодовое имя «Иуда». Дело Попова контрразведчики вели вместе с особистами — сотрудниками 3-го Главка.

За Поповым было установлено тщательное наблюдение. В результате на присланной домой Попову почтовой открытке было обнаружено зашифрованное послание американской разведки.

Тем временем Попов добивался восстановления на службе в ГРУ при помощи нового начальника военной разведки генерала армии И.А. Серова — бывшего председателя КГБ, который способствовал положительному решению, и бумаги о восстановлении были представлены на подпись министру обороны СССР маршалу Р.Я. Малиновскому. Чекисты, видимо, не могли повлиять на своего бывшего начальника Серова, известного своим скандальным характером, и вместо основательного наблюдения и оперативной игры с ЦРУ пришлось прибегнуть к крайним мерам. По другой версии, решение об аресте было принято после случайного «ухода» Попова от наружного наблюдения (на свидании с любовницей в Серебряном Бору под Москвой он бежал от внезапно появившегося мужа) во избежания его окончательного исчезновения.

Попов был арестован 18 февраля 1959 года у билетных касс Ленинградского вокзала, при нем нашли записную книжку с номером домашнего телефона Лэнжелли, пароль для вызова на встречу, шесть листов специальной копировальной бумаги, пакет с агентурным донесением, а при обыске в доме — средства для тайнописи, план радиопередач, шифровальные и дешифровальные блокноты, более 20 тысяч рублей денег.

Об аресте Попова объявлено не было, чекисты легендировали (перед окружающими и потенциально — перед ЦРУ) его перевод на службу в Уральский военный округ (в инженерно-саперный батальон в городе Алапаевске Свердловской области). Для подготовки информации о новом месте службы, которая показалась бы достоверной для ЦРУ, на Урал были командированы офицеры из 2-го и 3-го Главков (одним из них был военный контрразведчик Борис Гераскин, будущий генерал-майор).

Попов активно сотрудничал со следствием, и чекисты сочли возможным его участие в оперативной игре против ЦРУ «Бумеранг».

На специальной даче КГБ в Подмосковье Попов готовился (после камеры Лефортовской тюрьмы) к встрече с Лэнжелли, которая и произошла 18 марта 1959 года в ресторане «Астория», затем последовали еще две — в «Астории» (во время этой встречи 23 июля Попов передал в туалете американскому разведчику письмо, написанное на клочках бумаги и спрятанное в носовом платке, в котором сообщал о своем аресте и допросах) и «Арагви». 16 октября 1959 года контрразведчиками были задержаны во время встречи в автобусе 107-го маршрута Лэнжелли и Попов. Уже на следующий день после официального протеста МИД СССР американскому посольству Лэнжелли (которого Грибанов, по воспоминаниям ветеранов КГБ, в течение 7 минут пытался завербовать, но неудачно) вылетел в Нью-Йорк.

Через 2 месяца 7 января 1960 года Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила Попова к расстрелу, хотя КГБ ходатайствовал о смягчении наказания за активную помощь следствию.

Аналогичным путем наружного наблюдения за резидентом английской разведки СИС вторым секретарем посольства Великобритании Родриком Чисхолмом и его женой Дженет Энн Чисхолм, активно помогавшей мужу, в октябре 1961 года было зафиксировано нахождение в одно время в подъезде одного из домов по Мало-Сухаревскому переулку в Москве миссис Чисхолм и неизвестного мужчины, ушедшего от наблюдения. Через 3 месяца в январе 1962 года у дома в одном из арбатских переулков, в который вошла Дж. Энн Чисхолм, неизвестный был замечен и установлен. Им оказался заместитель начальника отдела Госкомитета по координации научно-исследовательских работ при СМ СССР,

сотрудник действующего резерва ГРУ Генштаба ВС СССР, полковник Олег Владимирович Пеньковский, он же агент ЦРУ и СИС («Янг», «Герой», «Алекс»). По другим данным, о его шпионаже в пользу Англии (с 1960 года) стало известно от агентуры советской разведки в американских спецслужбах.

Биография Пеньковского в настоящее время хорошо известна, и мы не будем ее излагать. Отметим, что в его карьере было участие в Великой Отечественной войне, высшее военное образование (Военная академия им. М.В. Фрунзе и Военно-дипломатическая академия), работа в центральном аппарате ГРУ, служба в Турции в военном атташате. Причиной его ненависти к советскому строю, по его же словам, было его дворянское происхождение, отец был белым офицером, убитым в бою под Ростовом. Этот факт Пеньковский скрывал.

Будучи в добрых отношениях с начальником Главного управления ракетных войск и артиллерии Советской Армии, маршалом артиллерии Сергеем Сергеевичем Варенцовым, у которого был порученцем во время войны, и начальником ГРУ, уже неоднократно упоминавшимся Серовым, а также многими высокопоставленными генералами и чиновниками ЦК КПСС, Пеньковский получал секретную информацию, зачастую не имея к ней прямого доступа.

По приказу Грибанова за Пеньковским было установлено наружное наблюдение, «подслушивание и подглядывание» дома и на работе. Таким образом выяснили, что он в своей квартире слушает радиоприемник и при этом ведет записи, ведет также фотосъемку документов. Также стало известно о его встречах с английским бизнесменом Гревиллом Винном (в номере англичанина в московской гостинице «Украина», в ванной комнате при включенных кранах и громко работающем радио; тем не менее сотрудники Оперативно-технического управления КГБ записали часть разговоров).

При негласном обыске в квартире Пеньковского контрразведчики обнаружили тайники со средствами шифровки и дешифровки. С противоположного берега Москвы-реки специальной телескопической кинофототехникой и приборами ночного видения Пеньковского «сняли» на пленку во время приема радиопередач, шифровки и дешифровки информации.

С такими доказательствами Грибанов предложил председателю КГБ В.Е. Семичастному «арестовать английского шпиона».

22 октября 1962 года Пеньковский был арестован при выходе с работы. 3 ноября 1962 года органами госбезопасности Венгрии был выдан советским органам арестованный в Будапеште связник Пеньковского англичанин Винн. Для этого из Москвы прилетел (во главе опергруппы) заместитель Грибанова полковник Сергей Банников.

Вскоре при попытке выемки из «почтового ящика», заложенного Пеньковским, был арестован сотрудник американского посольства в Москве Ричард Джекоб. Так было установлено, что Пеньковский активно сотрудничал и с разведкой США. В том же ноябре 1962 года по требованию советских органов (озвученному МИД СССР) были высланы 5 американских и 7 английских дипломатов, в том числе супруги Чисхолм.

На процессе по делу Пеньковского выяснилось, что он передавал американцам и англичанам информацию о советских межконтинентальных баллистических ракетах, личном составе ГРУ, деятельности советской военной разведки в Турции, Индии, Пакистане и др. восточных странах.

11 мая 1963 года Военной коллегией Верховного суда СССР Пеньковский был приговорен к расстрелу (Винн — к 8 годам тюрьмы).

Его покровители — Серов и Варенцов — были сняты с постов, разжалованы и лишены звания Героя Советского Союза.

Известные дела «валютчиков» («нарушение правил о валютных операциях и спекуляция валютными ценностями») также расследовались сотрудниками 2-го Главного управления КГБ. Эта сфера оперативной работы была передана из МВД в ведение 2-го ГУ КГБ в мае 1959 года. Был организован 16-й отдел ВГУ во главе с полковником С.М.

Федосеевым.

Именно подчиненные Федосеева раскрыли широко известное дело валютчиков Файбышенко и Рокотова (уже после их осуждения к тюремному заключению после вмешательства Хрущева была изменена статья Уголовного кодекса, валютные операции стали караться и высшей мерой наказания, и новый закон «обратной силой» был применен к Файбышенко и Рокотову, после этого грубейшего нарушения правовых принципов СССР был исключен из Международной ассоциации юристов). По делам о контрабанде и продаже валюты проходили и иностранные дипломаты (в апреле 1962 года были задержаны и высланы из СССР сотрудники итальянского посольства, в мае того же года — иранские дипломаты, были и другие подобные случаи).

В 1959 году советскими контрразведчиками была разоблачена агент американской разведки переводчица Совета экономической взаимопомощи гражданка ГДР Кэтти Корб, арестованная в Москве и переданная властям ГДР.

Вся успешная работа советской контрразведки проходила под руководством Грибанова, полномочия которого были тогда же значительно расширены.

В феврале 1960 года по инициативе председателя КГБ А.Н. Шелепина (по мнению которого «...в деятельности КГБ и его органов на местах... еще немало параллелизма и распыленности сил, не изжито стремление обеспечить чекистским наблюдением многие объекты, где по существу нет серьезных интересов с точки зрения обеспечения госбезопасности...») произошло слияние контрразведки с другими подразделениями Комитета: в состав 2-го Главного управления были включены 4-е (борьба с антисоветским подпольем и националистами), 5-е (контрразведка в оборонной промышленности) и 6-е (контрразведка на транспорте) управления КГБ. Таким образом, Грибанову подчинились теперь сотрудники: бывшей секретно-политической контрразведки (возглавлявшейся ранее Питоврановым), первых отделов на оборонных заводах и НИИ (бывший начальник — генерал И.И. Бетин), управлений и отделов госбезопасности на всех видах транспорта (бывший начальник — генерал М.И. Егоров).

Заместителями Грибанова после проведенной реорганизации стали бывший партийный работник Лев Иванович Панкратов, контрразведчики Сергей Георгиевич Банников и Филипп Денисович Бобков (в то время все они были в звании полковника).

Генерал армии Бобков — один из немногих мемуаристов, упоминающих Грибанова, считает его «крепким профессионалом, не жалующим лентяев». Надо отметить, что о Грибанове пишут мало и кратко, но положительно. Генерал-полковник В.И. Алидин (начальник 7-го управления КГБ в 1960–1971 гг. и УКГБ Москвы и Московской области в 1971–1986 гг.) также пишет об Олеге Михайловиче буквально одной фразой, называя его «высококвалифицированным профессионалом».

23 февраля 1961 года Грибанову было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Причиной отставки Грибанова традиционно считается «уход» к американцам заместителя начальника 7-го отдела 2-го ГУ КГБ, капитана (представлен к званию майора) Юрия Ивановича Носенко в Женеве (где он находился под видом эксперта советской делегации на совещании Международного комитета 18 государств по разоружению) 4 февраля 1964 года. Сын Ивана Исидоровича Носенко, министра судостроительной промышленности СССР, умершего в 1956 году (похоронен в Кремлевской стене) после окончания МГИМО в 1950 году служил в Управлении военно-морской разведки ГРУ, затем в 1-м (англоамериканском) и 7-м (контрразведывательные операции среди иностранных туристов в СССР) отделах 2-го ГУ КГБ. Носенко был в хороших отношениях с Грибановым.

Контакты с ЦРУ Носенко, по одной версии, установил в 1962 году в Швейцарии. Именно он выдал ЦРУ советского агента в Центральном пункте курьеров вооруженных сил в парижском аэропорту Орли сержанта Роберта Ли Джонсона, завербованного советской разведкой в 1953 году в Германии. Через курьерский центр проходили чрезвычайно важные секретные документы, включая списки ключей для шифровальных машин. Военные планы и планы действий в нештатных ситуациях, большие документы, которые были слишком

длинными и засекреченными, чтобы передавать их с использованием шифромашин, также направлялись через курьерские центры. Центр в Орли оперировал криптоматериалами и высокосекретными документами, предназначенными НАТО, командованию вооруженных сил США в Европе и Шестому флоту США в Средиземном море. Джонсон имел доступ к сейфу, в котором они хранились в перерыве между прибытием из Вашингтона и отправкой их с курьером по месту назначения.

По другой версии, в Женеве Носенко с помощью психотропных средств был похищен американской разведкой и пошел на предательство под физическим и психологическим давлением.

В Женеве Носенко должен был завербовать гражданку Франции, сотрудничавшую с несколькими западными разведками. Участвовать в вербовке планировал и Грибанов, собиравшийся приехать в Женеву. Понятно, что американцы вряд ли упустили возможность каким-либо образом захватить начальника советской контрразведки. Получается, что Носенко не сообщил о предполагаемом визите Грибанова.

Есть и другие версии побега Носенко, обобщенные бывшим сотрудником советской разведки полковником А.А. Соколовым в статье «Юрий Носенко и ЦРУ: похищение или предательство?» (электронный журнал «Мир истории», 2003. № 3). По его мнению, «Носенко был похищен ЦРУ, чтобы получить с наибольшей вероятностью единственно достоверную на то время информацию о советском периоде жизни Освальда и о так называемом "советском следе" в убийстве Кеннеди, наличие которого в то время реально предполагали немалое число политических лидеров и пресса. Первые месяцы поддерживал его и президент Джонсон. План похищения возник в январе 1964 года в бернской резидентуре и в Советском отделе ЦРУ и был, безусловно, одобрен Президентом».

Генерал армии Ф.Д. Бобков (в 1964 году — заместитель Грибанова), в общем положительно оценивающий Носенко, писал в 1995 году о возможных причинах побега:

«Я же до сих пор убежден, что Носенко попал в какую-то сложную ситуацию и не выдержал. Конечно, не исключено, что он заранее обдумал свой шаг, но только душа моя этого не принимала, я знал, как любил Юрий дочь, как тяжело переживал ее болезнь. Не мог он вот так просто бросить ее, бросить семью. А возможно, ему пригрозили, что убьют. У меня для такого вывода были основания».

В 2002 году Бобков дополнительно сообщил: «Главной заботой Носенко перед отъездом в Швейцарию было: как он будет встречать в Женеве начальника контрразведки Олега Михайловича Грибанова, который собирался там быть... Какие-то оперативные вопросы, которые он мог там решать, во 2-м Главном управлении не обсуждались. Инструктаж в основном шел по линии разведки... Между тем, находясь в Женеве, Носенко активно готовился к встрече с Грибановым, который в это время находился в командировке за рубежом, естественно, под другой фамилией. В Женеву он должен был прибыть 5 февраля. Наши товарищи говорили, что в эти дни Носенко бегал по магазинам, купил лекарство, куклу для дочери... Логика подсказывает, что если Носенко был агентом, то, значит, он рассказал, что завтра в Швейцарии будет начальник советской контрразведки. В этой ситуации не было никакого смысла его убирать с «поля» — американцы могли получить в свое распоряжение начальника 2-го Главка. Грибанов к Носенко относился очень хорошо, тот мог его пригласить куда угодно. Стоит учесть, что Олег Михайлович был человек твердый, смелый — в общем, во всех отношениях нормальный мужик. Носенко приглашает его в загородный ресторан, во время застолья появляются американцы. Официально они не знают, кто это, и им не обязательно хватать Грибанова — достаточно провокации. А то, что начальник советской контрразведки приехал в Женеву под чужой фамилией, уже достаточно для компрометации... В течение четырех дней после исчезновения Носенко находился в Швейцарии и никаких акций, чтобы выйти на наших людей за эти дни не было. Все, что за этот срок можно было сделать, чтобы обезопасить людей, было сделано... Я твердо убежден в том, что Носенко не был агентом, заранее завербованным. Его

захватили американцы — он мог дать повод для этого, потому что парень он был с точки зрения своего поведения, так сказать, лихой».

Также читаем в воспоминаниях В.Е. Семичастного: «В январе 1964 г. Носенко поехал, уже не в первый раз, в Женеву как член советской делегации на переговоры по разоружению. Официальное назначение было лишь прикрытием для его настоящей работы: разведчик Носенко имел довольно важное задание от КГБ. В Женеве он должен был встретиться также с начальником контрразведки Грибановым.

КГБ проявлял интерес к одной француженке, которая, по ее собственным словам, имела доступ в некоторые организации и к определенной информации. Заданием Носенко было выйти на контакт с ней и завербовать ее. Приехав в Швейцарию, Носенко нашел ее и договорился о встрече: решено было вместе поужинать. Встретились они в гостинице на франко-швейцарской границе. Это была наша последняя информация. После ужина Носенко исчез без следа. Это произошло за два дня до приезда в Женеву Грибанова. Очаровательная дама оказалась разведчицей, вероятно, более способной. О том, что произошло позднее, я могу только догадываться. Очевидно, французская мадам работала не только на разведку своей собственной страны... Всё новые и новые неясности будили в нас подозрение: а не был ли Носенко во время ужина чем-то одурманен? В таком состоянии подписал просьбу о предоставлении политического убежища. А когда пришёл через какое-то время в себя, мир уже был полон сообщений о его побеге. После всего случившегося ему трудно было бы объяснить, что все это ошибка... До самого конца моего пребывания в КГБ мы так ничего о Носенко и не узнали. Много позже дошло до нас, что он не выдал ни одного имени, вызвав, таким образом, даже недоверие к себе американцев, и какое-то время провел за решеткой в суровых условиях: оказался, мол, ключевой фигурой, а затемняет «контакты» между КГБ и Освальдом... Недоверие с американской стороны говорит о том, что до побега из СССР Носенко в Москве не работал на западные секретные службы... То, что он не передал имен наших разведчиков, еще одно свидетельство того, что к побегу он не готовился, иначе прихватил бы с собой достаточное количество полезных для новых работодателей материалов. А что, если он сознательно утаил имена своих бывших коллег? Если это так, то можно ли говорить о его добровольном побеге... Правду о побеге Юрия Носенко пока еще никто не разузнал. Не знаю ее и я».

Как бы то ни было, в карьере Грибанова побег Носенко поставил точку. В 1964 году реакция в Москве была крайне негативной. Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев заявил председателю КГБ Семичастному: «Как ты мог допустить его побег?» Семичастный предложил Хрущеву обратиться к президенту США Л. Джонсону с просьбой: «скажем, Носенко — сын министра, вот так получилось, — может, его вернуть?» Хрущев, по словам председателя КГБ, «очень образно ответил, что ты вот обмазался дерьмом, ты сам и отмывайся».

23 июня 1964 года на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Носенко был заочно приговорен к расстрелу.

В это время в КГБ уже шла чистка. «Комиссия КГБ по расследованию дела Носенко работала не один месяц. Проверялся весь оперативный и технический составы центрального аппарата контрразведки. Были вскрыты недостатки работы с кадрами, нарушения этических и моральных норм отдельными сотрудниками... ряд руководителей были исключены из КПСС и уволены из органов, другие понижены в должности, несколько сот сотрудников отозвали из-за заграницы и они стали на долгое время «невъездными». Какое-то время управление работало не в полную силу».

15 мая 1964 года решением парткома КГБ при СМ СССР Грибанову, который к тому времени был награжден (кроме вышеперечисленных) двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» (28 декабря 1957 года «за достигнутые успехи в работе и безупречную службу»), медалями «40 лет Вооруженных Сил СССР» (1958) и «За доблестный труд», был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку — «за грубые нарушения партийных принципов в работе с

кадрами, за серьезные ошибки и недостатки в оперативной работе, порочный стиль в руководстве Главком, что привело тяжелым последствиям». 18 мая последовал приказ по Комитету: «За допущенные грубые нарушения партийных принципов в работе с кадрами, серьезные ошибки и недостатки в работе с агентурой, порочный стиль в руководстве Главком, приведшие к тяжелым последствиям, освободить от должности начальника 2-го Главного Управления и обязанностей члена Коллегии КГБ при СМ СССР».

3 июня 1964 года Президиум ЦК КПСС утвердил освобождение Грибанова с занимаемых постов в КГБ с зачислением в действующий резерв по должности заместителя начальника отдела Главного управления КГБ. 6 июня приказом по КГБ он был отозван в распоряжение Управления кадров. В тот же день Совет Министров СССР освободил Грибанова от обязанностей члена Коллегии КГБ при СМ СССР.

26 августа 1964 года О.М. Грибанов, находившийся в распоряжении УК КГБ при СМ СССР, был откомандирован в распоряжение Государственного производственного комитета по среднему машиностроению СССР, с зачислением в действующий резерв КГБ. С 27 февраля 1965 года он работал заместителем директора завода № 1134 по режиму и охране Министерства среднего машиностроения СССР (оставаясь в действующем резерве КГБ по должности заместителя начальника Отдела Управления).

7 августа 1965 года в соответствии с Положением о прохождении службы генералами и адмиралами Советской Армии и Военно-Морского Флота он был уволен из органов КГБ по статье 59 п. «Д» (по служебному несоответствию) в запас Советской Армии, а также лишен знака почетный сотрудник государственной безопасности».

Тогда же решением Парткомиссии при ЦК КПСС был исключен из КПСС.

Умер Олег Михайлович Грибанов в Москве в 1992 году.

Носенко же, проходивший теперь по оперативным материалам КГБ как «Идол», в течение 5 лет подвергался в ЦРУ различным проверкам (полиграф, около 3 лет в бетонной камере, различные формы психологического воздействия), в 1969 году был освобожден, работал консультантом ЦРУ и ныне живет в США, не спеша внести ясность в сделавшую его знаменитым историю.

СОВЕТСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА ОТ «ОТТЕПЕЛИ» ДО «ПЕРЕСТРОЙКИ» — 1964-1991

После Грибанова начальником контрразведки был назначен (по совместительству) заместитель председателя КГБ С.Г. Банников, до 1963 года работавший 1 — м заместителем начальника 2-го ГУ. В июле 1967 года, после смены председателя КГБ (Ю.В. Андропов сменил В.Е. Семичастного) 2-е ГУ возглавил бывший начальник военной контрразведки Г.К. Цинев, близкий друг Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. После назначения Цинева заместителем председателя КГБ должность начальника 2-го ГУ занял генерал-лейтенант (впоследствии генерал-полковник) Г.Ф. Григоренко, с 1969 года — 1-й заместитель начальника 2-го ГУ, около 30 лет проработавший в военной контрразведке и внешней контрразведке; в 1978 году он стал по совместительству заместителем председателя КГБ СССР.

В годы руководства КГБ Ю.В. Андроповым структура контрразведки неоднократно менялась, происходило разукрупнение управлений и отделов. В июле 1967 г. из 2-го ГУ была выделена идеологическая контрразведка (5-е управление), в 1981 году — транспортная контрразведка (4-е управление), в 1982 году, уже после ухода Андропова в ЦК КПСС, — экономическая контрразведка (6-е управление).

Главное внимание в обстановке продолжавшейся в 1960-е-1970-е гг. «холодной войны» уделялось американской и английской разведкам. Был проведен ряд успешных операций. В частности, были захвачены в момент проведения разведывательных действий сотрудники военных атташе США и Великобритании (Дальний Восток, сентябрь 1964), США (Белоруссия, 1968), разоблачены агенты западных разведок, прибывших в СССР под видом

туристов. По инициативе председателя КГБ Ю.В. Андропова в 1969 году 2-м ГУ была разработана инструкция о порядке приема советскими ведомствами иностранных научно-технических делегаций, обеспечении режима секретности.

В этот период структура 2-го ГУ КГБ при СМ СССР насчитывала 9 отделов; из них 1-й отдел — американский (его возглавляли в 70-е-80-е гг. генерал-лейтенанты Евгений Михайлович Расщепов и Рэм Алексеевич Красильников), 2-й отдел — английский, 7-й отдел — работа с иностранными журналистами (им руководили известные разведчики полковник Норман Маркович Бородин и генерал-майор Вячеслав Ервандович Кеворков, оба — профессиональные журналисты), и Управление охраны дипкорпуса. Позднее, в 80-е гг., количество отделов увеличилось до 12-ти, появились также Управление «А», Управление «Н», Служба «Р» и НИИ «Прогноз». На базе 7-го отдела ВГУ, возглавлявшегося генерал-майором В.Е. Кеворковым, была организована в 1975 году в системе МИД СССР служба безопасности, начальником которой стал полковник Михаил Иванович Курьшев. Сотрудники этого подразделения раскрыли агента ЦРУ — работника МИД А. Огородника. В ходе этой операции, проходившей под руководством заместителя начальника ВГУ генерал-лейтенанта Виталия Константиновича Боярова, были разоблачены и высланы из СССР сотрудники ЦРУ, работавшие в посольстве США в Москве. Эта история получила широкую известность благодаря советскому телевизионному фильму «ТАСС уполномочен заявить», снятому по одноименной повести Ю. Семенова, а также изданным мемуарам одного из участников операции полковника Игоря Константиновича Перетрухина.

Советские контрразведчики поддерживали тесные рабочие контакты с коллегами из стран социалистического лагеря. Так, советские чекисты разоблачили агента ЦРУ — представителя Болгарии в ООН Асена Георгиева.

В 1983 году Г.Ф. Григоренко, перешедшего на работу в Министерство среднего машиностроения СССР, сменил на посту начальника 2-го ГУ (одновременно был назначен заместителем председателя КГБ) генерал-полковник И.А. Маркелов, 1-й заместитель начальника ПГУ, до этого около 40 лет проработавший в контрразведке и территориальных органах КГБ. В 1989 году он ушел по болезни в отставку. Начальником 2-го ГУ и заместителем председателя КГБ стал генерал-полковник В.Ф. Грушко, бывший 1-й заместитель начальника ПГУ КГБ, около 30 лет проработавший в разведке. В январе 1991 года Грушко был назначен 1-м заместителем председателя КГБ СССР. Его преемником по контрразведке (и на посту заместителя председателя КГБ) стал генерал-лейтенант Г.Ф. Титов, до этого также 1-й заместитель начальника ПГУ. Грушко и Титов были выдвиженцами председателя КГБ в 1988–1991 гг. В.А. Крючкова.

После августовских событий 1991 года Г.Ф. Титов был смещен с должности в сентябре того же года. Около трех месяцев контрразведку возглавлял (также в ранге заместителя председателя КГБ) генерал-майор Ф.А. Мясников, работавший ранее в контрразведке, территориальных органах и в Инспекторском управлении КГБ СССР. В этот период происходят радикальные перемены в структуре органов госбезопасности: ликвидация КГБ, образование и ликвидация Межреспубликанской службы безопасности (МСБ), Агентства федеральной безопасности (АФБ) РСФСР, Министерства безопасности и внутренних дел (МБВД) РФ, Министерства безопасности РФ. С этого времени, после дезинтеграции КГБ, выделения разведки, системы правительственной связи, пограничных войск, охраны руководителей государства в самостоятельные структуры, контрразведка становится главной составляющей ведущей структуры органов безопасности России — Министерства безопасности — Федеральной службы контрразведки — Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

КОНТРРАЗВЕДКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для постсоветской контрразведки также характерна регулярная сменяемость руководства. Первый начальник управления контрразведки — заместитель министра МБ РФ

генерал-майор В.А. Клишин был смещен с должности летом 1992 года по обвинению в служебных нарушениях. Генерал-лейтенант Ю.В. Чичелов также недолго руководил контрразведкой и в 1993 году перешел в налоговую полицию. Генерал-полковник В.М. Зорин, бывший начальник управления контрразведывательных операций, в июле 1995 года был назначен 1-м заместителем директора ФСБ. 5 лет проработал во главе контрразведки генерал-полковник В.П. Печенкин, в прошлом — начальник отдела 2-го ГУ КГБ, перед назначением — начальник УФСБ по Новосибирской области (заместитель директора ФСБ с сентября 1997 года). В 1998 году, в результате реорганизации структуры ФСБ, был образован Департамент контрразведки (1-й департамент), начальником которого с августа 2000 года является заместитель директора ФСБ генерал-полковник О.В. Сыромолотов. В состав Департамента входят Управление контрразведывательных операций (УКРО) — начальник генерал-лейтенант Н.А. Волобуев и Управление компьютерной и информационной безопасности.

О текущей деятельности контрразведки известно всегда мало. Но вот то немногое, что известно из прессы последнего десятилетия и подтверждено из официальных источников.

В апреле 1994 года в Москве был арестован представитель «Аэрофлота» в Хараре (Зимбабве) В. Гурджиянц, передававший представителям разведки Зимбабве секретную информацию о сотрудниках российских спецслужб, работавших под различными прикрытиями в этой африканской стране.

В августе 1994 года был арестован сотрудник Санкт-Петербургского военно-морского НИИ М. Финкель. За помощь в организации переезда на постоянное жительство в США он передавал сотруднику ЦРУ Д. Саттеру, работавшему под «крышей» консульского отдела посольства США в Москве, секретные материалы о проектных работах по атомным подводным лодкам последнего поколения.

В декабре 1995 года в Москве были задержаны официальный представитель израильской разведки МОССАД в России Р. Динель и бывший сотрудник ГРУ А. Волков. Последний передавал израильскому представителю секретные снимки территории Сирии, сделанные с российских спутников. Р. Динель был объявлен персоной «нон грата», а А. Волков и его сообщники Г. Спорышев и В. Ткаченко предстали перед судом.

В феврале 1996 года в Санкт-Петербурге в момент получения в Военно-морском музее контейнера с непроявленной пленкой, содержащей 23 кадра с отснятыми секретными материалами, были задержаны с поличным связной шведской военной разведки Г. Нордстрем и его агент — гражданин России.

В мае 1996 года в Москве был задержан агент английской СИС сотрудник МИД РФ П. Обухов. После этого 9 сотрудников британского посольства в Москве были объявлены персонами «нон грата» за действия, не совместимые со статусом дипломата.

В том же 1996 года сотрудниками ФСБ был арестован сотрудник МИД РФ В. Макаров. Он работал на ЦРУ с 1976 года, и за это время передал американцам большое количество секретных документов, чем нанес существенный ущерб безопасности СССР и России.

В марте 1997 года в Москве был арестован майор управления Оренбургской ракетной армии И. Дудник. Имея доступ к секретной документации, он собирал информацию о боевой деятельности ракетных войск стратегического назначения, которую намеревался передать американской разведке за 500.000 долларов.

В ноябре 1997 года в Ростовской области был задержан американский гражданин Р. Блисс. Будучи инженером фирмы «Квалком», он занимался установкой спутниковой связи, а попутно собирал информацию, носящую секретный характер. В это же время в Москве был арестован по подозрению в шпионаже гражданин Ирана, обучавшийся в МГУ. Он был задержан в момент получения конструкторской документации по ракетной технике.

В апреле 1999 года в Краснодаре контрразведчики задержали кадрового сотрудника военной разведки Турции Б. Бахри. Находясь на Северном Кавказе под видом предпринимателя, он занимался сбором секретной информации, а также пытался дискредитировать политику России на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке.

В это же время в Мурманске был задержан гражданин Германии Т. Шмидт, который вел несанкционированную фотосъемку объектов Мурманского ремонтно-технического предприятия «Атомфлот», заодно пытаясь выяснить возможность проникновения на его территорию.

В 2000 году был арестован и осужден (впоследствии амнистирован) американский гражданин, кадровый сотрудник военной разведки Э. Поуп, получавший секретную информацию от российских ученых, работавших в оборонном комплексе.

Накануне 80-летнего юбилея российской контрразведки один из ее руководителей Н.А. Волобуев в интервью «Российской газете» следующим образом оценивал ситуацию:

«В 2001 году выявлены и взяты в разработку более 80 кадровых сотрудников спецслужб иностранных государств. Шпионская и иная подрывная деятельность 21 из них уже пресечена. Кроме того, мы обезвредили 45 агентов зарубежных спецслужб, в том числе двоих российских граждан.

Завершена работа по уголовному делу в отношении арестованного ранее агента спецслужб Великобритании и Эстонии Валерия Омяэ, в прошлом сотрудника российских спецслужб. Он выдал противнику значительное количество различных сведений, в том числе и составляющих гостайну. Решением Мосгорсуда за государственную измену в форме шпионажа он приговорен к семи годам лишения свободы. По этой же статье УК осужден Валентин Моисеев, бывший заместитель директора 1-го департамента Азии МИД России. В ходе проведенных оперативно-следственных мероприятий получены доказательства его шпионской деятельности в пользу южнокорейских спецслужб. Московский городской суд повторно признал Моисеева виновным в совершении преступления и приговорил его к лишению свободы сроком на четыре с половиной года.

Совместно с территориальными органами и военной контрразведкой мы успешно провели захваты с поличным в момент проведения шпионских акций десяти иностранных граждан, в том числе шестерых кадровых сотрудников зарубежных спецслужб и одного агента. Так, например, совместно с УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области пресекли деятельность граждан одной из ближневосточных стран по незаконному вывозу за рубеж материалов и образцов передовых российских научно-технических разработок и технологий, в том числе двойного назначения.

В Северо-Кавказском регионе недавно выявлена и обезврежена агентурная сеть турецких спецслужб, в состав которой входили активные функционеры исламистской секты "Нурджулар".

Управление КРО вместе с территориальными органами безопасности провело оперативно-розыскные мероприятия по пресечению каналов незаконной миграции иностранных граждан из Южной Азии, Китая, арабских государств через территорию России в страны Восточной и Западной Европы. Так, благодаря разработке Брянского УФСБ в Москве задержаны организаторы одного из крупнейших каналов незаконной миграции по маршруту Пакистан-Афганистан-Киргизия-Казахстан-Россия-Украина-Западная Европа. Перевозку людей осуществляли граждане Афганистана Вахаб Хайдар и Бехишт Юнис. Против них возбуждено уголовное дело по статье 322 УК (незаконное пересечение государственной границы РФ). В итоге ликвидирован канал, по которому через госграницу России ежемесячно переправлялось около 500 человек.

К сожалению, бывали случаи, когда «отличались» ваши коллеги — зарубежные журналисты. В прошлом году мы задокументировали и пресекли незаконную журналистскую деятельность 31 иностранного корреспондента. За допущенные нарушения российского законодательства 18 зарубежным представителям СМИ аннулированы визы и закрыт въезд на территорию России сроком на 5 лет».

Начальник Департамента контрразведки ФСБ РФ О.В. Сыромолотов в интервью в прессе дает такую оценку соотношению российской контрразведки со спецслужбами других государств:

«Двадцать лет назад, говоря об основном противнике, мы подразумевали прежде всего США, страны НАТО, Китай.

Сегодня все мировое разведывательное сообщество претерпело большие изменения. Существенно расширился круг спецслужб, работающих на нашей территории. К тому же само содержание их разведывательной деятельности изменилось... Сегодня в обиход контрразведчиков вошли такие официальные термины, как «противодействие», "сковывание". Ушло в небытие понятие "главный противник". Это не означает, что российская контрразведка должна занимать пассивную оборонительную позицию. Мы действуем наступательно, с учетом постоянно меняющейся политической и оперативной обстановки. В последнее время в связи с объединением усилий многих стран в борьбе с международным терроризмом заметно расширились конфиденциальные контакты между спецслужбами, в т. ч. российскими и иностранными, повысился уровень их доверительности... За последние два года в результате долговременных и тщательно подготовленных операций захвачены с поличным при проведении разведывательных акций 14 иностранных граждан, 10 из которых являлись кадровыми сотрудниками спецслужб. Всего выявлено и взято в предметную разработку около 260 кадровых сотрудников иностранных спецслужб, причем шпионская и иная подрывная деятельность более 40 из них пресечена. В общей сложности удалось пресечь противоправную деятельность около ста агентов спецслужб иностранных государств, в том числе 6 российских граждан. Своих ценных осведомителей лишились, в частности, спецслужбы Турции, Пакистана, Ирака, Саудовской Аравии и некоторых других государств».

По словам О.В. Сыромолотова, сотрудники Департамента контрразведки ФСБ работают и в Чечне: «Нами выявлены факты, свидетельствующие о наличии связи и поддержки сепаратистских и экстремистских организаций в РФ, в том числе в Чечне, со стороны спецслужб Турции, Саудовской Аравии, Иордании, Ирана, Пакистана».

На сегодняшний день такие официальные высказывания представляют собой максимум информации о современной контрразведке России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Избранные биографии сотрудников контрразведки Российской империи

ВАСИЛЬЕВ Иван Петрович (1872 г.-?). Полковник Отдельного корпуса жандармов. Окончил Сибирский кадетский корпус и 3-е военное Александровское училище. С 1891 г. служил в чине подпоручика в 254-м Темир-Хан-Шуринском резервном батальоне. 31 декабря 1899 г. перешел в Отдельный корпус жандармов, с 4 января 1900 г. — адъютант Московского ГЖУ. С августа 1902 г. в резерве при Московском губернском жандармском управлении, с ноября 1903 г. — помощник начальника того же управления по Клинскому и Волоколамскому уездам, в марте 1907 г. — прикомандирован к Московскому ГЖУ и откомандирован в Московское охранное отделение, в июне 1909 г. прикомандирован к СПб ГЖУ, в апреле 1913 г. — к Лифляндскому губернскому жандармскому управлению. В 1915–1916 гг. служил в Контрразведывательном отделении Главного управления Генштаба. С мая 1916 г. вновь прикомандирован к Петроградскому губернскому жандармскому управлению с откомандированием в Департамент полиции.

С января 1917 г. — заведующий Особым отделом департамента полиции. 1 марта 1917 г. добровольно явился в Военную комиссию Государственной думы, был арестован, некоторое время находился в заключении в Доме предварительного заключения, где дал откровенные показания следствию, в частности написал записку «О провокационной деятельности некоторых розыскных деятелей» и предлагал свои услуги В.Л. Бурцеву в деле освещения деятельности Департамента полиции. Дальнейшая судьба неизвестна.

Награжден орденами св. Станислава 3-й и 2-й степеней, св. Анны 3 степени, св.

Владимира 4-й степени.

ЕРАНДАКОВ Василий Андреевич (1875-?). Полковник Отдельного корпуса жандармов. Окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище. С 1894 г. служил в казачьих войсках. В 1902 переведен в ОКЖ. Служил адъютантом Тульского ГЖУ, с 1903 г. — помощником начальника Киевского ГЖУ, с 1906 г. состоял в резерве при Херсонском ГЖУ, с 1908 г. — при Нижегородском ГЖУ.

С 1910 Ерандаков — начальник городского контрразведывательного отделения при Санкт-Петербургском ГЖУ. С 1914 — начальник КРО Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба. Арестован после Февральской революции, освобожден.

КОМИССАРОВ Михаил Степанович (1870–1933). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. Закончил Полоцкий кадетский корпус и 3-е военное Александровское училище. С 1890 года подпоручик 1-го мортирного артиллерийского полка. В 1904 г. переведен в Отдельный корпус жандармов с прикомандированием к СПб губернскому жандармскому управлению.

С августа 1904 г. прикомандирован к Департаменту полиции, где стал во главе вновь образованного секретного отделения по наблюдению за иностранными посольствами и военными агентами, перлюстрации и расшифровке их секретной дипломатической переписки. В конце 1905 года, по распоряжению стоявшего тогда во главе политической части департамента П.И. Рачковского, напечатал в помещении департамента два воззвания: «К солдатам» и «К избирателям в Государственную думу», которые и дали потом повод к запросу в Государственной думе о погромной деятельности Департамента полиции. С 15 сентября 1906 г. поступил в распоряжение СПб градоначальника для и. д. помощника начальника СПб охранного отделения.

В 1909–1915 гг. — начальник губернских жандармских управлений (Енисейского в 1909–1910 гг., Пермского в 1910–1912 гг., Саратовского в 1912–1915 гг., с июня 1915 г. — Вятского).

С 26 октября 1915 г. назначен начальником Варшавского губернского жандармского управления, но, в виду занятия Варшавы немцами, прикомандирован к Петроградскому губернскому жандармскому управлению. По распоряжению товарища министра внутренних дел Белецкого назначен заведующим охраной Распутина.

В марте 1916 г. назначен градоначальником Ростова-на-Дону и 3 августа того же года уволен в отставку. После Февральской революции с марта по июнь 1917 г. находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Умер в эмиграции.

ЛАВРОВ Владимир Николаевич (1869-год смерти неизв.). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. Начальник разведочного отделения Главного управления Генштаба в 1903–1910 гг.

Окончил 2-е Константиновское военное училище. Служил в Тифлисском ГЖУ, начальник местного охранного отделения. С 1903 по 1910 г. возглавлял (в звании полковника) разведочное отделение ГУ ГШ. В 1911 г. Лавров, выйдя в отставку и поселившись во Франции, руководил первой организацией агентурной разведки в Западной Европе — т. н. «организацией № 30», действовавшей против Германии.

МАНАСЕВИЧ-МАНУЙЛОВ Иван Федорович

(1869–1918). Надворный советник. Чиновник Департамента полиции, сотрудник контрразведки.

Выходец из бедной еврейской семьи, отец его был по приговору суда за подделку акцизных бандеролей сослан в Сибирь на поселение, где Иван в 7 лет был усыновлен богатым сибирским купцом Мануйловым. Принял лютеранство, окончил реальное училище в Петербурге, поступил на службу в департамент духовных дел. С 1890 г. сотрудник в

газетах «Новое Время» и «Новости» и одновременно в СПб. охранном отделении. В качестве секретаря редакции газеты «Новости» в 1894 г. ездил в Париж для сбора, по поручению СПб охранного отделения, сведений о положении заграничной агентуры. В 1899 г. назначен агентом департамента духовных дел в Риме. Одновременно по поручению Департамента полиции, вел с 1901 г. наблюдение за русскими революционными группами. В 1902–1903 гг. временно командирован, по приказанию министра внутренних дел В.К. Плеве, в Париж для информации и подкупа иностранной печати. В течение нескольких месяцев издавал в Париже газету «La revue russe» («Русское обозрение»).

Во время русско-японской войны занимался за границей контрразведкой, устроив внутреннюю агентуру при японских миссиях в Гааге, Лондоне и Париже и добыв часть японского дипломатического шифра.

В 1905 г. был поставлен во главе организованного им отдела департамента полиции, в задачи которого входило, кроме наблюдения за иностранными шпионами, добыча шифров иностранных государств, причем, по его словам, им были получены шифры Америки, Китая, Болгарии и Румынии. С назначением генерала Д.Ф. Трепова товарищем министра внутренних дел и П.И. Рачковского — заведующим политической частью Департамента полиции Манасевич-Мануйлов был освобожден от своих обязанностей и откомандирован в распоряжение Председателя Совета Министров графа С.Ю. Витте. 1 сентября 1906 г. уволен в отставку, после чего занимался журналистикой в «Новом времени» и «Вечернем времени».

21 января 1910 г. по распоряжению товарища министра внутренних дел генерала П.Г. Курлова у Манасевича-Мануйлова был произведен обыск в виду поступивших сведений о его контактах с В.Л. Бурцевым и продаже ему секретных документов Департамента полиции, но обыск оказался безрезультатным и дальнейших последствий не имел.

В 1915 г. Манасевич-Мануйлов был личным информатором С.П. Белецкого, осведомителем следственной комиссии генерала Н.С. Батюшина и одним из близких к Распутину людей. В конце того же года причислен к министерству внутренних дел, а после назначения в январе 1916 г. Б.В. Штюрмера Председателем Совета Министров откомандирован в его распоряжение. Петроградским окружным судом 13–18 февраля 1917 г. по обвинению в шантаже товарища директора Московского соединенного банка И. Хвостова был признан виновным в мошенничестве и приговорен к лишению всех особых прав и преимуществ и к заключению на 1,5 года. 27 февраля 1917 г. во время Февральской революции при пожаре тюрьмы был в числе прочих заключенных освобожден.

После Октябрьской революции пытался бежать с документами на имя иностранного гражданина за границу, но на финляндской границе узнан одним из членов пограничной комиссии и арестован. Расстрелян ВЧК.

ТУРКЕСТАНОВ Василий Георгиевич (1871–1937). Князь. Полковник Отдельного корпуса жандармов (1916). Начальник Центрального военно-регистрационного бюро и контрразведывательного отделения при Главном управлении Генерального штаба в 1915–1917 гг.

Владелец имения Озерище (Духовщинский уезд), где семья несколько лет проживала и после революции. Получил образование во 2-м Московском кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище по 1-м разряду. С 1892 г. — в 162-м пехотном Ахалцыхском полку. 29 мая 1898 г. переведен в Отдельный корпус жандармов из того же полка. С июня 1898 года — адъютант Могилевского губернского жандармского управления. С ноября 1901 г. — начальник Ашанского отделения Самарского ЖПУ. С сентября 1902 г. — начальник Калужского отделения того же управления.

В 1907–1915 гг. находился в Москве в распоряжении градоначальника. С 10 июля 1908 г. находился при Московском губернном жандармском управлении.

С 1911 г. перешел на службу в контрразведку и был назначен начальником Московского контрразведывательного отделения. В феврале 1914 г. находился в Пермской губернии для задержания приземлившихся там германских летчиков. В 1915 г.

прикомандирован к Петроградскому губернскому жандармскому управлению и затем откомандирован в распоряжение военного министра.

С 1915 г. был начальником Центрального военно-регистрационного бюро и контрразведывательного отделения при Главном управлении Генерального штаба в Петрограде. Награжден орденами св. Анны 3-й и 2-й степеней, св. Станислава 2-й степени.

После февральского переворота 1917 г. по случаю расформирования корпуса жандармов приписан к армейской пехоте. Назначен членом Петроградской военно-приемной комиссии (28.07.1917 г.) и только в мае 1918 г., по болезни, был из нее уволен.

Ходатайствуя о пенсии, писал: «каждое государство, вне зависимости от его политического строя, использовав силы и работоспособность лица, обслуживавшего в течение определенного времени государственные нужды, дает в дальнейшем этому лицу возможность существовать, т. е. не умереть с голоду, как самому, так и его семье, путем назначения пенсии. В этом заключается справедливость, благодарность и возмездие со стороны государства за те силы и годы, которые ему отданы. Мы, посвятившие себя делу контрразведки и первые пионеры в России по борьбе с иностранным шпионством, оказались в неизмеримо худших условиях в смысле пенсионных прав по сравнению со всем прочим офицерством и даже Корпусом жандармов».

Получал небольшую пенсию с 7 сентября 1918 года. Во время советско-польской войны был мобилизован и некоторое время находился на фронте. После высылки его семьи из имения жил в Москве. Арестован и расстрелян НКВД 9 ноября 1937 г. Посмертно реабилитирован.

ЯКУБОВ Владимир Михайлович (1868–1918). Полковник Отдельного корпуса жандармов (1916). Начальник контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа в 1916–1917 гг.

Получил образование в Нижегородском гр. Аракчеева кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище по 1-му разряду. В 1888 г. направлен в 3-й кубанский пластунский батальон. В апреле 1895 г. переведен в Отдельный корпус жандармов адъютантом Рязанского губернского жандармского управления, с апреля 1897 г. и. д. помощника начальника Донского областного жандармского управления по Усть-Медведицкому и Хоперскому округам.

С 7 января 1902 г. — помощник начальника Полтавского губ. жандармского управления по Лубенскому и Миргородскому уездам, с мая 1903 г. помощник начальника того же управления в Полтаве. С 1908 г. состоял в резерве при СПб губернском жандармском управлении.

С 1911 г. помощник делопроизводителя Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера ГУ ГШ. С июня 1914 г. прикомандирован к жандармскому управлению г. Одессы.

С 1915 г. — помощник начальника разведывательного отделения штаба 7-й армии.

В 1916–1917 гг. — начальник КРО штаба Петроградского военного округа. Арестован 6 марта 1917 г., освобожден. Расстрелян в период «красного террора».

Награжден орденами св. Станислава 3-й и 2-й степеней, св. Анны 2-й степени, св. Владимира 4-й степени.

2. Краткие биографии руководителей контрразведки СССР и РФ

МАКОВСКИЙ Юрий (Ежи Францишек) Игнатьевич (1889–1937). Родился в Варшаве. В 1909 г. вступил в Польскую социалистическую партию — «революционную фракцию» (сторонники Пилсудского). Работал в подполье, под псевд. «Франек» организатор и инструктор т. н. «стрелецких дружин». В 1914 г. арестован. Отбывал наказание в Варшавской, Орловской и Московской тюрьмах. Освобожден в марте 1917 г. Один из руководителей Польской социалистической партии — «революционной фракции» в Москве.

После Октябрьской революции — сотрудник польского комиссариата Наркомата по делам национальностей РСФСР. В 1918 г. вступил в РКП(б). В январе 1918 — марте 1919 гг. — командир батальона при Витебском губернском военном комиссариате, организатор и командир 4-го Варшавского полка 2-1 бригады Западной стрелковой дивизии, исполнял обязанности командира этой дивизии. С марта 1919 г. — помощник наркома по военным делам Литовско-Белорусской Советской республики. Руководил обороной республики от польских интервентов. С апреля 1919 г. на нелегальной работе в Польше. Один из руководителей нелегальной военной организации КП Польши. Арестован в апреле 1920 г. Выехал в результате обмена пленными в Советскую Россию в мае 1921 г. Помощник секретаря и член Польского бюро ЦК РКП(б).

В 1921–1922, 1925–1929 и в 1932–1935 гг. служил в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД (начальник 3-го отделения, помощник начальника КРО ОГПУ). В 1922–1925 гг. — слушатель, в 1929–1932 гг. — адъютант и комиссар Военной академии РККА. С августа 1932 г. — резидент ИНО ОГПУ во Франции. На нелегальную работу выезжал по швейцарскому паспорту А.Х. Артузова на имя Артура-Евгения-Леонарда Фраучи. После возвращения в СССР с 1935 г. — начальник Особого отдела УНКВД по Омской обл.

Арестован 28 декабря 1935 г. Приговорен комиссией НКВД, Прокуратуры СССР и Военной коллегии Верховного суда СССР 4 ноября 1937 г. к высшей мере наказания по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в октябре 1967 г.

ЛОГАНОВСКИЙ Мечислав Антонович (1895–1938). Родился в г. Кельце Царства Польского в семье адвоката. В 1914 окончил гимназию. Вступил в Польскую социалистическую партию. В Варшаве вступил в POV («Польская организация войскова»). В начале 1915 г. в связи с провалом организации был арестован, этапирован в Нижегородскую тюрьму, содержался в заключении до марта 1916 г. После освобождения работал в Комитете помощи беженцам в Нижнем Новгороде. Участник Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Москве. В декабре 1917 г. — член Московского областного комитета Польской социалистической партии. В июле 1918 г. на конференции ППС партии в Москве заявил о выходе из партии. В том же месяце вступил в РКП(б) и Компартию Польши. Вступил добровольцем в Красную Армию. Окончил 1-е Московские артиллерийские курсы красных командиров. Служил в 52-й стрелковой дивизии, сформированной из поляков. В апреле 1919 г. в бою под Барановичами принял командование батареей, в августе был ранен. После излечения был направлен на Южный фронт, командовал артдивизионом. С мая 1920 г. на Западном фронте, начальник и комиссар регистрационного отдела (военная разведка) 15-й армии, в августе комендант и военком Белостокского округа. В январе 1921 г. откомандирован в распоряжение Ф.Э. Дзержинского и направлен на работу в ВЧК. С февраля уполномоченный ИНО ВЧК, затем резидент советской разведки в Варшаве под прикрытием должности делегата РСФСР по делам репатриации, 2-го секретаря полпредства. Возглавляемой Логановским резидентуре удалось добыть важные документальные сведения о поддержке польскими спецслужбами савинковских банд и других антисоветских вооруженных формирований.

В 1923–1925 гг. — резидент в Вене под прикрытием должности секретаря полпредства СССР в Австрии. В мае — ноябре 1925 г. — помощник начальника ИНО ОГПУ.

В ноябре 1925 г. переведен на работу в НКВД. В 1925–1927 гг. — руководитель Политотдела и член Коллегии Наркомата. С сентября 1927 г. — советник полпредства в Иране. На дипломатической службе продолжал заниматься разведывательной деятельностью. В 1934–1937 гг. — зам. наркома внешней торговли СССР. С апреля 1937 г. зам. наркома пищевой промышленности СССР.

Арестован 16 мая 1937 г. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 29 июля 1938 г. к высшей мере наказания по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

УНШЛИХТ Иосиф (Юзеф) Станиславович (1879–1938). Зам. председателя ВЧК-ГПУ (1921–1923). Родился в г. Млава Плоцкой губернии (Польша) в семье служащего. Окончил Высшие технические курсы в Варшаве по специальности «электротехника». С 1896 г. участвовал в революционном движении, в 1900 г. вступил в Социал-демократическую партию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), член Варшавского, Лодзинского окружного комитетов и Краевого правления СДКПиЛ. Принимал участие в работе V съезда РСДРП в 1907 г. Много раз подвергался арестам (в 1902, 1903, 1906, 1907, 1909, 1913 гг.), тюрьмам и ссылкам. В 1917 г. член исполкома Иркутского Совета и комитета партии большевиков. С апреля в Петрограде, член исполкома Петроградского Совета. Делегат VII (Апрельской) конференции РСДРП(б). По списку большевиков (от Петроградской организации РСДРП(б)) был избран в Учредительное собрание.

В июле 1917 г. арестован, заключен в «Кресты». В дни Октябрьского вооруженного восстания член Петроградского ВРК, член ВЦИК. В декабре 1917 г. был назначен членом Коллегии НКВД, председателем Комиссии по делам военных и беженцев (Центропленбеж). В феврале 1918 г. один из организаторов обороны против германских интервентов в районе Пскова. С февраля 1919 г. — нарком по военным делам Литовско-Белорусской советской социалистической республики, с апреля — зам. председателя Совета обороны Литвы и Белоруссии, член ЦК и президиума ЦК КП ЛитбелССР, член РВС 16-й армии. Во время советско-польской войны 1920 г. — член Польского бюро ЦК РКП(б) и РВС Западного фронта (в декабре 1919 — апреле 1921 гг.), курировал особые отделы и военную разведку. 5 апреля 1921 г. по решению Политбюро ЦК РКП(б) занял пост зам. председателя ВЧК (затем ГПУ). С сентября 1921 г. член Совета частей особого назначения при ЦК РКП(б), 8 ноября 1921 г. по постановлению Президиума ВЧК по совместительству председатель Московской чрезвычайной комиссии (МЧК). В 1923 г. входил в состав комиссии ЦИК СССР по выработке положения об ОГПУ Параллельно вел работу в Коминтерне. Был участником событий т. н. «Немецкого Октября», занимался организацией вооруженных отрядов и подбором кадров для будущей немецкой ЧК, являлся членом постоянной военной (военно-конспиративной) комиссии при Орготделе ИККИ.

С ноября 1923 г. — член РВС СССР и начальник снабжения РККА. С февраля 1925 г. — зам. наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе (после его смерти в октябре 1925 г. — К.Е. Ворошилова). Был одним из организаторов и руководителей массовых добровольных оборонных организаций (Доброхим, Авиахим, Осоавиахим). Курировал военную разведку (был инициатором т. н. «активной разведки» против Польши и Румынии) и Особое техническое бюро.

С 1930 г. на хозяйственной работе. Член Президиума и зам. председателя ВСНХ СССР, зам. председателя Госплана СССР, затем Главный государственный арбитр при СНК СССР. В 1933–1935 гг. он возглавлял Главное управление Гражданского воздушного флота при СНК СССР.

Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. На XIII съезде РКП(б) был избран членом ЦРК, на XIV, XV, XVI, XVII съездах партии — кандидатом в члены ЦК. На VII съезде Советов в феврале 1935 г. был избран секретарем Союзного Совета ЦИК СССР.

Награжден орденом Красного Знамени.

11 июня 1937 г. арестован по делу «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии». 28 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 28 (по некоторым данным 29) июля 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

СОСНОВСКИЙ (наст. фам. Добржинский) Игнатий Игнатьевич (1897–1937). Комиссар госбезопасности 3 ранга (1935). Родился в г. Рига. С 1912 г., будучи гимназистом в Вильно, принимал активное участие в деятельности различных польских националистических групп. Учился в Московском университете. С 1918 г. член ППС

(революционная фракция). С 1918 г. служил вольноопределяющимся в корпусе генерала Довбор-Мусницкого (армия Пилсудского). Руководил восстаниями рабочих в Сувалках и Гродно против немцев. Являлся членом Польской организации войсковой. Руководил разведывательной сетью 2-го отдела Генштаба Польши в России под кличкой «Сверщ». В мае

1920 г. арестован и вместе со своими бывшими агентами перешел на работу в органы ВЧК. Сотрудник для особых поручений ОО ВЧК. С мая 1921 г. пом. начальника, с 1922 г. — начальник отделения КРО ОГПУ. С 1927 по 1929 гг. — секретарь Секретно-оперативного управления ОГПУ. В 1929–1931 гг. — начальник КРО полномочного представительства по Белорусскому военному округу, затем по Центрально-Черноземной области. В 1931–1935 гг. — начальник отделения, зам. начальника Особого отдела ОГПУ-ГУГБ НКВД СССР. С мая 1935 г. — зам. начальника управления НКВД по Саратовскому краю.

Награжден орденом Красного Знамени. Арестован в ноябре 1936 г. Расстрелян 15 ноября 1937 г. Реабилитирован в 1958 г.

МЕССИНГ Станислав Адамович (1890–1937). Зам. председателя ОГПУ, руководитель внешней разведки в 1929–1931 гг. Родился в Варшаве в семье музыканта. В 1907 г. вступил в СДКПиЛ, был арестован, в 1908 г. выслан в Бельгию. После возвращения в Варшаву в 1911 г. вновь арестован. В 1913–1917 гг. служил в армии в Туркестане, с 1914 г. — на Кавказском фронте. В 1917 г. был избран членом полкового солдатского комитета.

В октябре 1917 г. в Москве, секретарь Сокольнического совета, председатель районной ЧК. С декабря 1918 г. член коллегии и заведующий секретно-оперативным отделом Московской ЧК, по совместительству с марта 1920 г. — член Коллегии СТО РСФСР. С июня 1920 г. — зам. председателя Московской ЧК, с июля — член Коллегии ВЧК; с января 1921 г. председатель Московской ЧК. В ноябре 1921 г. назначен председателем Петроградской ЧК и полномочным представителем ВЧК по Петроградскому военному округу, с октября 1922 г. также командующим войсками ГПУ Петроградского ВО. С июня 1922 г. — член Коллегии ГПУ, затем начальник Петроградского губернского отдела ОГПУ и полномочный представитель ОГПУ в Петроградском (Ленинградском) ВО. С сентября 1923 г. — член Коллегии ОГПУ. В 1926–1927 гг. — член Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). С октября 1929 г. — начальник ИНО ОГПУ и 2-й зам. председателя ОГПУ, уполномоченный ОГПУ при СНК РСФСР. В 1930–1934 гг. — член ЦКК ВКП(б).

25 июля 1931 г. был снят с занимаемых должностей и вместе с Л.Н. Вельским, И.А. Воронцовым и Я.К. Ольским уволен из органов ОГПУ.

В августе 1931 г. был назначен членом коллегии Наркомвнешторга СССР. С 1936 г. — член совета при Наркомвнешторге и председатель ВО «Совмонголтувторг», в 1937 г. — председатель Советско-Монгольско-Тувинской торговой палаты НКВТ, член президиума Торгово-промышленной палаты СССР.

Награжден орденом Красного Знамени (1926). Арестован 15 июня 1937 г. по обвинению в членстве в ПОВ («Польская организация войскова») и шпионаже в пользу Польши с 1918 г. 2 сентября 1937 г. комиссией в составе наркома внутренних дел, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

МЕДВЕДЬ Филипп Демьянович (1889–1937). Член Коллегии ВЧК с 27 марта 1919 по февраль 1922 г., Коллегии ГПУ в 1922–1923 гг., Коллегии ОГПУ в 1931–1934 гг. Родился в дер. Масеево Пружанского уезда Гродненской губ. в семье рабочего. Учился в железнодорожном училище, затем в механико-техническом училище, из последнего был исключен за участие в забастовке. Работал чертежником, землемером, плотником. В 1907 г. в Варшаве по рекомендации Ф.Э. Дзержинского был принят в члены Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Четыре раза был арестован, два года провел в заключении в

тюрьме. Участник Первой мировой войны. С марта 1917 г. работал в Сокольнических мастерских в Москве, участвовал в организации Сокольнической районной милиции, в октябре 1917 г. входил в состав Сокольнического районного ВРК, командовал 1-м Московским революционным отрядом, до мая 1918 г. являлся военкомом Сокольнического района.

С мая 1918 г. — член контрольной коллегии ВЧК. С сентября — председатель Тульской губ. ЧК. 27 марта 1919 г. утвержден членом Коллегии ВЧК. В мае-августе 1919 г. — председатель Петроградской ЧК. В августе-октябре 1919 г. — начальник особого отдела Западного фронта. В октябре-декабре того же года заведовал концентрационными лагерями и одновременно отделом принудительных работ НКВД РСФСР.

В декабре 1919 г. вновь назначен начальником Особого отдела Западного фронта, одновременно с января 1921 г. — полномочным представителем ВЧК по Западному краю. В ноябре 1921 г. был отозван в Москву и назначен зам. председателя Московской ЧК, одновременно начальником Московской окружной транспортной ЧК. С декабря того же года по совместительству — начальник особого отдела Московского военного округа. В марте 1922 г. был освобожден от работы в транспортной ЧК и назначен начальником Московского губ. отдела ГПУ с оставлением руководителем Особого отдела МВО. С июля 1922 г. — член Коллегии ГПУ при НКВД РСФСР. После ликвидации в декабре 1923 г. Московского губ. отдела ОГПУ в апреле 1924 г. назначен полномочным представителем ОГПУ по Западному краю — председателем ГПУ при СНК Белорусской ССР и по совместительству начальником особого отдела Западного фронта. В декабре 1925 г. освобожден от должности с объявлением выговора за допущенный инцидент на советско-польской границе, когда пограничники обстреляли партизан диверсионных отрядов Разведывательного управления Штаба РККА, проводивших т. н. «активную разведку» и уходивших от преследования польских жандармов. В феврале 1926 г. переведен в Хабаровск полномочным представителем ОГПУ по Дальневосточному краю; с августа 1929 г. одновременно возглавлял особый отдел вновь образованной Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В январе 1930 г. был назначен полномочным представителем ОГПУ по Ленинграду и Ленинградскому военному округу, по совместительству начальником Особого отдела ЛВО и Ленинградского окружного транспортного отдела ОГПУ (оба последних поста занимал до апреля 1932 г.) В июле 1931 г. приказом ОГПУ смещен с должности, но в августе того же года, видимо, после обращения в вышестоящие инстанции первого секретаря Ленинградского обкома партии, личного друга Медведя, С.М. Кирова приказ был отменен.

С 22 ноября 1931 г. — член Коллегии ОГПУ СССР. В июле 1934 г. после упразднения ОГПУ — начальник Управления НКВД Ленинградской области.

3 декабря 1934 г., в связи с убийством С.М. Кирова, был смещен с должности и арестован. 23 января 1935 г. вместе с другими руководителями Ленинградского УНКВД приговорен за «преступно-халатное отношение к своим обязанностям по охране госбезопасности» к 3 годам исправительно-трудовых работ. Работал в системе Дальстроя НКВД начальником Южного горно-промышленного управления.

Награжден 2 орденами Красного Знамени, 2 знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

В мае 1937 г. отозван в Москву. 7 сент. 1937 г. был арестован. Приговорен к высшей мере наказания в особом порядке. Расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1957 г.

БАРАНСКИЙ Казимир Станиславович (1894–1937). Майор госбезопасности (1935). Родился в д. Ленчно Петроковской губ. Царства Польского в семье крестьянина-середняка. Окончил сельскую школу, Петроковское городское училище, коммерческое училище. В 1918 г. — служащий банка в Москве. В 1918 г. окончил артиллерийское отделение 1-х Московских командных курсов. В декабре 1918 г. вступил в РКП(б). С февраля 1919 г. — в Красной Армии, комиссар дивизиона легкой артиллерии, сотрудник регистрационного отдела (военная разведка) штаба Западного фронта. Был ранен.

С марта 1921 г. в ИНО ВЧК, зам. легального резидента ИНО ОГПУ и

Разведывательного управления Штаба РККА в Варшаве, с 1923 г. — резидент ИНО под прикрытием должности секретаря полпредства СССР в Польше (псевд. «Кобецкий»). Вел работу против трех контрразведок — 2-го отдела польского Генштаба, 2-го отделения Варшавского корпуса и варшавской политической полиции. Благодаря добытой им информации были раскрыты и ликвидированы сети французской и польской разведок на Украине и западных губерниях РСФСР, на Правобережной Украине, польская разведывательная сеть в Киеве и Донбассе, банда атамана Трейко, штаб Волынской повстанческой армии. Сообщенные сведения способствовали удачному завершению операций по выводу на территорию СССР Б. Савинкова и Ю. Тютюнника. Летом 1924 г. во время конспиративной встречи с агентом был задержан и избит полицейскими, после освобождения покинул Варшаву.

В Москве работал уполномоченным в центральном аппарате ИНО ОГПУ. В 1930–1933 гг. — начальник 6-го отделения (разведка в странах Востока) ИНО ОГПУ. С 1933 г. — начальник 4-го отделения (разведка в Польше, Финляндии и Прибалтийских государствах) ИНО ОГПУ — ГУГБ НКВД. С 1936 г. — начальник отделения 6-го (Транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР.

Награжден орденом Красного Знамени.

Арестован 11 мая 1937, 14 августа приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания по обвинению в шпионаже и принадлежности к ПОВ («Польская организация войскова») и в тот же день расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

СТАШЕВСКИЙ (Гиршфельд, «Верховский») Артур Карлович (1890–1937). Уроженец Митава (после 1917 г. — Елгава, Латвия). Окончил 4 класса гимназии. Член СДКПиЛ с 1906 г. В 1908 г. эмигрировал. Работал на фабриках в Париже и Лондоне. В 1918 г. приехал в РСФСР. Окончил Лефортовскую школу красных командиров в Москве. В 1918 г. вступил в РКП(б). В Гражданскую войну — военком 4-й стрелковой дивизии, начальник разведотдела штаба Западного фронта.

В 1921–1924 гг. — первый резидент объединенной резидентуры ИНО и советской военной разведки в Берлине, официально секретарь торгпредства РСФСР. В 1925–1935 гг. работал в Наркомвнешторге. Торговый представитель СССР в Испании в 1936–1937 гг.

8 июня 1937 г. был арестован. 21 августа 1937 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован.

БРАНДЛЕР Генрих (1881–1967). Деятель германского рабочего и коммунистического движения. Рабочий-каменщик. В 1901–1916 гг. — член Социал-демократической партии Германии, в годы первой мировой войны — член «Союза Спартака». Один из основателей, а в 1921–1923 гг. — лидер КПП. В конце 1923 г. был отстранен от руководства партией за «правый уклон». В 1922 г. — член ИККИ, член Президиума ИККИ, в 1924–1928 гг. — член ВКП(б). В 1928 г. основал так называемую «КПП (оппозиционную)». В 1929 г. исключен из ВКП(б). В 1933 г. эмигрировал из Германии. Возглавлял «Международное объединение коммунистических оппозиций» (ИВКО). В 1948 г. вернулся в Западную Германию, возглавлял группу «Рабочая политика» в ФРГ.

ПРОКОФЬЕВ Георгий Евгеньевич (1895–14.8.1937). Комиссар госбезопасности 1 ранга (1935). Зам. председателя ОГПУ — наркома внутренних дел СССР в 1932–1937 гг. Родился в Киеве в семье чиновника. Дворянин. Окончил гимназию, юридический факультет Киевского университета и один курс коммерческого института.

Участник революционного движения с 1915 г. В 1916–1919 гг. — анархо-коммунист, принимал участие в революционных событиях 1917 г. в Киеве. В 1918–1919 гг. — на подпольной работе на Украине. С декабря 1919 г. член РКП(б).

В 1919–1920 гг. начальник политико-просветительного отдела 12-й, затем 1-й Конной

армий. После демобилизации служил политработником на железнодорожном транспорте.

В сентябре 1920 г. по рекомендации Ф. Э. Держинского был принят в органы ВЧК. Занимал должность помощника начальника Закордонной части Особого отдела ВЧК, уполномоченного 6-го и 12-го спецотделений ИНО ВЧК, одновременно с мая по декабрь 1921 г. — помощника начальника 15-го спецотделения Особого отдела ВЧК, зам. начальника Закордонной части ИНО ВЧК-ГПУ с июля 1922 по февраль 1924 г. — помощник начальника ИНО ГПУ/ОГПУ, одновременно в ноябре-декабре 1922 г. — помощник начальника Особого бюро при СОУ ГПУ по административной высылке антисоветски настроенной интеллигенции.

С февраля 1924 по июль 1926 г. работал начальником информационного отдела ОГПУ СССР и по совместительству в июле-октябре 1925 г. — и. о. начальника отдела политконтроля ОГПУ (в ноябре 1925 г. отдел политконтроля был объединен с информационным отделом).

В феврале 1926 г., продолжая оставаться начальником информационного отдела ОГПУ, был назначен начальником Экономического управления ОГПУ; в этой должности проработал до августа 1931 г. С октября 1929 г. был членом коллегии ОГПУ. Одновременно с ноября 1930 по август 1931 г. был членом Президиума ВСНХ и уполномоченным СТО СССР по строительству автомобильного завода в Нижнем Новгороде, с апреля 1931 г. — начальником Управления Беломорстроя НКПС СССР. В августе — октябре

1931 г. — начальник Особого отдела ОГПУ. С октября 1931 г. — зам. наркома рабоче-крестьянской инспекции СССР.

С ноября 1932 г. — зам. председателя ОГПУ СССР, одновременно с декабря 1932 по январь 1934 г. — начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции ОГПУ. Также состоял членом Комиссии ЦК ВКП(б) по политическим (судебным) делам, с февраля 1934 г. — членом Комиссии советского контроля при СНК СССР.

С образованием НКВД СССР в июле 1934 г. — 2-й зам. наркома внутренних дел СССР, с сентября 1934 г. по совместительству — уполномоченный НКВД СССР при СНК РСФСР и председателем Добровольного спортивного общества «Динамо».

В сентябре 1936 г. освобожден от постов в НКВД и назначен 1-м зам. наркома связи СССР. В январе 1937 г. выведен из состава Комиссии ЦК ВКП(б) по политическим (судебным) делам, затем переведен в запас ГУГБ НКВД.

Награжден орденом Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ», знаком «Почетный работник РКМ» (Рабоче-крестьянской милиции).

В апреле 1937 г. арестован по обвинению в участии в антисоветском заговоре в НКВД и подготовке террористического акта против наркома Ежова. 14 августа приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

ЛЕПЛЕВСКИЙ Израиль Моисеевич (1896, по другим данным 1894-28.7.1938). Комиссар ГБ 2 ранга (1935). Родился в Брест-Литовске в многодетной семье резчика на табачной фабрике (брат Григорий Леплевский — старый большевик, работал на руководящих постах в Малом Совнаркоме РСФСР и Прокуратуре СССР). Член Бунда в 1910–1914 гг. Получил домашнее образование. Работал в Брест-Литовске в шапочной мастерской, на складе аптекарских товаров.

В 1914 г. мобилизован в армию. Служил рядовым 154-го Дербентского и 3-го пограничного полков на Турецком фронте (октябрь 1914 — июнь 1917 гг.).

В марте 1917 г. вступил в Тифлисе в партию большевиков. С июля 1917 г. в Екатеринославе — член комитета Военной организации РСДРП(б).

С февраля 1918 г. работал в органах ВЧК- регистратор оружия Саратовской ЧК. С июня 1918 г. работал в большевистском подполье в занятой белочехами Самаре — член подпольного Самарского комитета РСДРП(б). С октября 1918 г. после освобождения Самары — помощник и заместитель заведующего секретно-оперативным отделом Самарской губЧК (в Самаре работал Г.М. Леплевский). С мая 1919 г. в Екатеринославе — член Центрального

бюро фракции КП(б)У, после занятия города деникинцами на подпольной работе.

После освобождения города Красной Армией вновь работал в ЧК — уполномоченный 1-й группы, член коллегии, помощник заведующего и заведующий секретно-оперативным отделом Екатеринославской губ. ЧК, заведующий особым отделом, временно и. д. начальника активной части, заведующий секретно-оперативной частью, заведующий административно-организационным отделом, зам. председателя Екатеринославской губЧК.

С мая 1922 г. — начальник Екатеринославского губотдела ГПУ УССР, с февраля 1923 г. — начальник Подольского губотдела ГПУ, одновременно в 1923–1924 гг. — ответственный секретарь Подольского губкома КП(б)У.

С октября 1925 г. — начальник Одесского окротдела ГПУ, одновременно начальник и военком 26-го погранотряда ОГПУ, член коллегии ГПУ УССР. С июля 1929 г. работал в Харькове — заместитель начальника (с декабря 1929 г. — начальник) СОУ ГПУ УССР, одновременно с 1930 г. — начальник Особого отдела Украинского военного округа. Один из организаторов операции «Весна» (репрессии против бывших офицеров царской армии, служивших в РККА).

С августа 1931 г. вместе со своим начальником по ГПУ Украины В.А.Балицким в центральном аппарате ОГПУ в Москве — заместитель начальника ОО ОГПУ СССР, с 17 ноября 1931 г. — начальник ОО ОГПУ СССР.

С 20 февраля 1933 г. — 2-й зам. председателя ГПУ УССР (вернулся в Харьков вместе с Балицким, назначенным председателем ГПУ УСССР). Рассорившись со своим покровителем Балицким, в январе 1934 г. переведен в Саратов полпредом ОГПУ по Саратовскому краю (с июля того же года — начальник УНКВД Саратовского края). С декабря 1934 г. — нарком внутренних дел Белорусской ССР.

28 ноября 1936 г. переведен в центральный аппарат НКВД на пост начальника ОО ГУГБ НКВД СССР (с 25 декабря 1936 г., после переименования отдела — начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР). Один из руководителей следствия по делу М.Н. Тухачевского и других военачальников РККА.

С 14 июня 1937 г. — нарком внутренних дел Украинской ССР. Руководил массовыми репрессиями на Украине. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

В январе 1938 г. вновь переведен в Москву начальником 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР. После реорганизации НКВД с 28 марта 1938 г. — заместитель начальника (с 8 апреля — начальник) 3-го (транспортного) управления НКВД СССР, одновременно начальник 1-го отдела этого управления.

Награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ», медалью «XX лет РККА».

Арестован 26 апреля 1938 г., 28 июля того же года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

ГАЙ (наст. фам. Штоклянд) Марк Исаевич (1898-20.6.1937). Начальник Особого отдела ОГПУ-ГУГБ НКВД в 1933–1936 гг. Комиссар ГБ 2 ранга (1935). Родился в семье кустара-шапочника в Виннице. Окончил 4-хклассное высшее начальное училище и 8-ю гимназию в Киеве, Киевское художественное училище (1916) и 2 курса юридического факультета Киевского университета (1918), одновременно подрабатывал репетиторством и служил рядовым в Красногвардейском отряде в Виннице и в Киеве (октябрь 1917 — февраль 1918) и работал в подполье в Киеве (февраль-октябрь 1918).

С октября 1918 г. служил в РККА рядовым Таращанского полка. В марте 1919 г. вступил в РКП(б) и был назначен уполномоченным Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии на Южном фронте. С августа 1919 г. — комендант полка, полевой комендант штабов групп, начальник передвижения войск, комендант Херсона, политрук комендантской роты, военный комиссар 84-го Отдельного батальона 24-й стрелковой бригады Юго-Западного фронта, военком, начальник политотдела 36-й стрелковой бригады 12-й дивизии, заместитель начальника политотдела 12-й железнодорожной дивизии,

начальник политотдела 59-й стрелковой дивизии (в мае 1920 г. передана в состав войск ВЧК). С этого времени служит в органах госбезопасности.

С 1921 г. — заместитель начальника и начальник политотдела войск охраны и обороны железных дорог Украины и Крыма, помощник начальника и начальник политсекретариата войск ВЧК Украины и Крыма, нач. политсекретариата войск ВЧК Украины и Крыма. В 1922 г. — заместитель начальника политсекретариата войск ГПУ Крыма. С мая того же года — начальник оргинспекторской части политотдела войск ГПУ при НКВД РСФСР, с сентября 1922 г. — заместитель начальника агитпропчасти политотдела войск ГПУ, с ноября 1922 г. — помощник начальника политотдела войск ГПУ, с октября 1923 г. — старший инспектор по политработе Главной инспекции войск ОГПУ СССР. В марте-октябре 1924 г. — помощник начальника по политчасти Главного инспектора войск ОГПУ СССР. С октября того же года учился и в августе 1925 г. окончил курсы усовершенствования высшего состава при Военной академии РККА.

В августе 1925 — феврале 1927 гг. служил в Отдельной дивизии особого назначения (ОДОН) при коллегии ОГПУ СССР начальником политотдела и временно исполняющим должность комдива-военкома. С февраля 1927 г. — в резерве назначения Административного отдела АОУ ОГПУ СССР.

С мая 1927 г. служил в Экономическом управлении ОГПУ — помощником начальника 4-го отделения, начальником 8-го и 9-го отделений, с июля 1930 г. — помощником начальника ЭКУ ОГПУ, в апреле-августе 1931 г. одновременно начальником 1-го отделения ЭКУ, в августе 1931 — декабре 1932 гг. — заместителем начальника ЭКУ ОГПУ СССР.

С декабря 1932 г. — заместитель начальника Особого отдела ОГПУ СССР. С 1 июня 1933 по 28 ноября 1936 гг. — начальник ОО ОГПУ СССР — ОО ГУГБ НКВД СССР.

В ноябре 1936 г. переведен в Иркутск начальником УНКВД Восточно-Сибирского края.

Награжден орденом Красного Знамени и двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

1 апреля 1937 арестован, по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 20 июня 1937 расстрелян.

МИРОНОВ (наст. фам. Каган) Лев Григорьевич

(10.1895-29.08.1938). Комиссар госбезопасности 2 ранга (1935). Родился в г. Пирятин Полтавской губернии в семье члена правления Общества взаимного кредита. Окончил гимназию в г. Лубны Полтавской губ. (1914) и два курса юридического факультета Киевского университета (1915–1917). В декаб. 1916 — авг. 1917 г. состоял в «Бунде». В январе 1918 г. вступил в РСДРП(б). Работал в Полтавской губ. — член президиума Пирятинского уездного ревкома, комиссар внутренних дел уезда, зам. пред. Пирятинского уездного ревкома. С марта 1918 г. служил в Красной Армии политруком 9-го Советского полка. С февраля 1919 г., после восстановления Советской власти на Украине, вновь работал в Полтавской губ. — председателем Пирятинской уездной ЧК (февр. — апр. 1919), заместителем заведующего губернским отделом юстиции, председателем коллегии обвинителей Полтавского ревтрибунала. С июня 1919 г., после начала деникинского наступления на Украине, Миронов вновь в Красной Армии — помощник начальника информации Особого отдела Полтавской группы войск (июнь-авг. 1919). Затем на политработе в армии в Средней Азии — инструктор Политуправления Туркестанского фронта (окт. 1919 — февр. 1920), начальник политотдела Амударьинской группы войск (февр. — дек. 1920), председатель реввоен трибунала Самаркандо-Бухарской группы войск (1921) и заместитель наркома юстиции Туркестанской АССР (1922–1923), одновременно кандидат в члены правления Русско-Бухарского акционерного общества (1923–1924).

В мае 1924 г. Миронов переходит на работу в органы ОГПУ и становится начальником 5-го отделения (внешняя торговля) Экономического управления ОГПУ СССР. С апреля

1926 г. он уже помощник начальника ЭКУ ОГПУ СССР Г.Е. Прокофьева, с которым вместе учился в Киевском университете. В феврале 1930 г. Миронов назначается полпредом ОГПУ в Средней Азии, а в апреле 1931 г. вновь возвращается в ЭКУ заместителем начальника. Через четыре месяца, в авг. 1931 г., после перехода Г.Е. Прокофьева в Особый отдел ОГПУ, Миронов возглавляет экономическую контрразведку, одновременно в мае 1933 г. становится членом коллегии ОГПУ СССР. После ликвидации в ноябре 1936 г. ЭКО ГУГБ НКВД и образования КРО Миронов назначается начальником КРО ГУГБ НКВД СССР (с дек. того же года, после переименования в целях конспирации -3-го отдела ГУГБ НКВД СССР). 4 апреля 1937 г. приказом наркома Н.И. Ежова Миронов был направлен во главе специальной группы работников НКВД в Сибирь и на Дальний Восток для «выявления и разгрома шпионско-вредительских троцкистских и иных групп на железных дорогах... и в армии».

Многолетняя совместная работа с Ягодой и Прокофьевым пагубно сказалась на судьбе Миронова. 14 июня 1937 г. он был арестован, 29 августа 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу и в тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

Награжден орденами Красного Знамени (апр.1930) и Красной Звезды (дек. 1932), знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» и «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (1932).

КУРСКИЙ Владимир Михайлович (18.12.1897-8.7.1937). Зам. наркома внутренних дел СССР в 1937 г. Комиссар госбезопасности 3-го ранга (1936). Родился в Харькове в семье портного. Работал в часовой мастерской. В 1916–1917 гг. служил в армии, унтер-офицер. Член партии большевиков с 1917 г. В 1917–1919 гг. на советской и партийной работе в Ярославской губ. — заведующий отделом юстиции горисполкома, председатель Ростовского уездного комитета РКП(б). В 1919–1921 гг. служил в Красной Армии — военком полка, бригады, штаба 2-й Донской дивизии, член военного трибунала войск Донской обл. С 1921 г. в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. Занимал должности помощника уполномоченного, уполномоченного, помощника, зам. начальника контрразведывательного отдела ГПУ УССР. В 1926–1929 гг. — начальник Восточного отдела полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, в 1929–1934 гг. — начальник контрразведывательного/ Особого отдела ПП и одновременно с 1931 г. — начальник Особого отдела Северо-Кавказского военного округа. По некоторым данным, в 1928 г. исключался из партии за причастность к убийству селькора в г. Микоян-Шахар (ныне г. Карачаевск). В 1934–1936 гг. — зам. начальника управления НКВД Северо-Кавказского края. В июле-ноябре 1936 г. — начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю. В ноябре 1936 г. — начальник Секретно-политического отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. С апр.1937 г. — зам. наркома внутренних дел СССР и в апреле-июне 1937 г. по совместительству начальник 1-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД. С 14 июня по 8 июля 1937 г. — зам. наркома внутренних дел и начальник 3-го (контрразведывательного) отдела, зам. начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР.

Награжден орденами Ленина и Красного Знамени. 8 июля 1937 г. покончил жизнь самоубийством (застрелился). В опубликованном в газете «Грозненский рабочий» некрологе сообщалось о его смерти «после непродолжительной болезни от разрыва сердца».

МИНАЕВ-ЦИКАНОВСКИЙ Александр Матвеевич (наст. имя Цикановский Шая Мошкович)

(02.1888-25.02.1939). Комиссар госбезопасности 3 ранга (1937). Родился в Одессе в семье служащего сахарного завода. Получил домашнее образование, с 14 лет работал чернорабочим на одесском мыловаренном заводе. В 16-летнем возрасте вступил в партию эсеров, член партийной боевой дружины 1904–1906 гг. В 1908 г. за принадлежность к боевой организации ПСР осужден военным судом к 10 годам каторги. Наказание отбывал в тюрьмах в Одессе, Херсоне, Москве (в 20-е-30-е гг., один из немногих чекистов, был членом

Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, до ликвидации общества в 1935 г.). В декабре 1916 г. из тюрьмы освобожден и сослан в Балаганский уезд Иркутской губ., откуда в марте 1917 г. после амнистии уехал в Херсон, где работал портным в мастерской и машинистом военно-технического комитета. После оккупации Херсона немцами жил в Ростове и Москве, откуда в мае 1918 г. был направлен на подпольную работу в Херсонскую губ., где организовывал партизанские отряды. После восстановления Советской власти в Херсоне Минаев-Цикановский, в янв.1919 г. вступивший в РКП(б), заведовал Херсонским губполитпросветом (февр. — июнь1919).

В июне 1919 г. Минаев-Цикановский становится чекистом. Он назначается заместителем председателя и начальником секретно-оперативной части Херсонской губ. ЧК. В августе-нояб.1919 г., во время отступления Красной Армии с Украины, служит в РККА — рядовой, помощник начальника штаба 58-й стрелковой дивизии по разведке. С ноября 1919 г. состоит при ВЧК в Москве, а в марте 1920 г. возвращается на Херсонщину, где работает зампредом ЧК Алешковского и Херсонского уездов. В 1920–1921 гг. Минаев-Цикановский — зам. пред. Волынской губ. ЧК, Елизаветградской уездной ЧК и Феодосийской ЧК. С нояб.1921 г. — начальник СОЧ Николаевской губ. ЧК-губ. отдела ГПУ Украины. С мая 1922 г. — начальник СОЧ и зам. начальника Екатеринославского губ. отдела ГПУ, с февр.1923 г. занимает аналогичные посты в Виннице и с авг. того же года — на Волыни. В этот период активно участвует в ликвидации бандитизма на Украине. В окт.1924 г. по приглашению Е.Г. Евдокимова, назначенного полпредом ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, Минаев-Цикановский, работавший под его руководством (Евдокимов был полпредом ГПУ на Правобережной Украине), переходит на работу в ПП ОГПУ по СКК начальником экономического отдела. В сент.1927 г. переезжает в Москву в центральный аппарат ОГПУ в качестве начальника 2-го отделения (легкой промышленности) ЭКУ ОГПУ СССР. С дек. 1928 г. работает в Перми начальником окружного отдела ОГПУ, а в сент.1930 г. возвращается в систему ЭКУ — начальником ЭКО ПП ОГПУ по Московской области, затем, с сент.1931 г., помощником нач. ЭКУ ОГПУ СССР. С мая 1933 г. Минаев-Цикановский работает в территориальных органах — заместителем полпреда ОГПУ по Уральской области, а с янв.1934 г., после разделения Уральской области на Свердловскую и Челябинскую — полпредом ОГПУ (с июля 1934 г. — начальником УНКВД) по Челябинской области. В июле 1936 г. старший майор госбезопасности Минаев-Цикановский становится начальником УНКВД Сталинградской области, а в апреле 1937 г. ему присваивается звание комиссара госбезопасности 3 ранга и он окончательно возвращается в центральный аппарат НКВД заместителем начальника 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР Л.Г. Миронова, с которым ранее уже работал в ЭКУ. С 11 июля 1937 г., после самоубийства нового начальника отдела В.М. Курского, Минаев-Цикановский назначается исполняющим обязанности начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР и до конца марта 1938 г. возглавляет советскую контрразведку, так и не будучи, по каким-то причинам, утвержденным в должности начальника. В марте 1938 г., после изменения структуры ГУГБ НКВД, Минаев-Цикановский был назначен начальником 8-го отдела (оперативная работа в промышленности) 1-го управления НКВД СССР, оставаясь в этой должности до 10 июля 1938 г., когда окончательно уходит из системы НКВД, получив назначение (еще 29 июня 1938 г.) на пост заместителя наркома тяжелой промышленности СССР Л.М. Кагановича. 5 ноября того же года Минаев-Цикановский был освобожден от работы, а на следующий день арестован. После быстрого следствия 25 февр.1939 г. А.М. Минаев-Цикановский был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу и в тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

Награжден орденом Красной Звезды (дек. 1932) и орденом Ленина (июль 1937), медалью «XX лет РККА» (22 февр.1938), знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» и «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (апр.1934).

НИКОЛАЕВ-ЖУРИД Николай Галактонович

(02.1897-6.02.1940). Комиссар госбезопасности 3 ранга (1935). Родился в г. Конотоп Черниговской губ. в семье домовладельца. Предки будущего чекиста происходили из французского кантона Швейцарии. Его прадед был поваром в семье Кочубеев (в 18 веке). Отец владел усадьбой в Конотопе, на доход от которой жила семья. Н.Г. Николаев-Журид окончил 2-ю Киевскую гимназию (1907–1915), учился на юридическом факультете Киевского университета (1915–1916). Затем работал на родине, в Конотопе, конторщиком в конторе службы движения Московско-Курско-Воронежской железной дороги (июнь 1916 — янв.1917).

В январе 1917 г. был призван в армию рядовым в Царицынский запасной батальон, в том же месяце зачислен в Одесскую школу прапорщиков, по окончании которой с июля 1917 г. служил прапорщиком в 251-м запасном пехотном полку в Москве. В дек. 1917 г. уехал в Конотоп, где жил 3 месяца, не работал. С марта 1918 г. Николаев-Журид служит в Красной Армии, работает в Регистрационном управлении

Полевого штаба РВСР (март 1918-янв.1919) и, после освобождения Украины, в разведывательном отделе Киевского губернского военного комиссариата (янв. — июнь 1919). С июня 1919 г. работает в военной контрразведке ВЧК — старшим следователем, помощником начальника агентуры, уполномоченным по информации Особого отдела 12-й армии (1919–1920), уполномоченным по информации и начальником информации Особого отдела Киевского военного округа (1920–1921), участвует в боях с поляками под Киевом, Ровно, Гомелем. С марта 1921 г. Николаев-Журид работает в центральном аппарате Всеукраинской ЧК сотрудником для поручений при начальнике Секретно-оперативного управления ВУЧК Е.Г. Евдокимове, помощником начальника и начальником военного подотдела ВУЧК, а с мая 1922 г. после организации полпредства ГПУ УССР на Правобережной Украине вместе с Евдокимовым, назначенным полпредом, переходит на работу в эту новую структуру в должности начальника 3-го отделения СОУ, затем в том же году становится начальником контрразведывательного отдела полпредства, одновременно работает заместителем начальника Иностранного отдела полпредства, активно участвует в ликвидации политического бандитизма, в операциях против петлюровского и белогвардейского подполья. В это время Николаев-Журид, вступивший в партию в 1920 г., во время партийной чистки 1921 г. был исключен из РКП(б) как «интеллигент и чуждый элемент. С июля 1923 г. Николаев-Журид под руководством Евдокимова работает в ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю начальником КРО. Эти ответственные посты Николаеву-Журиду не мешала занимать его беспартийность. Только в 1926 г. он вновь вступил кандидатом в члены партии на общих основаниях, а принят в ВКП(б) был в 1928 г. По его апелляции решением Северо-Кавказской краевой контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции ему был восстановлен партийный стаж с 1920 г. с перерывом в 1921–1926 гг. Все эти пертурбации не помешали дальнейшей успешной карьере. В янв. 1930 г. вслед за Евдокимовым Николаев-Журид переходит на работу в центральный аппарат ОПУ помощником начальника КРО СОУ ОГПУ при СНК СССР Я.К. Ольского. С февр. того же года входит в опергруппу ОГПУ по проведению операции по ликвидации кулачества (аресты и выселения). После объединения в сент.1930 г. КРО и ОО ОГПУ Николаев-Журид назначается помощником начальника ОО СОУ ОГПУ, одновременно возглавляет 2-й отдел (борьба с антисоветской деятельностью крестьянских, белогвардейских, молодежных групп и организаций и бандитизмом) ОО ОГПУ, в марте 1931 г. переименованный в отделение. Разгон руководства Особого отдела ОГПУ, после выступления Ольского вместе с Евдокимовым и др. против Ягоды, не затронул Николаева-Журида и до ноября 1932 г. он оставался помощником новых начальников ОО ОГПУ Г.Е. Прокофьева и И.М. Леплевского и начальником 2-го (с сент. 1931 г.- 3-го) отделения ОО. С ноября 1932 г. он снова работает вместе с Евдокимовым, вновь назначенным на должность полпреда ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, в качестве его второго заместителя. После перехода Евдокимова на партийную работу Николаев-Журид остается в органах ОГПУ уже 1 — м заместителем полпреда ОГПУ в выделенном из

Северо-Кавказского края Азово-Черноморском крае (с янв. 1934, с июля того же года -1-м заместителем начальника УНКВД Азово-Черноморского края. В январе 1935 г., после смещения, в связи с убийством С.М. Кирова, всего местного чекистского руководства, Николаев-Журид переезжает из Ростова-на-Дону в Ленинград 1 — м заместителем начальника УНКВД Ленинградской области Л.М. Заковского.

В конце ноября 1936 г. новый нарком Ежов, опираясь на рекомендации соратников Николаева-Журида по Северному Кавказу Евдокимова и М.П. Фриновского, назначает его начальником оперативного (с дек. того же года — 2-го) отдела ГУГБ НКВД СССР. С июня 1937 г. Николаев-Журид возглавляет военную контрразведку в качестве начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, руководя репрессиями в армии. В марте 1938 г. Николаев-Журид был назначен начальником 3-го (контрразведывательного) отдела 1-го управления НКВД СССР и заместителем начальника этого управления М.П. Фриновского, одновременно с апреля того же года в течение месяца работает заместителем начальника 2-го управления (особых отделов) НКВД СССР Н.Н. Федорова. В мае того же года был избран депутатом Верховного Совета РСФСР 1-го созыва. Награжден орденами Красного Знамени (1923, 1927, 22 февр. 1938), орденом Ленина (июль 1937), знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» и «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (дек. 1932).

С сентября 1938 года, после назначения 1-м заместителем наркома Л.П. Берии и очередной реорганизации НКВД, Николаев-Журид остается во главе контрразведки — 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Через месяц, 25 окт. 1938 г., он был арестован. 4 февраля 1940 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Расстрелян. Не реабилитирован.

МЕРКУЛОВ Всеволод Николаевич (1895-23.12.1953). Нарком госбезопасности СССР (февраль-июль 1941, апрель 1943 — май 1946, с марта — министр). Генерал армии (1945). Родился в г. Закаталы (Азербайджан) в семье дворянина, бывшего капитана царской армии; мать — грузинская княжна. В 1913 г. с золотой медалью закончил гимназию в Тифлисе, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. С 3-го курса призван в армию, рядовой, юнкер, прапорщик.

В марте 1918 г. вернулся в Тифлис, работал делопроизводителем, учителем.

В октябре 1921 г. был принят на работу в органы ЧК, помощник уполномоченного, уполномоченный экономического отдела, с мая 1923 г. — начальник экономического отдела ЧК/ГПУ Грузии. В 1925 г. вступил в партию. В 1927 г. — начальник отдела информации, агитации и политического контроля ГПУ Грузии. В феврале 1929 — мае 1931 г. — начальник секретно-оперативной части — зам. председателя ГПУ Аджарской АССР, в мае-октябре 1931 г. — начальник секретного отдела Закавказского ГПУ. С ноября 1931 г. — помощник 1-го секретаря Закавказского крайкома ВКП(б). С 1934 г. — зав. отделом советской торговли Закавказского крайкома ВКП(б), затем зав. особым сектором. С 1937 г. заведует промышленно-транспортным отделом ЦК КП(б) Грузии. С самого начала работы пользовался исключительным доверием Берии, занимавшим высокие посты в органах безопасности и партийных органах Закавказья, хранил личный архив Берии, в котором содержались и компрометирующие последнего документы. После назначения Берии начальником ГУГБ НКВД СССР становится его заместителем и начальником 3-го (контрразведывательного) отдела. В декабре 1938 г. занял должность 1-го зам. наркома внутренних дел СССР и начальника ГУГБ. Будучи человеком энергичным, грамотным, вел огромную оперативную работу. По воспоминаниям крупного чекиста П. Судоплатова, в этот период Меркулов курировал внешнюю разведку. Выезжал в Прибалтику, где занимался чекистским обеспечением восстановления Советской власти. Несмотря на большую занятость, писал пьесы (под псевдонимом Всеволод Рокк), которые с успехом шли в московских театрах.

В феврале 1941 г. при разделении Наркомата внутренних дел на НКВД и НКГБ, Меркулов был назначен наркомом государственной безопасности СССР; 31 июля 1941 г. при

объединении наркоматов вновь стал 1-м заместителем Берии. В апреле 1943 г. при очередном разделении НКВД Меркулов вновь был назначен наркомом (позднее — министром) государственной безопасности СССР. 4 мая 1946 г. его сменил на этом посту В.С. Абакумов.

В апреле 1947 г. Меркулов назначен начальником Главного управления советским имуществом за границей при СМ СССР, в октябре 1950 г. — министром госконтроля СССР. На XIX съезде КПСС был избран кандидатом в члены ЦК. В марте 1953 г. предлагал Берии, ставшему после смерти Сталина 1-м зам. председателя СМ СССР, свою кандидатуру на пост зам. министра внутренних дел, но это назначение не состоялось. 18 сентября 1953 г. был арестован по делу Берии. На суде дал показания против Берии, в т. ч. осудил присвоение им авторства пресловутой книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», которая была написана группой авторов под руководством директора Института истории партии при ЦК КП Грузии — филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) Э. Бедия. Кроме общих для всех подсудимых обвинений, Меркулов обвинялся в участии в похищении и убийстве жены маршала Г.И. Кулика — К.О. Кулик-Симонич. Он не отрицал этого факта, но настаивал на том, что приказ об этом был отдан лично Берией по указанию Сталина. Но, очевидно, приговор Меркулову был вынесен еще до суда. Новое руководство партии и государства во главе с Н.С. Хрущевым стремилось избавиться от окружения Берии. 23 декабря 1953 г. в 21 час 20 минут в числе других приговоренных Меркулов был расстрелян. Указом Президиума Верховного Совета СССР был лишен государственных наград, воинского и специального звания. Не реабилитирован.

ДЕКАНОЗОВ Владимир Георгиевич (1898 — 23.12.1953). Комиссар госбезопасности 3 ранга (1938). Чрезвычайный и полномочный посол (1943).

Родился в г. Баку в семье контролера нефтяного управления. В 1914 г. окончил 5 классов 1-й Бакинской гимназии, в 1916 г. — 1-ю Тифлисскую гимназию. Учился на медицинских факультетах Саратовского и Бакинского университетов. С марта 1918 г. боец горной батареи Кавказской Красной Армии. С падением советской власти в Баку — участник большевистского подполья. Легально работал контролером Бакинского нефтяного управления, в системе мусаватистского Министерства здравоохранения в Баку. В мае 1920 г. вступил в РКП(б).

С 1921 г. в Азербайджанской ЧК; практикант секретно-оперативной части, уполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом, уполномоченный и зам. начальника Экономического отдела. С марта 1922 г. — секретарь СОЧ Азербайджанской ЧК (начальником части был Л.П. Берия). С ноября 1922 г. — секретарь СОЧ Грузинской и Закавказской ЧК. В 1926–1927 гг. — сотрудник полномочного представительства ОГПУ по ЗСФСР и ГПУ Грузинской ССР, начальник 2-го отделения Секретного отдела этого представительства, в 1929–1931 гг. — начальник Экономического отдела ГПУ Грузинской ССР, затем Экономического отдела полномочного представительства ОГПУ по ЗСФСР и ГПУ ЗСФСР.

После избрания Л.П. Берии в 1931 г. 1-м секретарем ЦК КП(б) Грузии Деканозов переходит на партийную работу. В 1931–1934 гг. — секретарь ЦК КП(б) Грузии по транспорту и по снабжению. В 1934–1937 гг. — зав. отделом советской торговли ЦК КП(б) Грузии, нарком пищевой промышленности Грузинской ССР, зам. председателя СНК и председатель Госплана Грузинской ССР.

В ноябре 1938 г. Берия возглавил НКВД СССР. Вместе с другими сотрудниками он переводит в Москву и Деканозова, который назначается начальником 5-го отдела (бывшего ИНО) ГУГБ НКВД СССР, с декабря 1938 г. — также начальником 3-го отдела (бывшего КРО) и зам. начальника ГУГБ НКВД СССР.

В мае 1939 г. Деканозов был переведен на работу в НКВД, в 1939–1946 гг. — зам. наркома иностранных дел СССР; с ноября 1940 г. до начала Великой Отечественной войны — полпред СССР в Германии. В 1946–1947 гг. — зам. министра иностранных дел. В

1947-1949-зам. начальника Главного управления советским имуществом за границей при СМ СССР. С октября 1949 г. — член советской части Постоянной комиссии по внешнеэкономическим связям между СССР и Народной республикой Болгарией. С 24 июня 1952 г. — член Комитета по радиовещанию при СМ СССР. После смерти И. В. Сталина с апреля 1953 г. министр внутренних дел Грузинской ССР.

Арестован 30 июня 1953 г. по делу Берия, приговорен специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23 декабря 1953 г. к высшей мере наказания, расстрелян.

КОРНИЕНКО Трофим Николаевич (1906 — 1971). Полковник ГБ (1943). Родился в с. Полетвин Каневского уезда Киевской губ. в семье слесаря сахарного завода. После окончания начальной школы в 1917 г. батрачил у кулаков, работал конюхом на свеклосахарном заводе в Белоцерковском уезде Киевской губ., вновь работал батраком в Каменец-Подольском уезде и подмастерьем у сапожника-кустаря в Киеве, где в 1924 г. окончил кожевенную школу-мастерскую, после чего учился три года в 1-й кожевенной фабрике-школе в Москве. В 1925 г. вступил в РКП(б). Работал в Москве ассистентом в кожевенном техникуме и рационализатором производства на обувной фабрике «Парижская коммуна». С авг. 1930 г. Корниенко учился в московском Институте востоковедения им. Н.Н. Нариманова, после его окончания — в аспирантуре этого же института (до янв.1933).

В январе 1933 г. Корниенко становится чекистом, сотрудником центрального аппарата контрразведки — помощником уполномоченного 4-го отделения Особого отдела ОГПУ СССР, далее работает уполномоченным в том же отделении, после реорганизации ОГПУ в НКВД — в 3-м отделении ОО ГУГБ НКВД СССР, оперуполномоченным 7-го отделения ОО ГУГБ НКВД СССР, с дек. 1936 г. — оперуполномоченным отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В 1937 г. сержант госбезопасности Корниенко переходит на работу в контрразведку — оперуполномоченным 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР, затем старшим оперуполномоченным и к сент. 1938 г. становится начальником 3-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В нояб.1938 г. младший лейтенант госбезопасности Корниенко был назначен заместителем начальника 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР В.Н. Меркулова, в янв.1939 г. был произведен в майоры ГБ, минуя 3 звания, а 25 июня возглавил контрразведку -3-й отдел ГУГБ НКВД СССР. В сент. 1940 года старший майор ГБ Корниенко был понижен в должности до заместителя начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД, а в февр.1941 г. после реорганизации 3-го отдела ГУГБ НКВД во 2-е управление НКГБ СССР возглавил 4-й отдел этого управления. После объединения НКГБ и НКВД СССР руководил до дек. 1941 г. 5-м отделом 2-го управления НКВД СССР. Затем работал в территориальных органах — начальником Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД УССР (март-авг.1942), начальником опергруппы НКВД СССР в Грозном (авг. — дек.1942), в спецкомандировке в Новосибирске (дек.1942-март1943), начальником УНКВД-УНКГБ Ашхабадской области (март 1943 — апр.1944), начальником УНКГБ Кировоградской области (май 1944 — нояб.1945), наркомом-министром госбезопасности Мордовской АССР (нояб. 1945-февр. 1948). С апр. 1948 г. служил в органах госбезопасности на транспорте — заместителем начальника (апр. 1948-дек.1952) и начальником Управления охраны МГБ-МВД Ковельской железной дороги (дек.1952-сент.1953), заместителем начальника Дорожно-транспортного управления МВД СССР на Львовской железной дороге (сент. 1953 — май 1954).

В мае 1954 г. вышел на пенсию. Жил во Львове. Умер в Калининской области.

Награжден 2 орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны 1 степени (апр.1945), 5 медалями.

ШУБНЯКОВ Федор Григорьевич (1916–1998) Полковник (1946). Родился в г. Макеевке в Донбассе в рабочей семье. В 1931 г. окончил 7 классов средней школы. Находился на комсомольской работе; в 1934–1936 г г. учился на вечернем факультете общественных наук комвуза.

В 1937 г. по партийной мобилизации был направлен в органы госбезопасности и зачислен курсантом Киевской МКШ ГУГБ НКВД, по окончании которой откомандирован в распоряжение наркома внутр. дел УССР. Занимал должности помощника оперуполномоченного, оперуполномоченного, старшего оперуполномоченного в 4-м отделе Управления госбезопасности.

После воссоединения УССР с Западной Украиной с ноября 1939 г. — начальник 3-го отделения 2-го отдела, с августа 1940 г. — и. о. зам. начальника 2-го отдела Управления госбезопасности УНКВД по Львовской обл. В 1940 г. вступил в ВКП(б).

С апреля 1941 г. — начальник отделения Секретно-политического отдела УНКГБ по Львовской обл. В том же году переведен в центральный аппарат НКВД СССР и назначен зам. начальника 2-го отдела 3-го управления (СПУ) НКВД СССР.

С мая 1943 г. — зам. начальника, с июля 1944 г. — начальник 3-го отдела 2-го управления НКГБ-МГБ СССР. Затем — начальник отдела 2-3, а с мая 1948 г. — отдела 2-А ВГУ МГБ. С 3 января 1951 г. — начальник ВГУ и член Коллегии МГБ СССР.

В ноябре 1951 г. был отстранен от работы и арестован по «делу Абакумова». Обвинялся в антисоветской деятельности, вредительстве, участии в «заговоре в органах МГБ». В марте 1953 г. был освобожден, реабилитирован и восстановлен на службе в органах МВД. С марта 1953 г. — зам. начальника ПГУ МВД СССР, с мая 1954 г. — ВГУ КГБ при СМ СССР.

С ноября 1954 г. — легальный резидент КГБ в Австрии. Под его руководством был проведен ряд активных мероприятий против американской разведки. По возвращении в Советский Союз в ноябре 1958 г. — в резерве назначения управления кадров КГБ.

С мая 1959 г. — зам. директора по режиму и начальник 1-го отдела НИИ в системе Министерства среднего машиностроения СССР.

В 1965 г. уволен в запас.

Награжден 2 орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями, знаком «Заслуженный работник НКВД», именными часами от НКВД СССР, грамотой ВГУ КГБ СССР.

ЦАНАВА (Джанджгава) Лаврентий Фомич

(1900–1955). Зам. министра государственной безопасности в 1951–1952 гг. Генерал-лейтенант (1945). Родился в крестьянской семье. Участник восстаний против меньшевистского правительства в Грузии. В 1921 г. был принят на работу в ЧК-ГПУ Грузии. Член Коммунистической партии с 1920 г., в 1922 г. был исключен из партии по обвинению в похищении невесты, восстановлен в 1924 г. В 1933–1938 гг. — на хозяйственной и партийной работе. В конце 1938 г. был назначен на должность наркома внутренних дел Белорусской ССР. С февраля 1941 г. — нарком госбезопасности Белоруссии. В 1941–1942 гг. — начальник Особого отдела НКВД Западного фронта, руководил оперативной чекистской группой НКВД БССР, с июня 1942 г. — зам. начальника Управления особых отделов НКВД СССР, в марте 1943 г. был назначен начальником Особого отдела НКВД Центрального фронта. В июне 1943 г. вновь назначается народным комиссаром госбезопасности БССР (с апреля 1946 г. — министр). С октября 1951 г. занимал пост зам. министра госбезопасности СССР, одновременно являлся начальником 2-го Главного управления МГБ СССР.

Награжден 4 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й и 2-й степени, медалями.

В феврале 1952 г. был уволен из органов госбезопасности, 4 апреля 1953 г. — арестован. Умер в заключении 12 октября 1955 г.

РЯСНОЙ Василий Степанович (1904-12.12. 1995). Генерал-лейтенант (1945). Родился в г. Самарканде в семье рабочего-путейца. Окончил 4 класса высшего начального

училища, поступил в Ашхабадское железнодорожное техническое училище.

В 1920 г. вступил добровольцем в Красную Армию; служил в политотделе 1-й армии Закаспийского фронта. После демобилизации в 1920–1921 гг. — ответственный секретарь уездного комитета комсомола Туркмении. В 1922 г. вступил в РКП(б). В 1923 — председатель уездного комитета помощи голодающим, В 1923–1931 гг. — на комсомольской и партийно-советской работе в Туркмении.

В 1931 г. поступил во Всесоюзную Промышленную академию имени И.В. Сталина в Москве. В 1933 г. направлен ЦК ВКП(б) в Руднянский р-н Сталинградского края начальником политотдела Лемешкинской МТС. С 1935 г. — секретарь Лемешкинского, а затем Руднянского райкомов ВКП(б).

В 1937 г. по партийному набору направлен на работу в НКВД. Сотрудник 3-го отдела (бывшего КРО) ГУГБ НКВД; стажер, оперуполномоченный, помощник начальника, зам. начальника отделения. С октября 1939 г. — начальник 14-го отделения, с июля 1940 г. — зам. начальника, с января 1941 г. — начальник 1-го отделения. С марта 1941 г. — начальник 1-го отделения 1-го отдела 2-го управления НКГБ СССР. В его обязанности входило оперативное обслуживание германских представительств в Москве; после начала Великой Отечественной войны был ответственным по интернированию немецких дипломатов.

С июля 1941 г. — начальник УНКВД, с мая 1943 г. — начальник УНКГБ по Горьковской обл. С июля 1943 г. — нарком внутренних дел УССР. Принимал участие в ликвидации националистического движения на Украине. С 1946 г. — 1-й зам. наркома (с марта — министра), затем зам. министра внутренних дел СССР, одновременно с июня 1947 г. — член Бюро по выездам за границу и въездам в СССР Комитета информации при СМ СССР с февраля 1952 г. — зам. министра госбезопасности, начальник ВГУ МГБ СССР; одновременно с мая 1952 г. временно зам. начальника Управления охраны МГБ СССР.

В 1952 на XIX съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК КПСС. В конце 1952 г. — член Комиссии ЦК КПСС по организации ГРУ МГБ, с января 1953 г. — начальник Управления контрразведки ГРУ внутри страны. С марта 1953 — начальник ВГУ МВД СССР. В мае 1953 г. был назначен начальником УМВД по Москве и Московской области. В марте 1956 г. «за неудовлетворительное руководство органами милиции г. Москвы» отстранен от работы, выведен из коллегии МВД СССР и уволен в запас. В августе 1956 г. формулировка увольнения была изменена: «считать уволенным по фактам, дискредитирующим звание офицера». С 1956 г. — начальник строительства Волго-Балтийского канала. С 1958 — начальник треста в системе дорожного строительства. В 1988 г. вышел на пенсию.

Награжден 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, медалями.

БАННИКОВ Сергей Григорьевич (1921-12.1989). Генерал-лейтенант (1964). Родился в с. Ивановка (ныне Гавриловского района Тамбовской обл.). В 1937–1938 гг. на комсомольской работе в Гавриловском районе (технический секретарь райкома, инструктор, комсорг газеты «Сталинец»). В 1938–1939 гг. учился в Тамбовской областной школе комсомольских пропагандистов и работал в Гавриловском РК ВЛКСМ инструктором и заведующим отделом. С 1939 г. служил в Красной Армии. Член партии с 1940 г. В 1941 г. окончил Военно-морское политическое училище в Кронштадте (позднее Высшую партийную школу при ЦК КПСС — в 1960 г. и Всесоюзный юридический заочный институт в 1971 г.). В 1941–1946 гг. служил на Краснознаменном Балтийском флоте в органах военной контрразведки — помощник оперуполномоченного, оперуполномоченный 3-го отдела //Особого отдела // УКР «Смерш» флота, затем в центральном аппарате МГБ — начальник отделения 2-го управления 3-го Главного управления(военной контрразведки) в 1946–1947 гг. и начальник отделения инспекции с 1947 г. С 1949 г. работал в Вологде — заместитель начальника обл. управления МГБ, с 1951 г. — советник МГБ-МВД-КГБ СССР в Болгарии. С 1955 г. — заместитель начальника 11-го отдела 2-го ГУ КГБ, затем председатель КГБ при СМ Туркменской ССР (в 1956–1959) и начальник 7-го (оперативного) управления

КГБ при СМ СССР в 1959–1960 гг. С 1960 г. — заместитель и 1-й заместитель начальника 2-го Главного управления КГБ. С июля 1963 по ноябрь 1967 г. — заместитель председателя КГБ при СМ СССР. Одновременно с июня 1964 г. по июль 1967 г. — начальник 2-го Главного управления КГБ. С ноября 1967 г. — заместитель председателя Верховного Суда СССР. С 1977 г. в Госкомитете по науке и технике СССР (заместитель директора НИИ научной информации).

ЦИНЕВ Георгий Карпович (1907–1996). Генерал армии (1978). Родился в Екатеринославе. Работал на металлургическом заводе в Днепропетровске. Окончил Днепропетровский металлургический институт. Член партии с 1932 г. В дальнейшем работал мастером, начальником цеха на заводе, с 1939 г. на партийной работе — зав. отделом Днепропетровского горкома, 1-й секретарь райкома, секретарь Днепропетровского горкома. Участник Великой Отечественной войны, служил в политических органах — комиссар полка, штаба опергруппы войск, заместитель начальника политуправления Калининского фронта, начальник политотдела 4-й ударной, 57-й армий 3-го Украинского фронта. После войны в 1945–1951 гг. работал в Союзной комиссии в Австрии — начальник экономического отдела, помощник военного комиссара Советской части, заместитель Верховного комиссара (от СССР). С сентября 1953 г., после окончания Военной академии Генштаба, в органах госбезопасности — начальник Особого отдела Группы советских войск в Германии, с 1958 г. — начальник Военного института КГБ при СМ СССР, с 1960 г. в 3-м управлении (военной контрразведки) КГБ — начальник спецуправления, заместитель начальника (с 1961 г.). В 1966–1967 гг. — начальник 3-го управления КГБ, в июле 1967 — июле 1970 гг. — 2-го Главного управления КГБ. Член Коллегии КГБ с 1967 г. Руководил опергруппой КГБ в Чехословакии во время вторжения войск Варшавского договора в 1968 г. С июля 1970 года — заместитель председателя, с января 1982 по декабрь 1985 года -1-й заместитель председателя КГБ СССР. С 1986 г. в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1981–1986 гг. (кандидате 1976 г.). Герой Социалистического Труда (1977).

ГРИГОРЕНКО Григорий Федорович (род. 1918 г.). Генерал-полковник (1982). Член партии с 1944 г. Родился в г. Зенькове Полтавской губернии в крестьянской семье. Окончил семилетнюю школу, рабфак, в 1939 г. — физико-математический факультет Полтавского пединститута, работал учителем в сельских школах, с 1940 г. — красноармеец 442-го артиллерийского полка 25-го стрелкового корпуса Харьковского военного округа, в том же году был направлен на работу в органы госбезопасности. В 1940–1941 гг. — помощник уполномоченного Особого отдела 151-й стрелковой дивизии. С марта по август 1941 г. — сотрудник Особого отдела 4-й воздушно-десантной бригады. Принимал участие в боях на Юго-Западном фронте, был ранен. В 1941–1942 гг. — в Особом отделе 14-й саперной бригады под Сталинградом. В 1942–1943 гг. учился на курсах при Высшей школе НКВД, после окончания был назначен в 1-й (немецкий) отдел 2-го управления НКВД СССР. Входил в группу (в 1943–1946 гг. в составе Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР) по организации радиоигр с немецким командованием с помощью захваченных агентов.

В 1946–1949 гг. — заместитель начальника и начальник отделения 3-го отдела 3-го Главного управления (военная контрразведка) МГБ СССР. В 1949–1952 гг. начальник отделения 5-го отдела 1-го управления (внешней контрразведки) МГБ. В 1952–1954 гг. заместитель начальника 3-го, 5-го (Восточного) отдела ВГУ (контрразведка по странам Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии). В 1954–1956 гг. — 1-й зам. представителя КГБ в Венгрии, где близко познакомился с послом СССР Ю.В. Андроповым. Во время антикоммунистического народного восстания 1956 г. тяжело ранен.

В 1956–1959 гг. — заместитель начальника и начальник 6-го отдела 2-го Главного управления КГБ, занимавшегося пресечением антисоветской деятельности эмигрантских

организаций. В 1959–1963 гг. — заместитель начальника отдела «Д» (Службы активных мероприятий) при 1 — м Главном управлении, начальник контрразведывательного отдела ПГУ КГБ. В 1962–1963, 1966–1969 гг. — начальник, в 1963–1964 гг. — заместитель начальника Службы № 2 (внешней контрразведки) 1-го Главного управления. В 1969–1970 гг. 1-й зам. начальника, в сентябре 1970-августе 1983 гг. — начальник 2-го Главного управления КГБ. В 1978–1983 гг. — одновременно заместитель председателя КГБ СССР. В 1983–1989 гг. — зам. министра общего машиностроения СССР.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Октябрьской Революции, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, 3 орденами Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Лауреат Государственной премии СССР (1981).

МАРКЕЛОВ Иван Алексеевич (1917-18.9.1990). Генерал-полковник (1985). Член партии с 1940 г. Родился в с. Мотыгино (ныне Удерецкого района Красноярского края). С 1936 г. работал в химической лаборатории на прииске Центральный Удерецкого района (лаборантом и заведующим), в 1937–1938 гг. учился в Иркутском гос. университете (окончил заочно ВПШ при ЦК КПСС в 1964 г.). Службу в НКВД начал в 1938 г. Работал в Новосибирском управлении НКВД-МГБ — оперуполномоченный, заместитель начальника и начальник отделения 2-го (контрразведывательного) отдела, начальник инспекции. В 1947–1964 гг. работал во 2-м Главном управлении МГБ-КГБ СССР — старший оперуполномоченный, заместитель начальника и начальник отделения отдела «2-А» // 2-го отдела, с 1956 г. — начальник 2-го отдела, с 1962 г. — заместитель начальника 2-го ГУ. С 1964 г. — начальник УКГБ Рязанской области, с 1970 г. — председатель КГБ при СМ Башкирской АССР. С 1974 г. вновь в центральном аппарате КГБ — заместитель, 1-й заместитель начальника 5-го управления, в 1979 г. был назначен 1-м заместителем начальника 1-го Главного управления. С августа 1983 по сентябрь 1989 г. возглавлял 2-е Главное управление и одновременно занимал пост заместителя председателя КГБ СССР.

Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

ГРУШКО Виктор Федорович (1930-20.11.2001). Генерал-полковник (1991). Член партии с 1960 г. Родился в г. Таганроге в семье рабочего-токаря. В 1954 г. окончил МГИМО и был распределен на работу в МИД. В 1954–1958 гг. стажер, атташе по культуре советского посольства в Норвегии. В 1960 г. перешел на работу в ПГУ КГБ. Дважды выезжал в командировки в Норвегию под дипломатическим прикрытием (зам. резидента ПГУ в 1971–1972 гг.). В 1972–1975 гг. — зам. начальника, в 1975–1980 гг. — начальник 3-го (англо-скандинавского) отдела ПГУ. С 1980 г. — зам., с 1983 г. — 1-й зам. начальника ПГУ. В сентябре 1989-январе 1991 г. — заместитель председателя КГБ СССР и начальник 2-го ГУ. На XXVIII съезде партии в июле 1990 г. избирался членом ЦК КПСС. С января 1991 г. — 1-й зам. председателя КГБ СССР.

25 августа 1991 г. арестован по делу ГКЧП. До декабря того же года содержался в следственном изоляторе, перенес 3 инфаркта миокарда. Амнистирован в 1994 г. Занимался бизнесом.

Автор книги «Судьба разведчика».

Награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Дружбы народов.

ТИТОВ Геннадий Федорович (род. 1932). Генерал-лейтенант (1990). Член партии с 1957 г. Родился в Петрозаводске. Окончил Ленинградский институт иностранных языков КГБ в 1956 г. и школу № 101 ПГУ КГБ в 1961 г. По линии 1-го Главного управления КГБ работал в ГДР (1956–1959), Англии (1961–1969), резидент в Норвегии в 1971–1977 гг. В 1969–1971 гг. в центральном аппарате ПГУ-помощник и старший помощник начальника, в 1980–1984 гг. — начальник 3-го (англо-скандинавского) отдела (в 1978–1980 гг. помощник начальника ПГУ). С 1984 г. — 1-й зам. руководителя, руководитель представительства КГБ в

ГДР (1987–1989). В 1989–1991 гг. — 1-й зам. начальника ПГУ КГБ. Заместитель председателя КГБ с января по сентябрь 1991 г., одновременно начальник 2-го Главного управления КГБ.

Уволен в отставку в сентябре 1991 г. Затем на преподавательской работе в Академии внешней разведки СВР. Награжден орденами и медалями СССР.

МЯСНИКОВ Федор Алексеевич (род. 1940). Генерал-майор (1987). Член партии с 1962 г. Родился в поселке Дивенская Гатчинского района Ленинградской области. Работал токарем на заводах и в КБ в Ленинграде. Окончил Ленинградский гос. университет в 1969 г. С 1967 г. сотрудник УКГБ Ленинградской области, с 1972 г. — начальник 7-го отделения 5-го отдела, с 1976 г. — заместитель начальника 5-й службы. С 1979 г. — заместитель начальника, с 1980 г. начальник 2-й службы УКГБ ЛО. В 1985–1987 гг. — начальник УКГБ Волгоградской обл., затем заместитель начальника Инспекторского управления КГБ СССР. В сентябре-декабре 1991 г. — заместитель председателя КГБ СССР// зам. руководителя Межреспубликанской службы безопасности — начальник 2-го Главного управления КГБ-МСБ. В последующие годы на ответственной работе в органах госбезопасности РФ. Награжден орденами и медалями СССР.

ЗОРИН Виктор Михайлович (род. 1942). 1-й зам. директора Федеральной службы безопасности РФ с июля 1995 по май 1998 г. Генерал-полковник. Окончил педагогический институт. В 1963 г. начал работу в органах КГБ, в течение 7 лет служил в управлении КГБ по Орловской области. Окончил аспирантуру Высшей школы КГБ, защитил диссертацию, затем работал в Инспекторском управлении КГБ СССР. Был помощником зам. председателя КГБ В.П. Пирожкова, занимал должность зам. начальника 7-го управления. С сентября 1991 г. — начальник этого управления (в его состав входила антитеррористическая группа «Альфа»). С 1992 г. возглавлял Оперативно-поисковое управление, затем Управление контрразведывательных операций ФСК-ФСБ. С июля 1995 г. занимал должность 1-го зам. директора ФСБ и по совместительству начальника Антитеррористического центра. В мае 1998 г. был назначен начальником Главного управления специальных программ президента РФ (ГУСП). Освобожден от должности в июне 2000 г.

ПЕЧЕНКИН Валерий Павлович (род. 1939). Зам. директора ФСБ РФ в 1997–2000 гг. Генерал-полковник. Родился в г. Торез Донецкой обл. Окончил Луганский машиностроительный институт. Был рекомендован на работу в органы госбезопасности. Учился на Высших курсах КГБ. Работал в УКГБ Ворошиловградской области, затем на Камчатке — курировал отделы по раскрытию иностранной агентуры. В 1981 г. переведен в центральный аппарат КГБ СССР во 2-е Главное управление. В 1991–1995 гг. возглавлял управление КГБ-МБ-ФСК по Новосибирской области. С 1995 г. начальник Управления контрразведывательных операций ФСБ. В сентябре 1997 г. был назначен зам. директора ФСБ и начальником Департамента контрразведки (до 2000 года).

3. Избранные биографии сотрудников советской контрразведки

АСМУС Николай Николаевич (1885–1936). Руководитель контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа в 1917 г. Родился в г. Петербурге в семье рабочего-столяра. С 1903 г. начал работать столяром. В 1914 г. был мобилизован, служил в армии. В июне 1917 г. избран от солдат-фронтовиков делегатом I Всероссийского съезда Советов. В октябре 1917 г. — комиссар Петроградского ВРК в Семеновском запасном полку. Участник штурма Зимнего дворца. В конце 1917 г. — комиссар ВРК над делами контрразведывательного отделения, начальник (или комиссар при начальнике) контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа. В 1920-х-1930-х гг. — мастер, столяр на ленинградских заводах.

БЛЮМКИН Яков Григорьевич (1900–1929). Родился в Одессе. Член партии левых эсеров с 1917 г. В июне — начале июля 1918 г. — заведующий отделением по борьбе со шпионажем Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК. 6 июля 1918 г. по заданию ЦК партии левых с. — р принял участие в террористическом акте с целью сорвать Брестский мир, один из участников убийства германского посла графа В. Мирбаха. Был заочно приговорен к трем годам заключения. После подавления мятежа левых эсеров бежал на Украину, где участвовал в повстанческом движении и подготовке террористического акта против гетмана Скоропадского. В апреле 1919 г. явился с повинной в Киевскую ЧК, был амнистирован Президиумом ВЦИКа. В 1920 г. вступил в РКП(б), был направлен на военную работу. Летом 1920 г. — комиссар штаба Красной Армии Гилянкой советской республики Северный Иран. С сентября 1920 г. — слушатель Академии Генштаба РККА. С 1922 г. работал в секретариате председателя РВСР Л.Д. Троцкого для особых поручений.

С 1923 г. во внешней разведке ОГПУ. В 1924–1925 гг. — помощник полномочного представителя ОГПУ в Закавказье по командованию войсками Закавказской ЧК. В 1925–1926 гг. — ответственный сотрудник Наркомата торговли. В 1926–1927 гг. — главный инструктор Государственной внутренней охраны (службы безопасности) Монголии. В 1928–1929 гг. — нелегальный резидент советской разведки на Ближнем Востоке. В апреле 1929 г. в Константинополе встречался с Троцким, поддерживал с ним связь через его сына Л. Седова. Блюмкин заявил Троцкому, что передает себя «в его распоряжение», составил рекомендации об организации его личной охраны; передал Троцкому, который готовил к изданию автобиографическую книгу «Моя жизнь», сведения о деятельности сотрудников поезда председателя Реввоенсовета в годы гражданской войны; согласился нелегально переправить в СССР для участников оппозиции письмо Троцкого и несколько его книг. По возвращении в СССР в середине октября 1929 г. был арестован. 3 ноября 1929 г. Коллегия ОГПУ постановила расстрелять его «за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти и за измену революционной чекистской армии».

БОБКОВ Филипп Денисович (род. 1925). Генерал армии (1987). Родился в г. Красная Каменка (ныне Кировоградской области Украины). В 1942 г. работал строителем в Кемеровской области, был секретарем Ленинск-Кузнецкого горкома ВЛКСМ. В 1942–1945 гг. служил в рядах Красной Армии, участник Великой Отечественной войны. Два раза был ранен. В 1945 году поступил в Ленинградскую школу контрразведки «СМЕРШ», после окончания которой с 1946 г. работал в Москве в центральном аппарате секретно-политических подразделений МГБ-КГБ -5-м управлении МГБ СССР/4-м управлении МВД/КГБ при СМ СССР, пройдя все ступени — от оперуполномоченного до зам. начальника управления (к 1960 г.). В 1956 г. участвовал в расследовании событий в Тбилиси, в том же году окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1960 г., после ликвидации 4-го управления КГБ, назначен начальником отдела 2-го Главного управления КГБ, с 1961 г. — заместитель начальника 2-го Главного управления КГБ. В 1967 г. был назначен 1 — м заместителем начальника новообразованного 5-го управления КГБ при СМ СССР, в 1969–1982 гг. возглавлял это управление. Член Коллегии КГБ СССР с 1975 г. С янв. 1982 г. — зам. председателя КГБ СССР, с дек. 1985 по янв. 1991 гг. — 1-й зам. председателя КГБ СССР. В 1991 году работал инспектором-советником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Член КПСС с 1944 по август 1991 гг. Член ЦК КПСС в 1986–1990 гг. — Депутат Верховного Совета РСФСР 11-го созыва (1986–1990). Народный депутат РСФСР в 1990–1992 гг. (Плиевский национально-территориальный округ № 122, Северная Осетия). Член депутатских групп «Коммунисты России», «Отчизна», «Военнослужащие». В мае 1992 г. добровольно сложил депутатские полномочия. В 1990-е гг. руководил аналитическим отделом и службой безопасности финансово-промышленной группы «Мост».

Награжден 3 орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени, «За службу Родине в Вооруженных Силах» 3-й степени, медалями, иностранными орденами. Автор мемуаров «КГБ и власть» (1995).

БОЯРОВ Виталий Константинович (род. 1928). Генерал-лейтенант (1981); действительный государственный советник таможенной службы (1989). Родился в г. Чугуеве Харьковской обл. (Украина) в семье сотрудника ОГПУ-НКВД. В 1945 г. окончил школу партизанских радистов по специальности радиопеленгаторщик, в 1970 г. — Высшую дипломатическую школу МИД СССР (заочно). В 1945–1949 гг. служил в радиоконтрразведке НКГБ-МГБ УССР. В 1949–1959 гг. — старший оперуполномоченный, зам. начальника, начальник отделения 2-го управления МГБ-КГБ УССР. В 1956 г. находился в командировке в ВНР. В 1959–1961 гг. — начальник отдела по работе с иностранцами 2-го управления КГБ УССР. В 1963 г. окончил школу № 101 ПГУ КГБ СССР. В 1963–1965 гг. — 2-й секретарь посольства СССР в Великобритании, зам. резидента по линии «К» (внешняя контрразведка), был выслан из страны.

В 1965–1973 гг. — зам. начальника, начальник управления внешней контрразведки ПГУ КГБ СССР. В 1973–1985 гг. — зам., 1-й зам. начальника ВГУ (контрразведка) КГБ СССР. В 1985 — июле 1991 г. — 1-й зам. начальника, начальник Главного управления государственного таможенного контроля при СМ СССР. Основатель и президент Международной ассоциации по правовым и налоговым вопросам «И. Л. Т. С». Президент Всероссийского союза ветеранов таможенной службы.

Награжден орденом Красного Знамени, 3 орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

ГОРБ Михаил Савельевич (наст. фам. и имя Розман Моисей Санелевич) (1894–1937). Старший майор госбезопасности (1935). Родился в м. Чуднов Волынской губ. в семье владельца часовой мастерской. Окончил 1-ю Житомирскую гимназию, в 1914–1915 гг. учился в Петроградском психоневрологическом институте, перевелся на медицинский факультет Киевского университета, окончил 3 курса. С 1914 г. участвовал в революционном движении, эсер. В 1917 г. примкнул к левым эсерам, затем к боротьбистам.

В 1919 г. в Зафронтовом бюро (разведка) ЦК КП(б) Украины, член президиума исполкома Киевского совета. Выступал под фам. Горбунов. При белогвардейской власти работал в подполье в Киеве, Харькове, Одессе, член Одесского ревкома. В подполье принял псевдоним «Горб». В феврале-марте 1920 г. — зам. председателя Одесской губернской ЧК.

С марта 1920 г. — секретарь Киевского губернского ревкома. В апреле 1920 г. вступил в РКП(б). Был мобилизован в органы ЧК. Уполномоченный особого отдела 12-й армии на Западном фронте. После окончания польской кампании — зав. учетно-распределительным отделом и помощник секретаря Киевского губкома КП(б)У.

С января 1921 г. в аппарате ИНО ГПУ. В 1922–1924 гг. на разведывательной работе в Германии под фамилией М. Червяков и прикрытием должности сотрудника полпредства СССР в Берлине. После возвращения в СССР с апреля 1924 г. — помощник, с августа 1931 г. — зам. начальника ИНО ОГПУ.

С 1932 г. учился на факультете общественных наук и заочных курсах МГУ по специальности «математика», окончил в 1936 г. «без каких-либо официальных дипломов».

В 1933–1934 гг. — начальник 4-го отделения и помощник начальника Секретно-политического отдела ОГПУ-ГУГБ НКВД СССР.

С августа 1934 г. — зам. начальника особого отдела ГУГБ НКВД, затем зам. начальника 3-го отдела (КРО) ГУГБ. С апреля 1937 г. — начальник Центрального управления мер и весов НКВД СССР (назначен приказом наркома, ЦК в должности не был утвержден в связи с арестом).

Награжден двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

Арестован 29 апреля 1937 г. по обвинению в участии в антисоветском заговоре в органах НКВД. Приговорен 21 августа 1937 г. к высшей мере наказания; в тот же день был расстрелян.

ГОРЛИНСКИЙ Николай Дмитриевич (1907–1965). Генерал-лейтенант (1945). Родился в г. Ахтырка Сумской области. Трудовую деятельность начал в 1918 г. пастухом, затем учеником сапожной мастерской, рассыльным в бухгалтерии. С апреля 1920 г. работает в органах ЧК делопроизводителем, а затем регистратором в уездных и окружных аппаратах Сумской области, а в мае 1930 г. переходит на оперативную работу в райотделения ОПТУ г. Конотопа и г. Сумы. Член партии с 1931 г.

В марте 1932 г. направляется на учебу в Центральную школу ОГПУ в Москву. После учебы с февраля 1937 г. работает начальником отделения в УНКВД Харьковской и Черниговской областей, затем в 1938 г. — оперуполномоченным 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР (в Москве); с декабря 1938 г. — 2-й заместитель наркома внутренних дел Украинской ССР.

С августа 1940 г. в центральном аппарате на руководящей работе — зам. начальника 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД-НКГБ, начальник 3-го управления НКВД с 31 июля 1941 до 11 авг. 1942, в мае 1943 г. — начальник Управления НКГБ по Краснодарскому краю: с сентября 1945 г. по май 1947 г. — уполномоченный НКВД-НКГБ по Эстонской ССР, а с мая 1947 г. по февраль 1949 г. вновь возглавляет УМГБ по Краснодарскому краю, затем в феврале-апреле 1949 г. — министр госбезопасности Литовской ССР.

С 21 апреля 1949 г. до 29 августа 1951 г. Н.Д. Горлинский возглавлял Управление МГБ в Ленинграде. С должности начальника УМГБ по Ленинградской области был переведен в систему Управления лагерей — зам. начальника Волжского УИТЛ. В марте 1953 г. назначен начальником экономического управления МВД СССР. В 1954 г. уволен из органов госбезопасности за «грубые нарушения соцзаконности». Постановлением Совета Министров СССР от 23 ноября 1954 г. Н.Д. Горлинский был лишен звания генерал-лейтенанта.

Умер в январе 1965 г. В том же году восстановлен в воинском звании.

ДЕМИДЕНКО Николай Иванович (1896–1934). Член партии с 1918 г. (в 1921 г. механически выбыл, вновь вступил в 1929 г.). В органах ВЧК с 1918 г. Работал в особых отделах на Украине. С 1921 г. в центральном аппарате ВЧК-ОГПУ — пом. начальника 6-го отделения КРО. Участник операции «Синдикат-2».

Награжден орденом Красного Знамени.

ДЬЯКОВ Торичан Михайлович (1897–1939). Старший майор милиции (1936). Родился в г. Твери. Из дворян. В 1917 г. окончил Петергофскую школу прапорщиков. В том же году вступил в РСДРП(б). Сотрудник редакции газеты «Известия Тверского Совета». В 1918 г. — командир взвода Красной гвардии, затем на Восточном фронте, участник боев с бело-чехами. В 1919 г. — инструктор НКВД Украины, затем служил в Особых отделах Западного и Туркестанского фронтов. Возглавлял экспедицию Туркестанского фронта по установлению Советской власти на Памире.

В 1923–1926 гг. в центральном аппарате ОГПУ — начальник отделения Восточного отдела, затем начальник Информационного отдела полномочного представительства ОГПУ по Средней Азии. С 1929 г. — начальник Восточного отдела ОГПУ; с 1930 г. — помощник и зам. начальника Особого отдела ОГПУ.

С 1931 г. — зам. полпреда ОГПУ по Крымской АССР (после образования НКВД-зам. начальника УНКВД). С апреля 1935 г. работал в Главном управлении Рабоче-крестьянской милиции НКВД — помощник, зам. начальника, с 1937 г. — начальник отдела уголовного розыска.

Арестован в 1938 г. и расстрелян в 1939 г. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

ЗАЛИН Лев Борисович (наст. фам. и имя Левин Зельман Маркович) (1897–1940). Комиссар госбезопасности 2 ранга (1935). Родился в г. Сморгонь Виленской губ. в семье приказчика. Окончил городское училище и частную гимназию в Вильно. Член еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион». Член РКП(б) с сентября 1918 г. Был на подпольной работе во время немецкой оккупации.

Участник Гражданской войны. С 1920 г. в органах ЧК. Сотрудник Особых отделов армий, Экономического управления ВЧК. С апреля 1921 г. — в ИНО ВЧК-ГПУ, помощник начальника, начальник осведомительной части ИНО ВЧК-ГПУ. Одновременно работал в Особом отделе и КРО ОГПУ. В июле-декабре 1923 г. — на нелегальной работе в Германии. В последующие годы — на руководящей работе в органах ОГПУ-НКВД СССР, в 1930–1931 гг. — зам. начальника Особого отдела ОГПУ, в 1931–1935 гг. — зам. полпреда ОГПУ по Средней Азии, с дек. 1934 г. — нарком внутренних дел Узбекской ССР, в 1935–1938 гг. — начальник УНКВД / нарком внутренних дел Казахской ССР. С марта 1938 г. — начальник 9-го отдела 1-го управления НКВД СССР.

Награжден 2 орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Арестован 7 июня 1938 г. 21 января 1940 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и расстрелян.

КРАСИЛЬНИКОВ Рэм Сергеевич (1927–2003). Генерал-майор в отставке. Закончил Московский государственный институт международных отношений. Работал в Комитете государственной безопасности СССР с 1949 по 1992 год. В 1979-92 гг. возглавлял 1-й отдел 2-го Главного управления КГБ СССР (контрразведка). Автор книг о противостоянии ЦРУ и КГБ, в том числе «Призраки с улицы Чайковского» и «КГБ против МИ-6».

ЛИСТЕНГУРТ Михаил Александрович (1903–1939). Майор госбезопасности (1938). Родился в Одессе. В 1929 г. вступил в ВКП(б). С 1929 г. работал в полномочном представительстве ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, старший уполномоченный ИНО КРО, с 1931 г. — начальник отделения КРО, начальник ИНО, с 1934 г. — помощник начальника Особого отдела. С июля 1934 г. — помощник начальника Особого отдела Управления госбезопасности УНКВД Северо-Кавказского края. С 1935 г. — зам. начальника Секретно-политического отдела Управления госбезопасности УНКВД по Азово-Черноморскому краю. С августа 1936 г. — начальник отделения Секретно-политического отдела ГУГБ, с июня 1937 г. — помощник начальника 5-го (Особого) отдела ГУГБ НКВД СССР. С февраля 1938 г. — и. о. начальника 5-го отдела Управления госбезопасности НКВД УССР. С июня 1938 г. — зам. начальника 3-го отдела (КРО) 1-го Управления госбезопасности НКВД СССР.

Награжден орденом Красного Знамени.

Арестован 25 октября 1938 г. Приговорен к высшей мере наказания 22 февраля 1939 г., расстрелян.

ЛЯЛИН Серафим Николаевич (1908–1978). Генерал-лейтенант (1964). Родился в г. Туле в рабочей семье. В 1923 г. окончил среднюю школу и поступил в ФЗУ. С 1927 г. работал токарем на Тульском патронном заводе, с 1931 г. занимал должность техника-рационализатора. Член Коммунистической партии с 1929 г.

В 1932–1937 гг. учился в Ленинградском военно-механическом институте, который окончил с отличием.

С 1938 г. снова в Туле, работал начальником цеха на оборонном заводе. С августе 1939 г. — парторг ЦК ВКП(б), с сентября 1941 г. — директор оборонного завода (№ 176). С ноября 1941 по июнь 1942 г. — директор завода в г. Орск Чкаловской обл. В январе 1945 г. был избран секретарем Тульского обкома ВКП(б).

В 1951 г. был отозван в распоряжение Управления кадров ЦК ВКП(б) и направлен на

работу в МГБ СССР — назначен зам. начальника 2-го ГУ МГБ. В августе 1952 г. в звании полковника был назначен зам. министра и членом коллегии МГБ СССР, по совместительству являлся председателем Ученого совета министерства.

В апреле 1953 г. был назначен зам. начальника УМВД по Горьковской области, в июле того же года переводится на должность старшего советника МВД СССР-КГБ при СМ СССР при министерстве общественной безопасности ПНР в Варшаве.

С сентября 1954 г. зам. начальника 2-го ГУ, с августа 1958 г. — член Коллегии и зам. председателя КГБ при СМ СССР. В августе 1959 г. был освобожден от этой должности и назначен начальником оперативно-технического управления — членом Коллегии КГБ. С 1961 г. возглавлял 8-е Главное управление КГБ. С октября 1967 г. — начальник УКГБ Московской области. С января 1971 г. — начальник Управления особых отделов КГБ Группы советских войск в Германии.

С августа 1973 г. в отставке.

Избирался депутатом Верховного Совета СССР (1951 г.). Награжден 2 орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями.

ПАНКРАТОВ Лев Иванович (род. 1920). Генерал-лейтенант (1970). Родился в Нижнем Новгороде в семье банковского служащего. В 1938 г. поступил на радиотехнический факультет Горьковского индустриального института имени А.А. Жданова. С мая по июль 1941 г. по комсомольскому призыву работал сменным электриком цеха на заводе «Красное Сормово». В августе 1941 года был призван в РККА и направлен в город Болшево, в Московское военное инженерное училище. По окончании училища в мае 1942 г. в качестве командира саперного взвода принимал участие в боях на Кубани, за город Ростов-на-Дону, а с августа по ноябрь 1942 года в составе Черноморской группы войск Закавказского фронта участвовал в обороне Кавказа. С ноября 1942 по июль 1943 г. служил адъютантом в 66-м отдельном инженерно-саперном батальоне. Служил начальником штаба 1-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона, помощником начальника 1-го отдела штаба бригады по разведке, командиром 76-й отдельной моторизованной разведроты, командиром 2-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона. В составе 1-го и 2-го Белорусских фронтов принимал участие в Белорусской, Осовецкой, Восточно-Прусской, Варшавской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях. Войну закончил в звании майора инженерных войск. На фронте был четыре раза ранен, тяжело контужен.

До декабря 1945 года находился в составе Северной группы войск в городе Легнице. По возвращении в СССР служил командиром 101-го отдельного саперного батальона 96-го отдельного стрелкового корпуса в Курске, затем — офицером резерва в управлении кадров инженерных войск в Москве. После демобилизации в мае 1946 г. продолжил учебу в Горьковском политехническом (бывшем индустриальном) институте им. А.А. Жданова, который окончил в 1950 г. по специальности инженер-электрик, радиотехник. В июне 1949 г., еще будучи студентом-дипломником, поступил на завод № 428 Министерства радиотехнической промышленности (впоследствии Горьковский телевизионный завод им. В.И. Ленина). До ноября 1952 г. работал там, пройдя путь от инженера-лаборанта до заместителя главного конструктора завода.

С ноября 1952 по июнь 1956 г. на партийной работе: был вторым секретарем Приокского райкома КПСС, секретарем парткома на заводе № 428 в Горьком, в аппарате Горьковского обкома КПСС — заведующим отделом науки, школ и культуры. В январе 1958 г. был избран секретарем Горьковского обкома КПСС.

В сентябре 1960 г. направлен на работу в Комитет государственной безопасности СССР, зам. начальника 2-го Главного управления КГБ. С октября 1963 по август 1971 г. работал на посту заместителя председателя КГБ СССР.

В августе 1971 г. назначен заместителем министра радиопромышленности СССР. В мае 1974 г. — заместителем министра промышленности средств связи. На этой должности

проработал до сентября 1983 года.

Награжден орденом Александра Невского, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красного Знамени ЧССР, орденом «За службу Родине» золотой степени ВНР, медалями «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», «За отличие в охране государственной границы», многими другими медалями СССР и зарубежных стран (МНР, ГДР, НРБ, Украина). Удостоен званий «Почетный сотрудник КГБ СССР», «Почетный сотрудник ФАПСИ», «Почетный радист СССР». Отмечен почетными знаками Криптографической службы, «За службу в контрразведке» I степени, «70 лет правительственной связи».

ПИЛЛЯР Роман Александрович (наст. фам. и имя Пилляр фон Пильхау Ромуальд) (1894–1937). Комиссар госбезопасности 2 ранга (1935). Родился в м. Лапы Белостокской губ. в семье железнодорожного инженера (по другим сведениям — в г. Вильно или в Ломжинской губ. царства Польского). По происхождению остзейский немец, барон. Двоюродный племянник Ф.Э. Дзержинского. С 1905 г. учился в гимназии в Вильно, Цюрихе (Швейцария), Аренсбурге (Лифляндская губ.), в г. Данилове Ярославской губ.

С 1914 г. участник революционного движения. После Февральской революции 1917 г. — секретарь Даниловского совета крестьянских депутатов. В августе-октябре 1917 г. — курсант военного училища в Москве.

С октября 1917 г. — на подпольной работе в оккупированной кайзеровскими войсками Литве. Был арестован, до апреля 1918 г. находился в заключении. Затем был одним из руководителей партийного подполья в Вильно, председателем военно-революционного комитета Литвы. Один из основателей Компартии Литвы и Белоруссии, с октября 1918 г. — член ее ЦК; член Виленского горкома и секретарь ЦК КП Литвы и Белоруссии. Участвовал в боях с польскими войсками. С января 1919 г. — член президиума и секретарь ЦИК Литовско-Белорусской республики. После захвата Вильно польскими войсками и падения власти Советов в мае 1919 г. был арестован и приговорен к смертной казни. Подвергся расстрелу, однако убит не был и чудом выжил. В декабре 1919 г. был обменен на пленных польских военнослужащих. С января 1920 г. — зам. председателя Комиссии НКВД РСФСР по обмену политзаключенными с Польшей. С апреля 1920 г. — особоуполномоченный Особого отдела ВЧК Западного фронта.

В октябре 1920 — марте 1921 г. находился на нелегальной работе в Верхней Силезии (Германия).

С марта 1921 г. — начальник 15-го специального отделения Особого отдела ВЧК, затем помощник начальника Особого отдела ВЧК/ГПУ. Одновременно с конца 1921 г. — помощник начальника иностранного отдела ВЧК/ГПУ. С июля 1922 по декабрь 1925 г. — зам. начальника Контрразведывательного отдела (КРО) ГПУ/О ГПУ.

Во время Генуэзской международной конференции (апрель-май 1922 г.) обеспечивал безопасность советской делегации. В 1924–1925 гг., наряду с начальником КРО А.Х. Артузовым и другими, принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении крупных контрразведывательных операций «Трест» и «Синдикат-2».

В 1925–1929 гг. — председатель ГПУ БССР, одновременно полномочный представитель ОГПУ по Западному (Белорусскому краю) и Белорусскому военному округу.

С ноября 1929 г. — полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю; с ноября 1932 г. — по Средней Азии. С июля 1934 г. — начальник УНКВД по Средней Азии. С декабря 1934 г. — начальник УНКВД по Саратовскому краю — Саратовской обл.

Награжден орденом Красного Знамени, двумя знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ», маузером с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией», почетной грамотой Коллегии ОГПУ.

16 мая 1937 г. снят с должности.

Арестован в ночь с 16 на 17 мая 1937 г. Обвинен в принадлежности к «Польской

организации войсковой» (ПОВ) и агентуре польских разведывательных органов, а также во вредительстве в органах НКВД. 2 сентября «в особом порядке» комиссией в составе наркома внутренних дел, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1957 г.

ПУЗИЦКИЙ Сергей Васильевич (1895–1937). Комиссар госбезопасности 3 ранга (1935). Родился в г. Ломже Привисленского края в семье учителя. В 1912 г. окончил гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета.

В 1914 г. вступил добровольцем в армию, окончил Александровское военное училище в Москве, затем артиллерийские курсы. В 1916 г. — прапорщик, затем подпоручик дивизиона тяжелой артиллерии. После Февральской революции был избран членом солдатского комитета дивизии. В октябре 1917 г. вместе со своим дивизионом выступил на стороне Московского ВРК.

С марта 1918 г. — заведующий артиллерийской частью штаба Московского военного округа, с ноября — секретарь, затем — следователь, зав. следственным отделом Реввоентрибунала Республики. Одновременно продолжал учебу на юридическом факультете Московского университета; окончил в 1919 году.

В мае 1920 г., оставаясь зав. следственным отделом Реввоентрибунала, был зачислен в резерв Административного отдела ВЧК. В дальнейшем — сотрудник, помощник начальника, начальник 16-го спецотделения Особого отдела ВЧК. В 1921 г. вступил в РКП(б).

С июля 1922 по июнь 1930 г. состоял помощником начальника КРО ГПУ/ОГПУ СССР; одновременно в сентябре 1923 г. — помощник начальника Особого отдела ГПУ/ОГПУ СССР.

Принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении операции «Синдикат-2», завершившейся в 1924 г. арестом руководителя террористической организации «Народный союз защиты родины и свободы» Б.В. Савинкова, а также в поимке английского разведчика С. Рейли (операция «Трест»).

В январе 1928 г. был командирован в Якутию для руководства ликвидацией антисоветского повстанческого движения.

В январе 1930 г. непосредственно участвовал в операции по похищению в Париже руководителя РОВСа генерала А.П. Кутепова.

В феврале 1930 г. назначен начальником оперативной группы ОГПУ «по массовому выселению крестьянства и изъятию контрреволюционного актива».

С июня по сентябрь 1930 г. — зам. начальника Контрразведывательного, с октября — Особого отдела ОГПУ СССР. С марта 1931 г. — зам. полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.

В ноябре 1931 г. был направлен на руководящую работу во внешнюю разведку, занимал должность помощника начальника ИНО ОГПУ (с июля 1934 г. — ИНО ГУГБ НКВД). Неоднократно выезжал за границу для выполнения оперативных заданий. В январе 1935 г. был переведен в особый резерв ГУГБ в связи с откомандированием на работу помощником начальника Разведывательного управления РККА.

С июля 1935 г. — зам. начальника Дмитровского исправительно-трудового лагеря НКВД, начальник отдела этого же лагеря. В апреле 1937 г. откомандирован на Дальний Восток в распоряжение начальника спецгруппы работников НКВД Л.Г. Миронова.

Награжден 2 орденами Красного Знамени, 2 знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ», золотым оружием с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией. Ф. Дзержинский», знаком «X лет Государственной внутренней охраны МНР».

В мае 1937 г. был арестован по обвинению в принадлежности к «троцкистско-зиновьевскому блоку». 19 июня 1937 г. комиссией в составе наркома внутренних дел и прокурора СССР приговорен к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

РАЩЕПОВ Евгений Михайлович (1929–1997). Генерал-лейтенант. Руководящий сотрудник советской контрразведки. В 1970-х гг. — начальник 1-го (американского) отдела ВГУ КГБ. В 1979–1991 гг. — начальник 7-го управления КГБ СССР. С 1991 г. в отставке.

САЗЫКИН Николай Степанович (1910–1985). Генерал-лейтенант. Член ВКП(б) с июня 1939 г. Родился в с. Колобовка Царевского уезда Астраханской губернии в семье крестьянина-середняка. С сент. 1928 г. преподавал в школе 2 ступени в Ленинске. В сент. 1930 г. — янв. 1932 г. работал экспедитором Сталинградского отдела правительственной связи ОГПУ. В янв. — сент. 1932 г. учился в Институте народного хозяйства им. ГВ. Плеханова, а в сент. 1932 г. — нояб. 1935 г. — в Московском плановом институте. С нояб. 1935 — экономист ГУЛАГ НКВД СССР. С февр. 1936 г. — экономист Сталинградского край-плана. С апр. того же года — сотрудник УНКВД по Сталинградскому краю.

В авг. 1937 г. перешел на работу в центральный аппарат НКВД СССР. В дек. 1938 г. возглавил секретариат 2-го Отдела ГУГБ НКВД СССР. В янв. 1939 г. он получил назначение на должность зам. начальника секретариата НКВД СССР и одновременно возглавил Контрольно-инспекторскую группу при наркоме.

С августа 1939 г. работал начальником УНКВД по Пермской/Молотовской области. С авг. 1940 — нарком внутренних дел, а с февр. 1941 г. — нарком государственной безопасности Молдавской ССР.

В июле 1941 г. был назначен начальником особого отдела НКВД Южного, а с сент. 1941 г. — Юго-Западного фронта. В окт. 1941 он получил назначение на должность начальника 3-го специального отдела НКВД СССР.

В мая 1943 г. стал зам. начальника 2-го Управления НКГБ СССР. В нояб. 1944 г. вошел в состав Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии и был назначен уполномоченным НКВД/НКГБ СССР в ЭССР.

С сент. 1945 г. — зам. начальника Отдела «С» (координация разведдеятельности по атомному проекту) НКВД СССР (с 10 янв. 1946 — НКГБ/МГБ СССР).

С марта 1947 г. — зам. министра государственной безопасности Белоруссии. В мае того же года его отозвали в распоряжение СМ СССР и назначили помощником зам. председателя СМ СССР Л.П. Берии по вопросам новой техники с зачислением в действующий резерв МГБ.

С марта 1953 г. — начальник 4-го (секретно-политического) Управления МВД СССР. После ареста Берии в июле 1953 он был отстранен от должности. С окт. 1953 г. занимал должность начальника цикла спецдисциплин Московской школы усовершенствования руководящего состава МВД, (с марта 1954 г. — КГБ при СМ СССР).

Награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени.

С сент. 1954 находился в распоряжении управления кадров КГБ при СМ СССР. В нояб. 1954 уволен в запас Советской Армии и лишен звания «как дискредитировавший себя за время работы в органах... и недостойный в связи с этим высокого звания генерала». В 1957 г. исключен из КПСС.

Умер в Москве.

СОСНОВСКИЙ (наст. фам. Добржинский) Игнатий Игнатьевич (1897–1937). Комиссар госбезопасности 3 ранга (1935). Родился в г. Рига. С 1912 г., будучи гимназистом в Вильно, принимал активное участие в деятельности различных польских националистических групп. Учился в Московском университете. С 1918 г. член ППС (революционная фракция). С 1918 г. служил вольноопределяющимся в корпусе генерала Довбор-Мусницкого (армия Пилсудского). Руководил восстаниями рабочих в Сувалках и Гродно против немцев. Являлся членом Польской организации войсковой. Руководил разведывательной сетью 2-го отдела Генштаба Польши в России под кличкой «Сверщ». В

мае 1920 г. арестован и вместе со своими бывшими агентами перешел на работу в органы ВЧК. Сотрудник для особых поручений ОО ВЧК. С мая 1921 г. — пом. начальника, С 1922 г. — начальник отделения КРО ОГПУ. С 1927 по 1929 гг. — секретарь Секретно-оперативного управления ОГПУ. В 1929–1931 гг. — начальник КРО полномочного представительства по Белорусскому военному округу, затем по Центрально-Черноземной области. В 1931–1935 гг. — начальник отделения, зам. начальника Особого отдела ОГПУ-ГУГБ НКВД СССР. С мая 1935 г. — зам. начальника управления НКВД по Саратовскому краю.

Награжден орденом Красного Знамени.

Арестован в ноябре 1936 г. Расстрелян 15 ноября 1937 г. Реабилитирован в 1958 г.

СТЫРНЕ Владимир Андреевич (1897–1938). Комиссар госбезопасности 3 ранга (1935). Родился в г. Митава в семье мелкого чиновника. Окончил 1-ю московскую гимназию. Студент физико-математического факультета Московского университета. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В 1920 г. работал в Наркомате по делам национальностей РСФСР. С 1920 г. — член РКП(б). С 1921 г. — в органах ВЧК — пом. начальника 14-го спецотделения, уполномоченный осведомительной части ИНО, вр. и.д. начальника и начальник 14-го спецотделения Особого отдела (1921–1922), зам. начальника Восточного отдела и начальник 1-го отделения Восточного отдела ГПУ (1922). В окт. 1922 — марте 1923 гг. — начальник КРО ПП ГПУ по Туркестану. С марта 1923 г. в КРО ГПУ-ОГПУ: уполномоченный, начальник 4-го отделения. В 1924–1930 гг. — помощник начальника КРО ОГПУ. В 1930–1931 гг. — помощник начальника Особого отдела ОГПУ, одновременно начальник 1-го отдела /отделения ОО ОГПУ. В сент. 1931 — окт. 1933 гг. — начальник Особого отдела полномочного представительства ОГПУ по Уральской области. С дек. 1933 г. — зам. полномочного представителя ОГПУ по Ивановской пром. области. В сент. 1935 — июле 1937 гг. — начальник управления НКВД по Ивановской пром. (с 1936 г. — Ивановской) области. С июля 1937 г. — начальник 3-го (контрразведывательного) отдела НКВД УССР.

Награжден орденом Красного Знамени, 2 знаками «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

Арестован 22 окт. 1937 г. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 15 нояб. 1937 г. к расстрелу. Реабилитирован в конце 1960-х гг. Реабилитация совпала с выходом на экран фильма «Операция "Трест"», в котором Стырне, активно участвовавший в операции, был выведен под своей фамилией, в отличие от вышедшей в 1965 г. книги Л.В. Никулина «Мертвая зыбь», где он был изображен под фамилией Старов. По словам режиссера фильма С. Колосова, именно он поставил вопрос о реабилитации Стырне.

ТЕЛЕГУЕВ Евгений Алексеевич (род. 1924). Генерал-майор. Родился в Москве. Участник Великой Отечественной войны. Служил в ОМСБОН, воевал под Москвой, в Белоруссии, в 1944–1951 гг. в операциях по борьбе с бандитизмом в Латвии. После окончания ВРШ КГБ (1957) служил в ПГУ и ВГУ КГБ СССР. В 1975–1978 гг. — начальник УКГБ по Амурской области, в 1978–1981 гг. — начальник УКГБ по Хабаровскому краю. С 1981 г. — в центральном аппарате КГБ СССР. С 1985 г. — в отставке.

Награжден 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, 3 орденами Красной Звезды, медалями, орденами ПНР и ЧССР. Первый зам. председателя Российской комиссии по делам партизан и подпольщиков. Председатель Совета ветеранов ОМСБОН.

УТЕХИН Георгий Валентинович (1906–1987). Генерал-майор (1944). Родился в Санкт-Петербурге в семье военного врача. С 1919 г. — в Симбирске, ученик в театральной мастерской Госнардома. С 1921 г. — делопроизводитель, технический секретарь комитета комсомола завода имени В. Володарского. С 1922 г. — в отряде ЧОН ГПУ в Туркестане. В 1924 г. окончил школу 2-й ступени в Симбирске. Работал кочегаром и помощником

электромонтера на Симбирском патронном заводе, в 1925 г. — на маслозаводе «Красный Узбекистан» в Андижане.

В 1926 г. поступил в Ленинградский фотокинотехникум (позднее Институт кинематографии), после окончания которого в 1930 г. работал помощником кинооператора на «Ленфильме». В 1929 г. вступил в ВКП(б).

В 1933 г. принят на работу в органы госбезопасности. Практикант, помощник уполномоченного Особого отдела, с мая 1934 г. — уполномоченный Экономического отдела полномочного представительства ОГПУ Ленинградского военного округа/УНКВД по Ленинградской обл.

В 1935–1941 гг. в управлении НКВД по Ленинградской области: оперуполномоченный, помощник и зам. начальника отделения, начальник 5-го отделения 8-го отдела Управления госбезопасности, 8-го отдела 1-го Управления госбезопасности, зам. начальника Экономического отдела УНКВД по г. Ленинграду. С конца 1940 г. — начальник Экономического отдела УНКВД по Ленинградской области. С марта 1941 г. — начальник КРО УНКГБ по Ленинградской области.

После начала Великой Отечественной войны с 1941 г. — начальник Особого отдела НКВД 23-й армии Ленинградского фронта, с 1943 г. — 2-й гвардейской армии Южного фронта.

С 15 апреля 1943 г. — начальник 3-го отдела, с февраля 1944 г. — 4-го отдела ГУКР «Смерш» Наркомата обороны СССР. С июня 1946 г. — зам. начальника ВГУ МГБ СССР, с 1949 г. — начальник 1-го Управления (внешней контрразведки) МГБ СССР. С сентября 1951 г. — начальник отдела «2-Б» ВГУ МГБ СССР.

В октябре 1951 г. был отстранен от работы и арестован по «делу Абакумова». Обвинялся в антисоветской деятельности, вредительстве, участии в «заговоре в МГБ». В марте 1953 г. освобожден из заключения и полностью реабилитирован. Был назначен зам. начальника 4-го управления (СПУ) МВД СССР. После прихода Н.С. Хрущева в августе 1953 г. освобожден от занимаемой должности.

В сентябре 1953 — декабре 1955 гг. — начальник 1-го отдела УМВД, начальник 2-го отдела УКГБ по Челябинской области.

В 1955 г. уволен в отставку по состоянию здоровья.

С 1957 г. работал зам. директора по режиму и начальником специального отдела НИИ в Москве.

Награжден 2 орденами Красного Знамени.

ФАБРИЧНИКОВ Аркадий Андреевич (род. 1924).

Генерал-майор. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Свердловскую школу Главного управления контрразведки «Смерш», был направлен на работу в 1-е Главное (разведывательное) управление МГБ СССР. С 1954 г. — сотрудник аппарата уполномоченного КГБ СССР при МВД ГДР. В 1959–1974 в 1-м Главном управлении КГБ СССР. В 1974 переведен во 2-е Главное управление КГБ СССР. В 1976 г. — заместитель начальника 2-го Главного управления и одновременно начальник одного из управлений ВГУ. С 1986 г. работал в Высшей школе КГБ СССР начальником кафедры контрразведывательного искусства. В отставке с 1992 г. Профессор в Академии ФСБ РФ.

ЩЕРБАК Федор Александрович (1918–1998). Генерал-лейтенант. Член Коллегии КГБ СССР в 1982–1989 гг. В органах НКВД с 1941 г. — оперуполномоченный, старший оперуполномоченный 2-го отдела Управления особых отделов. С 1943 г. — начальник отдела Управления контрразведки «СМЕРШ» Наркомата Военно-морского флота СССР. Проработал в контрразведке свыше 40 лет. В 1944–1952 г. — зам. начальника отдела 2-го ГУ МГБ, в 1953 г. — зам. начальника отдела 1-го ГУ МВД СССР. С 1954 г. — зам., с 1963 г. — 1-й зам. начальника 2-го ГУ КГБ. В 1968–1970 гг. — зам. начальника Высшей краснознаменной школы КГБ имени Дзержинского при СМ СССР. В 1970–1982 гг. вновь 1-й

зам. начальника 2-го ГУ КГБ. В 1982–1989 гг. — начальник 6-го (экономического) управления КГБ СССР. С 1989 г. в отставке.